PG 3337
.P59 P4

1873

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Pogodin, Mikhail Petrovich

ПЕТРЪ I,

Petr I

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

1831.

МОСКВА.
Тип. В. М. Фринъ и С. П. Анненкова, Никитская ул., д. Восйковой.
1873.

PG3337
.P59PA
1873

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РУССКИХЪ ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА

ПУШКИНА,

СЕЙ ТРУДЪ,

ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЛЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Михаилъ Погодинъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Алексѣевичъ, царь Всероссійскій.
Екатерина Алексѣевна, супруга его.
Петръ, младенецъ, сынъ ихъ.
Князь Меньшиковъ.
Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.
Петръ Андреевичъ Толстой.
Князь Голицынъ.
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
Князь Рѣпнинъ
Князь Щербатовъ.
Бутурлинъ.
Князь Гагаринъ.
Апраксинъ.
Князь Трубецкой.
Адамъ Вейде.
Алексѣй, сынъ Петра отъ перваго брака.
Іаковъ, разстриженный протопопъ, бывшій духовникъ его.
Александръ Кикинъ.
Князь Вяземскій.
Ѳедоръ Дубровской.
Абрамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ.
Князь Василій Владимировичъ Долгорукій.
Князь Сибирскій.
Князь Львовъ.
Нарышкинъ.
Иванъ Аѳонасьевъ.
Дьякъ Вороновъ.
Ѳедоръ Эварлаковъ.
Татищевъ, деньщикъ Государя.
Военный офицеръ.
Часовой.
Судьи, заговорщики, солдаты.

Сенаторы и судьи.

Друзья его и недовольные.

I.

Комната въ домѣ Кикина.

—

Кикинъ, *посмотрѣвъ на стѣнные часы.*

Въ исходѣ третій часъ. Пора сбираться
Гостямъ моимъ. А я съ нежданной вѣсти
Дрожу еще. *Подходя къ окну.*
Но вотъ подъѣхалъ кто-то...
Князь Вяземскій, посолъ мой вѣрный...
Князь Вяземскій входитъ.

Кикинъ.

Здравствуй!
Что, съ пользой ли трудился? Всѣ ль пріѣдутъ
Названные?

Князь Вяземскій.

Радёхоньки. Всѣ будутъ.

Кикинъ.

А я кое-кого изъ постороннихъ,
Изъ недовольныхъ, пригласилъ гостей:

Сибирскаго, Лопухина Абрама,
Нарышкина... Сегодній вечеръ долженъ
Рѣшительнѣе быть, чѣмъ мы гадали.
Громовая надъ нами всходитъ туча.
Вѣдь, знаешь ли? царевичъ...

Входитъ разстрига-протопопъ Іаковъ.

Кикинъ встрѣчаетъ его, подходя подъ благословеніе.

Кн. Вяземскій.

Что, царевичъ?

Кикинъ.

Пойманъ.

Кн. Вяземскій.
Что ты?
О. Іаковъ.
Какъ такъ?
вмѣстѣ.

Кикинъ.

Такъ. Въ Неаполѣ.
Румянцевъ и Толстой везутъ сюда ужъ
Его.

О. Іаковъ.

О Господи!

Кн. Вяземскій.

Какъ ты узналъ?

Кикинъ.

Гонецъ къ нему нашъ воротился, встрѣтясь
За Кіевомъ.

О. Іаковъ.

А видѣлся-ль Григорьичъ
Съ царевичемъ?

Кикинъ.

Вотъ то-то и бѣда,
Что нѣтъ: царевичъ за семью замками,
Вы знаете Толстаго.

Кн. Вяземскій.

И Румянцовъ
Хорошъ.

О. Іаковъ.

Игемоны Пилады! Какъ онъ
Сѣтей діаволихъ не остерегся!

Кн. Вяземскій.

Онъ ротозѣй: развѣсилъ, вѣрно, губы,
А коршуны влетѣли.

Кикинъ.

Такъ ли, сякъ ли —
Объ этомъ толковать ужъ поздно.
Намъ должно думать о своемъ спасеньѣ:
Совѣтники, друзья мы Алексѣя,
Сообщники всѣхъ дѣлъ и помышленій,
Мы первые въ отвѣтѣ, и... на плахѣ.
Итакъ, предупреждать ударъ грозящій:
Уговоримъ товарищей рѣшиться —
Начать давно замышленное дѣло...

О. Іаковъ.

Охъ! кто велитъ теперь идти имъ на́ ножъ,
Не изготовяся!

Кикинъ.

Въ томъ хитрость вся:
Ихъ истиной и ложью обморочить,
Разлакомить надеждой, клевѣтою
Пугнуть другихъ, зашедшихъ не далеко
Въ нашъ кругъ, поджечь еловыя дрова,
Которыя давно трещатъ, курятся,
А не горятъ; нарвать съ ихъ языка
Побольше дерзкихъ словъ; — узлами сими,
Что сами наготовятъ на себя,
Въ добавокъ къ прежнимъ всѣмъ надежнымъ петлямъ,
Сегодня жъ привязать судьбу ихъ къ нашей,
Подъ нашу власть подвесть безъ прекословья...

Служитель, *войдя.*

Сибирскій князь къ воротамъ подъѣзжаетъ.

Кикинъ.

На встрѣчу я пойду къ нему. Смотрите,
Друзья, умнѣй! Предупредите нашихъ,
Какъ съѣдутся. *Выходитъ.*

О. Іаковъ.

О велій грѣхъ! о горе!

Кн. Вяземскій.

Все къ лучшему; одинъ конецъ! Легко ли —
Лѣтъ восемь мы сбираемся въ подвалахъ,
Украдкой, по ночамъ, толкуемъ, споримъ,
А нѣтъ впередъ ни шагу... я надѣюсь
На вызовъ нынѣшній...

О. Іаковъ.

А я такъ нѣтъ.
Остаться, видно, намъ однимъ съ уликой
Передъ царемъ.

Кн. Вяземскій.

Но надо-жъ попытаться:
Въ рукахъ у насъ единственное средство...
Авось!

Кн. Сибирскій, *входя съ Кикинымъ.*

Какой проказникъ онъ! Калитку,
Ворота отпираетъ, изъ кареты
Высаживаетъ... Ну, спасибо, милый!
Благослови честный отецъ Іаковъ!

Кикинъ.

Кого же и почесть намъ, какъ не ваше
Сіятельство!

Кн. Сибирскій.

Нѣтъ! нынѣ вѣкъ другой.
Все выходцы, да проходцы въ почетѣ.
Посмотришь — молоко у поросенка
Вѣдь на губахъ совсѣмъ-то не просохло,
Незнамо кто, незнам' откуда взялся,
А лѣзетъ въ гору, а толкаетъ старшихъ...

Кикинъ.

Помилуйте! святая Русь не клиномъ
Сошлась. Конечно, царь нашъ потакаетъ
Буянамъ, неучамъ, и лучше съ дрянью
Обходится, чѣмъ съ старыми князьями;
Но многіе живутъ обычьемъ предковъ,
Разсчесть умѣютъ, кто чего достоинъ,
Кто выходецъ, кто родовой бояринъ.

Кн. Сибирскій.

Ужъ и не вѣрится мнѣ что-то, братецъ:
Всѣ по водѣ плывутъ. Не такъ ли, батька?
Да что ты пасмуренъ? халтуры-то не стало.
Разстригъ тебя лжепастырь злочестивый.
Какъ быть! И насъ въ кружокъ вѣдь подстригаютъ,
Волосъ у всѣхъ на перечетъ осталось.

О. Іаковъ.

Нѣтъ. Я не объ своей главѣ стенаю:
Я плачу горькими слезами Іереміи
О беззаконіяхъ, людскомъ развратѣ,
О казни той, что буйный Манассія
Сбираетъ на главу драгой отчизны.

Кн. Вяземскій. *смотря въ окно.*

Князь Долгорукій и Нарышкинъ ѣдутъ.

Кикинъ, *выходя.*

Прошу покорно, дорогіе гости!

Кн. Сибирскій, *къ кн. Вяземскому.*

Ну, что есть новенькаго, князь Никифоръ,
У васъ? Петръ Алексѣичъ аль Михайлычъ —
Не знаю какъ назвать — живетъ здорово ль?
Не выдумалъ ли почуднѣй чего?

Князь Долгорукій и Нарышкинъ входятъ съ Кикинымъ и раскланиваются. За ними Аѳанасьевъ, Дубровскій, съ которыми начинаетъ говорить тихо князь Вяземскій.

Кн. Сибирскій, *увидѣвъ Долгорукаго.*

Ба, ба! Вотъ кто намъ все про все разскажетъ.
Онъ легокъ на ногу, вездѣ бываетъ.
Да что ты, братъ, какой кургузый! словно —

Оборачиваетъ его.

Комедіантъ заморскій... не подъ лѣта! *Смѣется.*

Кн. Долгорукій.

Такой портной у насъ теперь завелся:
Кроитъ и шьетъ онъ по своей всѣмъ мѣркѣ,
Сколачиваетъ на одну колодку.
Такъ не взыщите!

О Іаковъ.

Преставленье свѣта!
Брады, ее жъ Исусъ Христосъ уважилъ,
Одежды, что угодники носили,
Лишаетъ нечестивецъ насъ, антихристъ,
На образъ Божій, въ буйствѣ, посягая.

Кн. Сибирскій.

Нѣтъ, что ни говори онъ, — я кафтана
Нѣмецкаго съ штанами не надѣну.
И на другихъ смотрѣть, такъ право срамно.
Я въ землю ужъ смотрю.

Нарышкинъ.

Въ своей деревнѣ
Вамъ хорошо такъ разсуждать, на волѣ.

Нѣтъ, попытайтесь здѣсь-ка, предъ глазами.
Лопухина намедни въ ассамблеѣ,
Какъ онъ за это оборвалъ, какъ зыкнулъ!
Стѣна вздрогнула. Тутъ кафтанъ забудешь,
Давай хоть саванъ — и его надѣнешь.

Лопухинъ входитъ, а за нимъ и прочіе гости.

Кн. Сибирскій.

Вотъ на поминѣ легокъ. Мы сейчасъ
Лишь о тебѣ, дружище, толковали.

Лопухинъ.

Благодарю. Чѣмъ заслужилъ такое
Вниманіе?

Кн. Долгорукій.

Дубинкой, что ходила
Въ субботу по твоей спинѣ.

Лопухинъ.

Охъ, помню.
Ударилъ ею разъ одинъ, а искры
Такъ и посыпались изъ глазъ обоихъ.

Кн. Вяземскій.

Да, мужичина дюжій, и рука
Тяжелая...

Кн. Сибирскій, *усмѣхаясь.*

Кого достать случится.

Лопухинъ.

Четырнадцати онъ вершковъ, пождите,
Достанетъ всѣхъ; готовитъ онъ указецъ,
Почище ужъ Языковской горячки!

Кн. Сибирскій.

О чемъ?

Другіе.

О чемъ же?
Что еще такое?

О. Іаковъ.

Какія козни новыя Осія
На гибель православныхъ вымышляетъ?

Кикинъ, *который до сихъ поръ распоряжался съ своимъ дворецкимъ.*

Помилуйте, честные господа!
Да вы совсѣмъ порядокъ позабыли.
Намъ выпить слѣдуетъ теперь, а послѣ (*вздыхая*)
За дѣло примемся. Я самъ бесѣдѣ
Кое-что сообщу...

Даетъ знакъ одному служителю, который приноситъ большой подносъ, уставленный чарами, къ своему барину; сей, взявъ благословеніе отъ о. Іакова, начинаетъ обносить съ князя Сибирскаго.

Кикинъ, *къ кн. Сибирскому.*

Пожалуйте! На двухъ ногахъ мы ходимъ!

Кн. Сибирскій.

За здравіе хозяина. Благодарствуй!
Дай Богъ тебѣ прожить еще сто лѣтъ,
Да двадцать, да хоть маленькихъ пятнадцать.

Откушавъ нѣсколько, ставитъ чару на подносъ.

Кикинъ.

О всей прошу, сіятельнѣйшій князь!

Кн. Долгорукій.

Не обижайте, дядюшка, хозяина!

О. Іаковъ.

Не радуйте діавола, и злобы
На днѣ не оставляйте. О! довольно,
Довольно по грѣхамъ людскимъ на свѣтѣ
Ея.

Кн. Сибирскій.

Не пьется. Отуманилъ этотъ
Не доброй вѣстью. Хоть сказалъ бы послѣ!

Кикинъ.

Богъ милостивъ! не поддавайтесь страху:
Все перемелется — мучица будетъ,
А вашему сіятельству хлѣбъ съ солью.

Обходитъ съ служителемъ нѣсколько разъ прочихъ гостей. Одни пьютъ, другіе отговариваются.

Нарышкинъ.

По третьей ужъ! ты опоить насъ хочешь!

Кикинъ.

Помилуйте. Безъ троицы и домъ
Не строится,—а намъ высокія палаты
Придется громоздить.

Кн. Сибирскій.

Да поскорѣе
Скажите, что случилося?

Кикинъ, *кончивъ подчиванье и отославъ служителей.*

Теперь и сядемъ,
Друзья, рядкомъ, и станемъ говорить
Ладкомъ.

Всѣ садятся въ кружокъ. Къ Лопухину.

Скажи же намъ, ну что ты слышалъ?
Моя же рѣчь останется впередъ.

Лопухинъ.

Вѣдь плохо, господа.

Кн. Сибирскій.

Да что такое?

Лопухинъ.

Вѣдь очень плохо.

Кн. Долгорукій.

Говори: мы ждемъ.

Лопухинъ.

Такъ плохо, хоть живые зарывайтесь
Въ сырую мать-землю. Во-первыхъ, царь
Приказъ особый о дворянскихъ службахъ
За тридцать лѣтъ послѣднихъ наряжаетъ;
Уликъ, слышь, и доносовъ тьма скопилась.
Начальники по городамъ, надъ войскомъ,
Въ судахъ, дьяки, послы, всѣ позовутся
Къ отвѣту, — всѣ, и даже отставные.

Кикинъ.

Ай-ай, какая общая опала!

Къ кн. Вяземскому тихо.

Нечаянно, а очень намъ, братъ, кстати.

Кн. Львовъ.

Но какъ за прошлое судить насъ время?
Нельзя и оправдаться вѣдь: иное
Затеряно, иное позабыто.
Я, напримѣръ...

Лопухинъ.

Нѣтъ нужды. Тѣмъ и лучше.
Насъ не судить хотятъ, а засудить.
Всѣмъ обвиняемымъ составленъ списокъ.

Кн. Львовъ.

Мое тамъ имя есть?

Нарышкинъ.

А не видалъ ли
Мово?

Лопухинъ.

Не позабытъ никто, — и самъ
Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

Кикинъ.

Ну-ну! теперь кому же очищаться,
Коль чистый самъ попался.

Лопухинъ.

Царь затѣялъ
Затѣю эту, чтобъ подъ видомъ пени
Боярскія имѣнья обобрать,
Казну пополнить, надѣлить любимцевъ...

Нарышкинъ.

Насъ по міру пустить, а ихъ въ три горла
Откармливать наслѣднымъ хлѣбомъ нашимъ.

Кн. Львовъ.

Подавятся! Нѣтъ, на своемъ дворѣ
Скорѣе я умру, чѣмъ Алексашку,
Будь онъ разримскій князь, хоть подпущу
Къ амбару.

Лопухинъ.

Но постойте, господа!
Я разсказалъ не все: еще есть мудренѣе
Загвоздочка. Дворянство царь подъ корень
Сбирается подкапывать.

Кн. Долгорукій.

Какъ такъ?

Лопухинъ.

А вотъ какъ: сочиняетъ онъ указецъ,
Что всякій человѣкъ, будь онъ подъячій,
Мастеровой, кутейникъ, иль фабричный,
Холопъ, солдатъ, — за службу и познанье,
За выдумку полезную какую,
Дворянство можетъ получить себѣ
И дѣтямъ всѣмъ, что послѣ народятся.

Кн. Сибирскій.

Нѣтъ. Это ужъ пустое онъ затѣялъ.
Дворянство — нѣтъ — никто не можетъ сдѣлать,
Хоть будь семи пядей во лбу. Нѣтъ, нѣтъ!
Дворянство Божье дѣло, не людское:

Оно извѣчное. Мы съ нимъ родимся,
Какъ съ головой, руками и ногами.
Я князь, и въ гробъ все тѣмъ же княземъ лягу;
Холопъ — служи до свѣтопреставленья.
Пусть моетъ чернаго онъ кобеля,
Не вымоетъ, хоть тресни, до бѣла!

Кн. Львовъ.

Какое-жъ намъ останется отличье
За древній родъ тогда и службу предковъ?

Кикинъ.

Онъ службы предковъ въ грошъ давно не ставитъ.
Служи-ка самъ.

Кн. Сибирскій.

Да я на что-жъ бояринъ?
Рабы на службу есть.

Кикинъ.

Онъ говоритъ:
Я царь вашъ, да служу.

Кн. Сибирскій.

Какой онъ царь! —
Батракъ. Такіе ли цари бывали
У насъ? Въ пять лѣтъ инаго не увидишь,
Ни дочего не тронется руками.
Вотъ настоящіе цари какіе!

Кн. Львовъ.

Такъ мой холопъ со мною сядетъ рядомъ?

Кикинъ.

Куда не шло бы! Нѣтъ, не ровенъ случай:
На кораблѣ, въ полку, иль въ прочей службѣ,
Любезный вашъ сынокъ, князь Ѳедоръ Дмитричъ,
Какъ Богъ дастъ подростетъ лѣтъ черезъ восемь,
Къ холопу этому-то попадется
Въ команду. Онъ тогда и отсчитаетъ,

По мягкой спинкѣ княжеской, удары,
Что́ нынѣ получаетъ на конюшнѣ
У васъ, и съ лихвою за прошлы годы.

О. Іаковъ.

Но развѣ Хаму можетъ Іафетъ
Служить? Но развѣ Божье слово втунѣ
Теперь?

Лопухинъ.

Все хорошо, отецъ Іаковъ,
Да царь нашъ не справляется въ псалтыри.

Кн. Вяземскій.

А еслибъ справиться когда и вздумалъ,
Такъ Ѳеофанъ такой псалтырь подсунетъ,
Въ которомъ разуму замысловатѣй
Онъ наберется.

Лопухинъ.

А чтобъ дворяне съ чернью
Несунулися въ запуски служить,
Четырнадцать чиновъ онъ назначаетъ.
Кому жь охота изъ деревни, съ воли,
Чрезъ строй такой насквозь-то продираться;
Холопы, дрянь-то вся тому и рада.
Имъ все равно — у насъ тереть ли лямку,
Иль съ нимъ.

О. Іаковъ.

Не дьяволъ ли, не сатана ли,
Такія козни надуваетъ въ уши!

Кикинъ.

Кто ни былъ бы, да только намъ не легче
Отъ этого.

Лопухинъ.

А чтобы всякій службой
Успѣшнѣй править могъ, и выходить
За то въ чины, онъ будетъ заводить
Училища вездѣ, по селамъ...

О. Іаковъ.

Какъ!
И села ужъ онъ развращати хочетъ?

Лопухинъ.

Вездѣ, вездѣ позаведутся школы,
Гдѣ всякому художеству дѣтей
Начнутъ учить...

О. Іаковъ.

Зловредному, мірскому.

Лопухинъ.

Мы, разумѣется, туда не станемъ
Дѣтей своихъ давать на грѣхъ, на муку,
Подъ власть кутейникамъ, заморскимъ Нѣмцамъ.
Царь наберетъ сиротъ и солдатенковъ,
Подкидышей, Нѣмчатъ, дѣтей крестьянскихъ —
Они жъ такіе вострые пострѣлы,
Понятные: все на лету хватаютъ.
Я лѣтась отдалъ грамотѣ учиться
Къ попу свово Ванюшу съ Алексанькой,
Мальчишкою дворецкаго, — такъ Ваня
Чуть началъ лишь склады тройные, Санька жъ
Часы вотъ такъ и барабанитъ въ церкви.

Парышкинъ.

Ихъ взять на то! на всякое лукавство!

Лопухинъ.

Такъ вотъ лѣтъ черезъ десять или двадцать,
Какъ вылѣзетъ дрянь эта изъ навоза,
Какъ выучится, да пойдетъ служить,
Такъ вотъ, увидите въ какую грязь
Ударимся лицомъ мы, и надъ нами
Какъ блинники начнутъ смѣяться сверху,
Во всякой почести и въ изобильѣ.

Кн. Сибирскій, *всплеснувъ руками.*

Дай Богъ не дожить до этой муки!

Кикинъ.

А ваши косточки въ сырой могилѣ,
Дворянскія, княжія, — нѣтъ, нѣтъ, ваше
Сіятельство, онѣ вздрогнутъ, онѣ
Заноютъ тамъ...

Эварлаковъ.

Да что жъ мы всѣ зѣваемъ?
Вѣдь отъ часу не легче намъ.

Нарышкинъ.

Терпѣнья
Недостаетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже.

Кн. Сибирскій.

Да. Жолтенькое житьецо!

Кн. Долгорукій.

Съ Иваномъ
Васильевичемъ жить сноснѣе было.

Лопухинъ.

Онъ не училъ крестьянъ, не жаловалъ
Въ чины рабовъ, не думалъ посягать
На древніе обычаи нашихъ предковъ.

О. Іаковъ.

Не брилъ бородъ...

Кн. Вяземскій.

А развѣ съ головами.

Эварлаковъ.

Что жизнь? копейка. Дорого безчестье.
А Петръ? онъ бить-то бьетъ, да и безчеститъ.

Кн. Сибирскій.

Хорошъ и Алексѣй, Софія, Ѳедоръ.
Они воротятъ съ корнемъ вонъ былое,
Сажаютъ новое...

Кн. Вяземскій.

На голову
Себѣ и намъ.

Кн. Долгорукій.

Такъ лучше бъ ихъ вонъ съ корнемъ.

Эварлаковъ и Аѳанасьевъ.

За чѣмъ же дѣло стало! мы сбирались
Давно.

Другіе.

Такъ что же?
Съ корнемъ, съ корнемъ вонъ
Лихое племя.

Кикинъ.

Полно, полно! что вы!
Василій Володимирычъ! спокойтесь!
Абрамій Ѳедорычъ!

Всѣ вдругъ умолкаютъ и смотрятъ на него съ удивленіемъ Между тѣмъ **Кн. Вяземскій** *къ Аѳанасьеву тихо.*

Какъ расходились!
Что, каково? Всѣ наши Исааки...

Кикинъ, *продолжая.*

Забыли вы, царевича, друзья,
Любимаго, надежду-Алексѣя
Петровича.

О. Іаковъ.

Благословенну отрасль
Отверженнаго Богомъ древа.

Кн. Сибирскій.

Такъ,
Не по Романовымъ пошелъ царевичъ...
Его бъ...

Кн. Долгорукій.

Да, да. О! онъ нашелъ бы умныхъ
Людей, не какъ его отецъ.

Кикинъ.

Къ прискорбью
Я долженъ новымъ васъ сразить ударомъ.
Снесете ли: не подождать ли?

Кн. Долгорукій.

Нѣтъ.
За разъ ужъ оттерпѣться.

Всѣ.

Что такое?

Кикинъ.

Несчастье съ нимъ, а стало быть и съ нами
Случилось: замыслы его открыты,
Захваченъ онъ, и въ кандалахъ, подъ тайной
Везется, и сегодня-завтра будетъ,
И розыскъ уголовный здѣсь начнется.

Кн. Долгорукій.

Какъ! Розыскъ уголовный здѣсь начнется!

Кикинъ.

За Ромодановскимъ уже послали.
Судите и рядите какъ хотите.

Молчаніе.

Нарышкинъ.

Подвоху нѣтъ ли?

Кикинъ.

Никакого! вѣрно.

Кн. Сибирскій.

Прощайте, господа! пріятный вечеръ!

Аѳанасьевъ.

Куда же такъ торопитесь вы, князь?

Кн. Сибирскій.

Мнѣ нездоровится... домой... не время
Здѣсь бражничать и вамъ, друзья; пускай
Подумаетъ съ подушкой всякій дома.

Кн. Вяземскій.

Коль думать, такъ ужъ думать всѣмъ здѣсь вмѣстѣ:
Умъ хорошо, а два гораздо лучше.

Кн. Сибирскій.

Все такъ. Да это не мое, вѣдь, дѣло,
А ваше. Я здѣсь сторона. Но, впрочемъ,
Я васъ люблю, желаю вамъ успѣха, —
И доносителемъ на васъ не буду.

Кикинъ.

Мы знаемъ вашу честь. И тѣ слова,
Что слышала честная здѣсь компанья,
Безъ прежнихъ тожъ извѣстныхъ всѣмъ желаній...

Кн. Сибирскій.

Какихъ же?

Кикинъ.

Напримѣръ, что вы у дяди,
На ужинѣ, въ Петровъ день изъявили,
Что въ царскую болѣзнь, въ запрошломъ лѣтѣ,
Со мною говорили...

Кн. Сибирскій.

Александръ
Петровичъ! я не прочь отъ прежнихъ мыслей,
И лишь по старости хотѣлъ спокойнѣй
Пріуготовиться на всякій случай.
А впрочемъ я, пожалуй, и останусь.

Кикинъ.

Останьтесь, князь! Вашъ опытъ на совѣтѣ
Полезенъ будетъ намъ.

Къ прочимъ.

Ну, господа,
Въ опасность люди искреннѣй бываютъ;
Вертѣться же и некогда теперь.
Послушайте, что вамъ скажу. Мы здѣсь

Замѣшаны всѣ больше или меньше;
За всякимъ есть иль слово, или дѣло.
Что, напримѣръ, сейчасъ мы говорили?
Отъ правды, иль неправды, — все равно —
Не цѣлъ никто.
Въ разсчетъ и то, вѣдь, надо
Принять, что — люди грѣшные — никто
Одинъ за всѣхъ погибнуть не захочетъ.

Кн. Вяземскій.

Смерть на людяхъ красна.

Кикинъ.

Мы всѣ желали,
Надѣялися одного. Такъ лучше
Всѣмъ за-одно теперь здѣсь согласиться,
И ждать одной бѣды или одной удачи.
Не правда ль?

Аѳанасьевъ, Дубровскій и Вороновъ.

Правда, истина.

О. Іаковъ.

О еже
Добро что и красно — жить, братья, вкупѣ!

Кикинъ.

Увидѣвъ тучу прежде всѣхъ, одинъ,
Я могъ спастись, но не хотѣлъ оставить
Друзей, и пить одну рѣшился чашу.

Нарышкинъ.

Но, господа, я здѣсь никакъ не вижу
Опасности намъ близкой или личной:
Надежды рушились на Алексѣя,
Неловко подъ грозу начать — и только.
Ну что же! Разойдемся, сядемъ дома
Отачивать пока хоть веретена.

Кн. Долгорукій.

Иль у моря останемся, да будемъ
Опять погоды ждать.

Кн. Вяземскій.

А до погоды,
Къ отвѣту позовутъ?

Нарышкинъ.

Съ чего жъ! мы были
Друзьями тайными. О заговорѣ
Не знаетъ онъ, и здѣсь мы всѣ другъ въ другѣ
Увѣрены.

Кикинъ, *прерывая его, въ полголоса.*

Да, тридцать человѣкъ
Насъ здѣсь, да столько жъ по другимъ мѣстамъ.

Нарышкинъ, *продолжая.*

Именъ же нашихъ нѣтъ нигдѣ въ поминѣ...

Кн. Долгорукій.

Я ни къ кому объ этомъ не писалъ.

Кн. Вяземскій.

Другіе можетъ быть объ васъ писали!

Кн. Долгорукій.

Зачѣмъ же ты писалъ?

Кн. Вяземскій.

Не я, но, въ десять
Иль больше лѣтъ, обмолвиться не трудно
Кому-нибудь изъ множества знакомыхъ.

Кикинъ.

Я не ручаюсь за себя, не помню.

О. Іаковъ.

Царевичъ самъ держалъ вамъ счетъ, я знаю.

Кн. Вяземскій.

Кому же лучше знать? — отецъ духовный.

О. Іаковъ.

Онъ все записывалъ: слова, совѣты,
Свиданья, разговоры. У него
Бумага даже есть, кого во что
Пожаловать въ благое время, или
Разжаловать.

Кн. Долгорукій.

Вотъ чортъ просилъ награды.

Кикинъ.

Объ этомъ что и спорить. Намъ укрыться
Нельзя. Одно знакомство съ Алексѣемъ
Въ вину смертельную теперь причтется.
Хоть имени чьего и нѣтъ въ бумагахъ,
Добавится оно изъ-подъ застѣнка.
Не знаете царевича вы развѣ?
Онъ радъ сказать напраслину, какъ въ уши
Громовымъ голосомъ отецъ ударитъ,
Иль черной молніею засверкаетъ.

Кн. Вяземскій.

Что говорить! Въ застѣнкѣ поручиться
Нельзя ни за кого, ни за себя.
Князь Кесарь Ромодановскій не тетка.

Молчаніе.

О. Іаковъ.

Подай-ка братъ мальвазіи-то съ горя.

Кн. Львовъ.

Неужели нѣтъ средства вамъ спастися?

Кикинъ.

Да выдумай. Мы скажемъ всѣ спасибо.

Кн. Львовъ.

Бѣжать?

Аѳанасьевъ.

Куда! ужъ ежели въ чужихъ

Краяхъ отъ ястребиныхъ глазъ царевичъ
Не скрылся, намъ ли дома, на ладони,
Укрыться: насъ не двое, иль не трое.

Кн. Вяземскій, *указывая на Воронова.*

Вотъ, напримѣръ, одинъ — да не иголка.

Аѳанасьевъ.

Нѣтъ, такъ скорѣй умножимъ подозрѣнье.

Кн. Сибирскій.

Не лучше ли заранѣй повиниться,
И попросить прощенья вамъ, друзья?
Благіе иногда часы находятъ
На государя.

Вороновъ.

Поздно. Не повѣритъ
Чистосердечію.

Дубровскій.

Нѣтъ, нѣтъ! виниться —
Погибель намъ.

Кн. Сибирскій.

И запираться тожъ.

Эварлаковъ, *вскрикивая.*

Да что за пропасть! кто васъ обморочилъ?
Лѣтъ десять всѣ мы замышляли дѣло,
Сюда собрались нынче для того же,
Сейчасъ хотѣли вырывать все съ корнемъ, —
А вдругъ — ну щель искать, какъ невредимымъ
Лишь выползти. Да развѣ вся надежда
На одного царевича была!
Мы безъ него сбиралися покончить,
Покончимъ и теперя, кто мѣшаетъ!
Поднимемся, нагрянемъ, испугаемъ...

Кн. Вяземскій.

Вотъ онъ каковъ! проснулся.

Кикинъ.

Что жъ, друзья,
Онъ сущую скричалъ намъ правду!

Эварлаковъ.

Правду.
Вотъ то-то же! Вотъ кто васъ выручаетъ.

Кикинъ.

Мы въ самомъ дѣлѣ не путемъ сробѣли.
Какая нужда намъ до Алексѣя?
Намъ должно лишь, его бѣду узнавши,
Стараться выполнить скорѣй рѣшенье.

Кн. Лѣзовъ.

Но заговоръ-отъ не поспѣлъ нашъ, зеленъ.

Кикинъ.

Но заговоры всѣ, вѣдь, доспѣваютъ
На площади, подъ вольнымъ небомъ, не во тьмѣ.

Эварлаковъ.

Впередъ! пора за дѣло приниматься.

Лопухинъ.

Не все мы сдѣлали, чего хотѣли.

Кикинъ.

Не все, но многое. Друзей довольно
У насъ. Согласныхъ чувствъ не оберешься,
А злобы на царя еще и больше
Вездѣ. Вѣдь вотъ, вотъ порохъ самый крѣпкій,
Не тотъ, которымъ заряжаютъ пушки.
Послушайте хотя бы Олонецкихъ
Крестьянъ, что здѣсь работаютъ подъ плетью,
Въ канавахъ, на мостахъ и по плотинамъ.
Послушайте крестьянъ по всей Россіи,
Мансуровымъ записанныхъ въ ревизью.
Послушайте, что говорятъ они

Хоть о казенной распродажѣ соли,
Иль нынѣшнихъ подушныхъ, иль рекрутскихъ
Наборахъ, иль заводахъ о поганыхъ,
Гдѣ въ адскомъ пламени они курятся.
Да сколько ихъ повсюду разбѣжалось!
Ну, а купцы! имъ развѣ лучше, легче?
Въ разоръ всѣ разорилися, насильно
Переселенные сюда въ болото,
Изъ Вологды, Архангельска, Устюга.
А здѣшни жители, что онъ кнутами
Пригналъ, какъ бы воловъ со всей Россіи,
Что здѣсь безъ дѣла, въ далекѣ, не знаютъ
Чѣмъ жить, кормить дѣтей отъ дорговизны,
И только лишь дома себѣ ломаютъ,
Да строятъ всякій годъ по новымъ планамъ —
Мудрить ему здѣсь благо безопасно.

Кн. Долгорукій.

Что правда, правда. Многіе нелюбятъ
Царя. Одинъ за то, другой за это.

Кикинъ, *продолжая.*

Приказные управиться не могутъ
Съ его законами, не понимаютъ
Ни слова новаго.

Кн. Вяземскій.

Да, да. Намедни
Княгиню Меньшикову, вѣдь, назвали
Коллегіей, а вмѣсто точныхъ копій
Точеныхъ копьевъ изъ Твери прислали.

Кн. Долгорукій.

Шутникъ! Уймешься ль ты? до смѣху ль намъ?

О. Іаковъ.

За духовенство жъ я вамъ отвѣчаю.
Архіепископы всѣ ненавидятъ
Царя за учрежденіе синода.

Кн. Вяземскій, *тихо къ Лопухину.*

Имъ всѣмъ попасть хотѣлось въ патріархи...

О Іаковъ, *продолжая.*

За униженіе духовной власти.
Единъ лишь Ѳеофанъ, женихъ полночный,
Что на пирахъ пьетъ мертвую съ нимъ чашу,
Угодникъ, льстецъ, развратникъ, соблазнитель,
Что говоритъ языкомъ бусурманскимъ,
И книги черныя намъ переводитъ,
И сѣетъ плевела межъ православныхъ, —
Единъ лишь онъ царя честитъ и славитъ
Съ наемными клевретами своими.

Кн. Долгорукій.

Но дѣло главное въ попахъ, въ монахахъ!
Вотъ близокъ кто къ народу, вотъ кто можетъ
Полезенъ быть для насъ.

Аѳанасьевъ.

Попы, монахи
Давно ужъ на царя шипятъ и злятся.
Онъ въ Шведскую войну содралъ съ нихъ шкурку.
Они смекаютъ, что владѣть не долго
Имъ селами богатыми своими.

О. Іаковъ.

И не избѣгнетъ кары онъ; въ аду
Истлѣетъ грѣшникъ. Всякая копейка
Церковная падетъ горящей каплей
На голову его въ послѣдній день.
Все растолковано сіе народу.
Онъ знаетъ, какъ постовъ не держитъ царь,
Какъ ѣстъ скоромное, гадъ запрещенныхъ,
По середамъ и пятницамъ, какъ съ Брюсомъ
Колдуетъ онъ на Сухаревой башнѣ,
Какъ Зотовъ патріарха представляетъ

Въ пирахъ его, а архьереевъ шуты,
Какъ водку за крещенскую пьютъ воду,
Какъ палками у нихъ благословенья
Предъ выходомъ изъ капищъ раздаются.

Лопухинъ.

Да, чернь его еретикомъ считаетъ.

Кн. Сибирскій.

Онъ еретикъ и есть. Я самъ такъ мыслю.

Нарышкинъ.

Лишь пикни слово, и они — всѣ наши.

Кикинъ.

Ну, господа, столбнякъ прошелъ вашъ. Точно,
Овецъ столпилось тысячи на берегу:
Онѣ толкаются и выжидаютъ,
Чтобъ смѣлый ихъ козелъ повелъ чрезъ рѣку.
Должны начать мы, — но еще вопросъ:
Какъ начинать. Что думаешь ты, Дмитрій
Петровичъ?

Эварлаковъ.

Чѣмъ, братъ, думаешь, тѣмъ хуже.
Качай, куда ни вынесетъ кривая;
Качай по всѣмъ по тремъ.

Кн. Львовъ.

Я что? Вотъ что:
Сберемся мы большой ватагой,
Привалимъ невзначай къ нему на островъ,
Осадимъ царскую его лачугу...

Останавливается.

Кикинъ.

Ну, хорошо. А послѣ будетъ что?

Кн. Львовъ, *заикаясь.*

Попросимъ сына выпустить, а дѣло
Предать суду Господню и забвенью.

Кикинъ.

Ну, началъ ты за здравье, князь, а свелъ
За упокой! Съ веревками на шеѣ,
Неся съ собой и топоры, и плахи,
Стрѣльцы просить ходили государя,
А выпросили что? Ты захотѣлъ
У каменнаго у попа достать
Желѣзной просфиры.

Кн. Долгорукій.

Ужь гдѣ просить!
А развѣ наступать на горло.

Кн. Львовъ.

Чѣмъ же?

Эварлаковъ.

Ногами. Мы на улицу десяткомъ
Пойдемъ, а тысячьми къ нему нагрянемъ.
Чернь мало ли подбить чѣмъ можно!
Она любой нелѣпости повѣритъ,
Ей побуянить лишь бы, да подраться.
Народныя толпы всегда дорогой,
Какъ глыбы снѣговыя, наростаютъ.

Кн. Сибирскій.

Голубчики! немного вы живете
На свѣтѣ; пожили-бъ съ мое, узнали-бъ
Поболѣе. Вы помните ли бунты
Прошедшіе? Мальчишкой царь ихъ унялъ:
Взглянулъ, да крикнулъ, топнулъ, — вотъ и все тутъ.
А кто шелъ на него тогда? Царевна
Софія Алексѣвна; не глупѣе
Она, вѣдь, насъ была, — и подводила
Подкопы-то изъ-за большаго брата,
Съ стрѣльцами объ руку и объ другую
Съ раскольниками. Чтожъ взяла? скончалась

Въ монастырѣ монахиней печальной.
Мальчишка тотъ ужъ возмужалъ теперь,
Усилился, и, вмѣсто двухъ рученокъ,
Со всѣхъ сторонъ ручищами обросъ.
Онъ кулакомъ однимъ вамъ погрозится,
И вся толпа отъ васъ врозь побѣжитъ,
И всѣхъ васъ по рукамъ и по ногамъ
Вяжи.

Эварлаковъ.

Нѣтъ. Я живой ужъ не отдамся.

Кн. Сибирскій.

Барышъ тебѣ и намъ, братъ, незавидный;
А что о пыткахъ поразскажутъ! Страсти!
Какъ руки изъ суставовъ выломаютъ,
Ремни вырѣзываютъ изъ спины,
Какъ за ногти засаживаютъ спицы,
Какъ каплями холодную льютъ воду
На темя бритое, какъ мучатъ гладомъ
И жаждою...

Эварлаковъ.

Бръ! полно, перестаньте.
Вина!

Аѳанасьевъ.

Вы насъ пугаете.

Дубровскій.

Коль волка
Бояться, не ходить и въ лѣсъ.

Кн. Вяземскій.

Отвага
Медъ пьетъ.

Кн. Сибирскій.

И кандалы, вѣдь, третъ она же,
Голубчикъ.

Нѣтъ, любезный князь Никифоръ,
Отваги слишкомъ здѣсь. Я не согласенъ
Съ Димитріемъ Петровичемъ, съ Васильемъ
Владимировичемъ. Нельзя. Князь правду

указывая на Сибирскаго.

Сказалъ.

Кн. Сибирскій.

Ну, вотъ, вотъ человѣкъ разумный,
Вотъ кто на путь насъ истинный наводитъ
Всегда.

Нарышкинъ.

Но ты сейчасъ, вѣдь, соглашался,
Что надо начинать.

Кн. Долгорукій.

Ты самъ
Сказалъ, что намъ пора ужъ наступать на горло.

Лопухинъ.

Послушай, Кикинъ, ты сейчасъ судилъ
И вкось и впрямь, — и то не такъ, и это:
А что самъ выдумалъ? скажи-ка! ну-ка!

Кн. Львовъ.

О Господи! да что же будетъ съ нами!

Лопухинъ.

Хоть провалился бы злодѣй сквозь землю.

О. Іаковъ.

Скончатися бъ ему безъ покаянья!

Многіе кричатъ, обращаясь къ Кикину, который поглядываетъ на всѣхъ съ улыбкой, какъ бы имѣя вѣрное средство, и тѣмъ возбуждаетъ ихъ нетерпѣніе.

Но надо же на что-нибудь рѣшиться.

Эварлаковъ.

Тьфу, чортъ возьми! что жъ дѣлать намъ, скажите?
Здѣсь насъ засудятъ, тамо запытаютъ;
Здѣсь полымя, а тутъ огонь кромѣшный.

Многіе.

Но надо же на что-нибудь рѣшиться!

Другіе.

Спасаться надо намъ во что бъ ни стало!

Аѳанасьевъ.

Спасенья, видно, нѣтъ, окромѣ смерти.

Многіе.

Такъ нечего терять намъ. Ну, тѣмъ лучше!
Рѣшимъ съ отчаянья...

Эварлаковъ.

На все готовъ я!

Всѣ, *приступая къ Кикину.*

Ну говори. Ты всѣхъ насъ взбаломутилъ.
Спасай, спасай насъ отъ царя, какъ хочешь.
Что дѣлать съ нимъ?

Кикинъ.

Что дѣлать съ нимъ!

Всѣ.

Да! да!
Что дѣлать съ нимъ?

Кикинъ.

Сказать?

Всѣ.

Скажи, скажи!

Кикинъ

схватываетъ ближайшихъ заговорщиковъ за руки, выступаетъ

съ ними стремительно на авансцену и молча поднимаетъ руку, какъ будто бъ хотѣлъ ударить.

Вотъ что!

Нѣкоторые *въ полголоса.*

Ахъ, что ты!
Можно ль?
У кого жъ
Поднимется рука?
Авось найдется!

Кн. Сибирскій.

О, Отче... не введи насъ въ искушенье...
Избави отъ лукаваго! *Минутное молчаніе.*

Кикинъ.

Да, братцы!
Одно спасеніе для насъ осталось.
Онъ ищетъ нашей головы. Мы сыщемъ
Его. Вы перебрали всѣ, вѣди, средства,
И видѣли, что всѣ къ кровавой плахѣ,
На висѣлицу насъ онѣ ведутъ:
Одно лишь это и легко, и вѣрно;
Одно ведетъ насъ къ цѣли, къ чести, къ славѣ.
Всѣ примутъ нашу сторону. Вы сами
Сейчасъ въ своей бесѣдѣ описали,
Какою злобой на царя всѣ пышутъ.
Всѣ званья не дождутся перемѣны,
А произвесть ее нельзя иначе:
Вѣнецъ съ Петра безъ головы сорвать
Нельзя.
Такъ что жъ? Отмстимъ за оскорбленья,
Избавимъ нашихъ чадъ отъ поруганья,
Спасемъ отчизну отъ небесной кары,
И отпахнемъ чужое навожденье,
Да будетъ нынѣ, присно и во вѣки

Вѣковъ Россія безъ Петра счастлива,
И всѣхъ ему подобныхъ нечестивцевъ.
Отцы, вѣдь, наши не глупѣй насъ были,
А вѣкъ свой изжили. Дай Богъ намъ также.
Послѣдній опытъ, что угодно Богу!
Иль старое, иль новое! Впередъ!
На нечестиваго царя!

Эварлаковъ, Кн. Вяземскій, Аѳанасьевъ, Вороновъ, Дубровскій.
между тѣмъ какъ прочіе въ примѣтной нерѣшимости.

Впередъ!
Исчезни онъ — и да цвѣтетъ Россія!

Лопухинъ *къ Долгорукому.*

Въ сам' дѣлѣ что жъ намъ дѣлать?

Кн. Сибирскій, *вздыхая.*

Да, подъ горку
Скатились.

Аѳанасьевъ *къ нимъ.*

Но всегда вы то жъ хотѣли!

Кн. Вяземскій.

Вѣдь слово лишь другое пояснѣе.

Эварлаковъ.

И дѣло то вѣрнѣе и короче!

О. Іаковъ.

Осаннъ! Благословенъ грядый во имя
Господнее, благословенъ! Осанна!
На нечестиваго Ахава, иже
Намъ растопляетъ адъ на этомъ свѣтѣ,
Во тьму кромѣшную всѣхъ угождаетъ
И въ будущемъ съ потомками, при немъ же
Иконы чудотворныя не плачутъ,
Не точится изъ глазъ цѣлебно муро,

Уходятъ глубже подъ землею мощи,
Святители въ пустыни убѣгаютъ,
И въ чудесахъ не славится Господь.
Вы хощете исполнити судъ Божій,
Благочестивы христіане! Съ Богомъ!

Обращаясь къ Лопухину, Долгорукову и прочимъ.

Споборетъ Онъ святой подъяти подвигъ!
Сама апостольская церковь съ вами.
Осаннъ! Осаннъ! Благословенны чада,
На нечестиваго Ахава!

Кн. Долгорукій, *махнувъ рукой.*

Что-же,
Вѣдь дѣлать нечего!

Лопухинъ.

Быть такъ. Впередъ!

Всѣ *подхватываютъ.*

Впередъ!
На нечестиваго царя!
И память гнусная да истребится
Объ немъ!
Убить его и прахъ развѣять
Далеко по морю!
Ура! ура!

Кн. Долгорукій.

А Алексѣй на всѣ условья наши
Подпишетъ за себя и за потомковъ...

Кикинъ.

Подпишемся и мы во укрѣпленье...
Отецъ Іаковъ! Клятвенную запись!

О. Іаковъ садится писать.

Все рѣшено, и мы ужъ Божьи люди,
А не свои.

Кн. Вяземскій и Эварлаковъ.

Подпишемся, давай!

Кн. Сибирскій.

Не поздно ли? Вѣдь скоро полночь —
Успѣемъ завтра или послѣ завтра.

Кикинъ.

Торопитъ время насъ. Быть можетъ завтра
Въ темницу половина попадется.
Напишетъ духомъ онъ — четыре слова,
А гдѣ рука, тамъ, вѣдь, и голова.
Спокойнѣй для самихъ, чтобъ ни единой
Не оставалось никому лазейки. *Къ о. Іакову.*
Да ну, скорѣй!
Готово ли?

О. Іаковъ, *вставая изъ-за стола.*

Готово. *Читаетъ:*

Мы нижеподписавшіеся, внемля гласу православныя церкви, и не зря конца беззаконіямъ царя нашего Петра Алексіевича, иже хощетъ предати насъ во власть римскаго папы, и всѣ наши древніе обычаи отмѣняетъ, и дворянство искореняетъ, и на собственность духовную посягаетъ, и выше иныхъ прочихъ ставитъ,— симъ другъ другу обязуемся, единодушно и единомысленно, тайно и въ-явѣ, идти противу его, и всѣми стараться силами, не щадя живота своего, въ надеждѣ мученическаго вѣнца, драгое отечество отъ сего лютаго врага освободити, а кто сему измѣнитъ словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, тотъ будь анаѳема проклятъ.

Кикинъ.

Аминь!

Кн. Вяземскій.

Давай мнѣ — подпишуся.

Кн. Долгорукій, *подписываясь.*

Ну —
Неужель и теперь онъ увернется!

Аѳанасьевъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Теперь навѣрное попался!

Кикинъ, *къ кн. Сибирскому.*

Вы неразборчиво, князь, подписались.

Кн. Сибирскій.

Отъ старости сталъ слѣпъ, и рѣдко, братецъ,
Пишу.

Кн. Львовъ.

Я грамотѣ писать не знаю.

Кикинъ, *къ Долгорукому.*

Черкните, князь, хоть вы, за неумѣньемъ.

Къ прочимъ, принимая подписанную бумагу.

Еще два слова о послѣднихъ мѣрахъ:
Поутру завтра мы опять сберемся...

Къ Долгорукому.

Хотя у васъ, — и по два раза въ сутки,
Пока не сыщемъ случая убить
Его — иль въ спальнѣ, или на пожарѣ,
Иль гдѣ-нибудь. Коли кого захватятъ
Сегодня же изъ насъ, — молчи, крѣпися:
Мы поспѣшимъ на выручку, съ наградой
Почетной, первою.
Чтобъ спать ложиться
Не жутко намъ, мы разойдемся по два.

Кн. Сибирскій.

Зачѣмъ?

Кн. Долгорукій.

На что же такъ?

Кикинъ.

Смѣлѣй и крѣпче.
Князь Вяземскій пускай съ Сибирскимъ княземъ
Поѣдетъ. Эварлаковъ къ князю Львову,

А съ княземъ Долгорукимъ Аѳанасьевъ.
И вотъ распоряженья наши всѣ.
Теперь по посошку всѣмъ на прощанье.

Идетъ къ чарамъ и наливаетъ.

Кн. Вяземскій.

Давай не посошокъ — заздравный кубокъ.

Кн. Сибирскій.

Или поминочный.

Кикинъ *приноситъ подносъ, и становится по срединѣ.*

Берите чары,
И чокнемся всѣ въ разъ, мои друзья!
Перецѣлуемся, переклянемся,
И обвѣнчаемся.

Всѣ складываютъ руки, чокаются и цѣлуются.

О. Іаковъ.

Кого Господь
Соединяетъ самъ, не разлучитъ
Во вѣкъ никто.

Кн. Вяземскій.

Исаіе, ликуй!

Кикинъ, *когда всѣ гости разобрали чары.*

Ну, здравствуйте, или прощайте. Разъ...
Два... три.

Пьютъ всѣ вмѣстѣ.

Кикинъ *наливаетъ себѣ еще кубокъ и пьетъ, раскланиваясь съ гостями.*

Благодарю гостей за ласку!
Да здравствуетъ святое братство наше!
Да расточатся наши всѣ враги!

Всѣ гости *повторяютъ.*

Да здравствуетъ святое братство наше!
Да расточатся наши всѣ враги!

Прощаются съ хозяиномъ и расходятся.

Прощай! благодаримъ за угощенье!

Кикинъ.

Прощайте! не на чемъ, покойна ночь!

Кн. Сибирскій, отходящій, вздыхая.

Попалъ я на бесѣду!

Нарышкинъ.

Я какъ будто
Во снѣ.

Кн. Львовъ.

А завтра, завтра какъ проснемся?

Кн. Вяземскій.

Э! утро вечера вѣдь мудренѣе.

Кикинъ, *провожая ихъ.*

Не бойтесь, господа, не выдадимъ
Мы васъ.

Выходитъ съ прочими гостями, кромѣ отца Іакова и кн. Вяземскаго, которые останавливаются у дверей.

Кн. Вяземскій.

Не правду ль я сказалъ! А Кикинъ
Каковъ! Ей-Богу, умереть съ нимъ любо.

О. Іаковъ.

А лучше бъ жить.

Кикинъ, *возвращаясь торопливо.*

Ступайте жъ! что вы стали?
Васъ дожидаются.
Смотрите, уши
Вострѣй! не пророните слова, взгляда,
За этими любезными друзьями.

О. Іаковъ.

О, постарайся, Александръ Петровичъ,
Чтобъ съ животами всѣмъ намъ не разстаться.

Кикинъ.

Надѣйтеся: сообщники готовы,
И задушевные и заклятые,
Съ богатствомъ, именемъ, родствомъ, связями,
Небходимые и по удачѣ.
Вѣдь вотъ въ чемъ главная была задача,
А разъ пырнуть, тутъ велика ли мудрость?

Изъ передней комнаты кричатъ:

Отецъ Іаковъ! Князь Никифоръ! чтожъ вы?

Кикинъ, *обнимая и провожая ихъ.*

Прощайте же.

О. Іаковъ и кн. Вяземскій *кричатъ въ отвѣтъ.*

Идемъ, идемъ.
Прощай,
Возлюбленный!

Кикинъ, *проводивъ ихъ до двери, возвращается одинъ на авансцену, и читаетъ тихо подписанную бумагу. Подумавъ, съ улыбкою:*

Мутитъ меня лукавый...
Ужъ не пойдти ли мнѣ къ царю съ доносомъ!

II.

Комната предъ кабинетомъ Петра. У дверей ходитъ часовой. Изъ другихъ дверей выходятъ: съ одной стороны Екатерина, съ другой князь Меньшиковъ.

—

Екатерина.

Что такъ спѣшишь ты, Александръ Данилычъ!
Я изъ окна увидѣла тебя,
Нарочно вышла встрѣтить и спросить:
Да съ кѣмъ же ѣхалъ ты? Мнѣ показалось ..

Кн. Меньшиковъ.

Съ Толстымъ.

Екатерина.

Неужли? что ты?

Кн. Меньшиковъ.

Онъ поймалъ
Царевича, привезъ.

Екатерина.

Царевичъ здѣсь?

Кн. Меньшиковъ.

И не одинъ: съ поличнымъ, да съ какимъ? —
Окказія чудеснѣйшая вышла,
Для плана моего, какъ по заказу.

Екатерина.

Но разскажи.

Кн. Меньшиковъ.

Разсказывать все долго:
Царь закипитъ, а мы прибавимъ жару;
Онъ отрѣшитъ отъ царства Алексѣя,
И предоставитъ...

Екатерина улыбается.

Улыбнулись, ваше
Величество! Да, да! Онъ вашимъ дѣтямъ
Отдастъ наслѣдство все, и вамъ; а съ вами...

Екатерина

Ахъ, полно, полно, Александръ Данилычъ!
Чего желаешь ты: въ чести, въ богатствѣ...
Царь любитъ, жалуетъ тебя всѣхъ больше,
Ты первый человѣкъ по немъ.

Кн. Меньшиковъ.

По немъ!
А я хочу... со временемъ... ну что же!...
По немъ! по немъ что первый, что десятый,
Безъ череды равны. Велика почесть!

Хочетъ идти.

Екатерина, *удерживая.*

А вспомнилъ ты своихъ враговъ? ну если...
Я вздумать не могу... тогда что будетъ?
Ты упадешь. — И ты, и ты лишь глубже
Копаешь яму подъ собой.

Кн. Меньшиковъ.

Къ чему жъ
Договорились вы? Вотъ эту яму
Я и хочу застлать, что васъ пугаетъ.
Но не пугайтесь: всѣ враги попались;
Однако жъ обличать я ихъ не стану,
Ни даже Алексѣевыхъ друзей.
Пусть лучше, между страхомъ и надеждой,
Что туча, пронесясь, ихъ не задѣнетъ, —
Прочь отойдутъ, и мнѣ мѣшать не станутъ
Окончить лишь царевичево дѣло.
Я легче справлюся съ одними съ ними,
И ужъ потомъ спокойно дожидаться...

Екатерина.

Но, нѣтъ, не вмѣшивайся въ это дѣло,
Подумай...

Кн. Меньшиковъ.

Все обдумано.

Екатерина.

Смотри:
Не ошибись.

Кн. Меньшиковъ.

Неошибусь, я знаю!
Какъ нынче всталъ: сердитъ онъ, или веселъ?

Екатерина.

Онъ что-то пасмуренъ. Сложивши руки
Назадъ, по комнатѣ онъ молча ходитъ,
Лобъ потираетъ и за столъ садится.
Не Шведскій ли курьеръ къ нему пріѣхалъ?

Кн. Меньшиковъ.

Э, нѣтъ. Объ академіи онъ пишетъ.
Вотъ, кстати жъ, я обрадую его
Моимъ извѣстьемъ

Отходитъ.

Екатерина *вслѣдъ ему.*

Никого пускать
Онъ не велѣлъ. И я въ замокъ смотрѣла.

Кн. Меньшиковъ, *близъ дверей.*

Но я пройду. Отъ слова моего
Отъ одного онъ встрепенется весь.

Екатерина, *уходя къ себѣ въ другую дверь.*

Какъ бьется сердце! Что-то будетъ! Страшно.

Между тѣмъ кн. Меньшиковъ подходитъ къ кабинету государеву, и хочетъ войдти.

Часовой.

Нельзя войдти.

Кн Меньшиковъ.

Какъ смѣешь ты, бездѣльникъ!
Ты не узналъ: всмотрися.

Часовой.

Какъ не знать!
Но никого не велѣно пускать.

Кн. Меньшиковъ.

Пусти.. Сейчасъ велю поставить въ палки
Тебя.

Часовой.

Сперва смѣните, ваша свѣтлость.
Но сдачу я другому передамъ.

Кн. Меньшиковъ.

Ты вздумалъ разговаривать, бездѣльникъ!
Вотъ я тебя! Пусти.

Хочетъ войдти силою и толкаетъ часоваго. Тотъ отталкиваетъ его и уставляется штыкомъ.

Часовой.

Прочь! заколю!

Кн. Меньшиковъ кричитъ. Часовой не перемѣняетъ своего положенія; отворяется дверь кабинета, и выходитъ Петръ.

Петръ.

Что здѣсь за шумъ?

Кн. Меньшиковъ, *задыхаясь отъ гнѣва.*

Меня разбойникъ этотъ...
Убить хотѣлъ...

Петръ.

Какъ! что такое?

Часовой.

Ваше
Величество велѣли никого

Къ себѣ не допускать; его же свѣтлость
Врывался силой. Чтожъ мнѣ было дѣлать?
Я осадилъ его штыкомъ маленько.

Петръ, *цѣлуя его въ лобъ.*

И молодецъ! Спасибо! Поздравляю
Тебя капраломъ въ гренадерской ротѣ.

Кн. Меньшиковъ.

Помилуй...онъ...да...слушаться...смѣяться...
Да я...нельзя жъ...

Петръ.

Какъ быть, Данилычъ. Жалко
Мнѣ было бъ самому, когдабъ ты здѣсь
Пропалъ ни за полушку. А, по правдѣ,
Онъ знаетъ службу лучше твоего.
Татищевъ, эй!

Деньщикъ входитъ.

Вели-ка живописцу
Списать ужо надъ этими дверями
Данилыча съ солдатомъ въ позитурѣ.

Смѣется, выходя на авансцену.

Экъ онъ тебя пугнулъ! Ты языка
Не сыщешь! — Ну постой, вотъ я потѣшу
Тебя и радость разскажу свою.

Проэктъ академическій я кончилъ.
Нашелъ и капиталы на постройку—
Изъ рижскаго таможеннаго сбора.
И жалованье есть нѣмецкимъ членамъ—
Изъ описныхъ имѣній на Украйнѣ.
И мѣсто выбрано, гдѣ мы теперь же
Заложимъ главный корпусъ: у Василія
На острову. Вотъ и еще домъ новый
Прибудетъ Петербургу въ украшенье.
Я радъ, что наконецъ устроилъ это.

Лишь академіи недоставало
У насъ; солдаты есть — богатыри,
Какъ напримѣръ вотъ этотъ,—да не хмурься жъ!
А флотъ! Съ такимъ ли славнымъ адмираломъ,
Какъ Меньшиковъ, ему не разродиться,
Не наторѣть, не вырости на славу!
Ахъ, если Англичанамъ бы на морѣ
Задать когда Полтавскую баталью!
Данилычъ, а? Или такую радость
Оставимъ ужъ потомкамъ нашимъ?...
А фабрики! Смотри — сукно какое
Изъ шерсти Сѣриковъ простой мнѣ выткалъ!
Демидовъ что подѣлалъ на Уралѣ!
О! это все пойдетъ у насъ успѣшно, —
Увѣренъ я, тутъ нечего и думать.

Науку лишь на чистомъ русскомъ полѣ,
Науку лишь осталось мнѣ засѣять.
А нѣжное растеніе наука,
И тяжело и мудрено за нею
Ходить, смотрѣть — намъ будетъ съ непривычки;
Чуть солнце опалитъ, иль чуть морозъ прохватитъ,
Подмочитъ дождикъ, расколышетъ вѣтеръ,
Поблекнетъ и завянетъ, и надолго
Къ землѣ наклонится она.
За то
Какъ выдержитъ грозу и непогоду,
Какъ простоитъ воздушныя измѣны,
И корни глубоко въ землѣ раскинетъ,
Такъ до небесъ ужъ послѣ безопасно
Главой величественной вознесется.
И вотъ тогда ея благодѣянья,
Съ высокаго прекраснѣйшаго древа,
Начнутъ надъ царствомъ разсыпаться манной.
Пружины государственныя ею,

Невидимыя, видимыя связи, —
Скрѣпятся, отвердѣютъ, и ничѣмъ
Никто того ужъ царства не своротитъ.
Тамъ всякій понимаетъ свое дѣло,
И уважаетъ собственное мѣсто,
И всю съ него великую махину
Впередъ своею грудью подвигаетъ.
Обязанность священна тамъ, и дорогъ
Покой общественный, и смерть за славу,
За честь и счатье родины мила!
О, какъ подъ сѣнью благодатной знанья
Блаженствуетъ такое царство въ мірѣ!

Все, все растолковалъ мнѣ это Лейбницъ,
И сладко, обливаяся слезами,
Онъ говорилъ, — и понималъ я все.

Какая слава вожделеннѣй, выше, —
Быть просвѣтителемъ вѣковъ, народовъ.
Виновникомъ ихъ счастія на небѣ
И на землѣ!

Вздыхая.

Но долго, онъ сказалъ, —
Вѣка должно расти такое сѣмя!

Погружается на минуту въ размышленіе, и потомъ стремительно, начавъ, въ сильномъ движеніи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Нѣтъ! русскаго не зналъ онъ человѣка.
Нѣтъ, Лейбницъ, этого не зналъ ты чуда:
Не по годамъ, а по часамъ у насъ
Пойдетъ расти оно. Такъ чуетъ сердце!
О, русская душа—земля другая,
Благословенная. Ея слои
Я знаю всѣ. Лишь кинь ей сѣмя, солнцемъ
Лишь чуть пригрѣй, какъ разъ оно возникнетъ...

Останавливается съ восторгомъ.

Такъ, такъ! увѣренъ я, что если двадцать,
Лишь двадцать лѣтъ прожить мнѣ Богъ назначитъ,
Услышу я, какъ русскимъ языкомъ
Заговоритъ иль Златоустъ, иль Лейбницъ,
И русскій умъ найдетъ такую тайну,
Сокрытую во глубинѣ природы,
Какой и не предвидятъ Европейцы.
Ужъ вотъ потѣшилось мое бы сердце,
Обнявъ избранника, и къ нимъ въ подарокъ
Пославъ его добычу дорогую.
Я умеръ бы спокоенъ за Россію:
Съ ученьемъ страшнаго нѣтъ ничего.
Ученье свѣтъ, а неученье тьма!...

Умолкаетъ въ умиленіи. Безмолвный Меньшиковъ смотритъ на него съ благоговѣніемъ.—Чрезъ минуту, пришедъ въ себя, Петръ обращается къ нему.

Послушай, какъ все это я устроилъ:
Мы вызовемъ теперь отборныхъ Нѣмцевъ,
Дадимъ имъ жалованье, хоть тройное, —
Ужъ такъ и быть: убытчиться, вѣдь, разъ —
Но съ тѣмъ, чтобъ, занимаяся наукой,
Они дѣтей въ ученье нашихъ взяли,
И знанья всѣ открылибъ безъ утайки.
Изъ ста или двухъ сотъ учениковъ,
Какъ двадцати хоть молодцамъ не выйдти,
Которые у нихъ все переймутъ,
И даже, Богъ поможетъ, перегонятъ,
Какъ мы съ тобою перегнали Шведовъ: —
Я знаю, чѣмъ учиться ихъ заставить.
Давно уже я къ Лейбницу объ этомъ
Писалъ. Не понимаю, что такъ долго
Отвѣта нѣтъ.

Кн. Меньшиковъ.

Отвѣтъ пришелъ.

Петръ.

Чтожъ ты
Не отдаешь его?

Кн. Меньшиковъ.

Ты не далъ слова
Промолвить мнѣ. Притомъ ты не велишь
Перерывать твоихъ рѣчей, и я
Заслушался, признаться, позабылся.
А у меня еще важнѣе есть извѣстье...

Петръ.

О чемъ же?

Кн. Меньшиковъ.

О царевичѣ.

Петръ, *изумленный, съ величайшимъ нетерпѣніемъ подступаетъ стремительно къ Меньшикову и хватаетъ его за руки.*

Что онъ?

Кн. Меньшиковъ.

Онъ здѣсь.

Петръ.

Пріѣхалъ?

Кн. Меньшиковъ.

Привезенъ.

Петръ.

Но кто же
Привезъ его?

Кн. Меньшиковъ.

Румянцевъ и Толстой.

Петръ.

Чтожъ не являются они такъ долго?

Кн. Меньшиковъ.

Румянцовъ руку вывихнулъ. Толстой

Здѣсь дожидается тебя въ пріемной,
А я пошелъ предупредить заранѣй.
Сюда велишь его позвать?

Петръ.

Сюда!

Князь Меньшиковъ идетъ за Толстымъ

Петръ, *вслѣдъ ему.*

И что же ты молчалъ? ты въ тужъ минуту
Мнѣ долженъ былъ донесть.

Кн. Меньшиковъ, *съ дороги.*

Я и хотѣлъ...

Петръ.

Да ну скорѣй!

Спѣшитъ самъ, опереживаетъ кн. Меньшикова и кличетъ въ дверяхъ:

Толстой! Толстой!

Толстой входитъ.

Петръ.

Здорово!
Спасибо! Гдѣ ты отыскалъ его?

Толстой.

Въ Неаполѣ.

Петръ.

Какъ онъ туда попалъ?

Толстой.

Онъ къ цесарю отдался подъ защиту.

Петръ.

И цесарь принялъ?

Толстой.

И не только принялъ,
Но покровительствовать обѣщался.

Петръ.

Онъ принялъ! обѣщалъ! Да какъ онъ смѣетъ
Мѣшаться не въ свое, въ чужое дѣло?

Или учить ему меня досталось!
Ты бъ сатисфакціи спросилъ! Однакожъ,
Онъ выдалъ послѣ?

Толстой.

Нѣтъ, не выдавалъ.

Петръ.

Такъ ты увезъ его изъ-подъ защиты
У покровителя?

Толстой.

Нѣтъ, обѣщая
Прощеніе отъ имени твово,
Я убѣдилъ со мною воротиться
Царевича назадъ.

Петръ.

Не надо-бъ было!
Но что въ Неаполѣ хотѣлъ онъ дѣлать?
Такъ далеко? И почему же выбралъ
Онъ цесаря, а не кого другаго?
И покровительство въ чемъ состояло?..
Нѣтъ, лучше разскажи ты все порядкомъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ я отправилъ васъ изъ Спаа...

Толстой.

Сначала по нѣмецкимъ мы владѣньямъ
Черезполоснымъ ѣздили, искали
Слѣдовъ, разспрашивали, — но напрасно!
Потомъ уже пустилися къ французамъ:
Тамъ и своихъ хлопотъ не оберутся, —
Не до него! По смерти короля
Все, все вверхъ дномъ. Наслѣдникъ малолѣтный!
Регентъ себѣ пируетъ да гуляетъ
На денежки казенныя, — и всѣ
По немъ: поютъ и пляшутъ, ну раздолье,
А дѣла-то не дѣлаетъ никто.
И Лудвиковъ домокъ сведенъ на нитку...

Петръ.

Вотъ каковы наслѣдники! не думай
Объ нихъ.

Толстой.

Оттуда къ цесарю мы въ Вѣну...

Петръ.

И чтожъ у цесаря хотѣлъ онъ дѣлать?
Въ Неаполѣ? Пить, ѣсть и спать, — и только?

Кн. Меньшиковъ.

Э, нѣтъ! Чай больше: дожидаться смерти
Твоей.

Петръ *скрежещетъ зубами.*

Какъ! смерти дожидаться! смерти!

Проходитъ нѣсколько разъ по комнатѣ; про себя:

Ну вотъ объ чемъ и думать я боялся!

Къ Толстому.

Онъ самъ тебѣ признался въ этомъ?

Толстой.

Нѣтъ,
Я везъ его съ почтеніемъ и лаской,
И избѣгалъ разспросовъ. Онъ, напротивъ,
И не подозрѣваетъ, чтобы знали
Мы что-нибудь хоть объ его затѣяхъ.
Я все тайкомъ вывѣдывалъ у дѣвки,
Что онъ съ собою изъ Россіи вывезъ:
Она достала мнѣ вотъ эти письма,
Собственноручныя и черновыя.

Подаетъ свертокъ.

Петръ, *принимая и разбирая бумаги.*

А почему онъ зналъ, что я скорѣй
Его умру?

Толстой.

Какія-то видѣнья
Имѣли здѣсь монахи и писали:
Не долго-де ужъ твоему отцу
Помучить насъ. Умается онъ скоро;
Терпи пока, молчи: лѣтъ черезъ пять
Иль онъ умретъ, иль что-нибудь да будетъ.

Петръ.

Ну что же будетъ?

Кн. Меньшиковъ.

Бунтъ, не что другое.

Петръ *къ Толстому.*

Такъ онъ къ бунтовщикамъ хотѣлъ пріѣхать?

Толстой.

Онъ даже въ Мекленбургъ сбирался съѣздить,
Коль въ нашей арміи, что тамъ сшалила,
Прибавилось бы смуты.

Петръ.

Развѣ знаютъ
Объ этомъ случаѣ у нихъ?

Толстой.

Эге! —
Да тамъ шаги на перечетѣ наши.
Какъ-разъ узнаютъ все до подноготной,
Что сдѣлается здѣсь къ добру, иль къ худу.
Вѣдь, страхъ отъ насъ напалъ такой, какого
У нихъ отъ Турокъ сроду не бывало.
Тамъ только всѣ лишь и твердятъ, что надо
Россію сдерживать и не пускать
Впередъ, — не то для всѣхъ, вишь, плохо будетъ.
Чуть что бъ не даровое здѣсь случилось,
Они бъ пришли съ войною за него.

Петръ.

Пожалуйте! — Я встрѣчу васъ, незванныхъ
Гостей! — Они въ подметки къ брату Карлу
Всѣ не годятся. Видѣлъ я ихъ земли!
И имъ достанется, при мнѣ, Россію
Удерживать! — Да я ногою топну,
И войско вскочитъ изъ земли, что мѣста
Не сыщутъ отъ него во всей Европѣ
Они. Я тѣломъ на границѣ лягу:
Переполсти ли имъ, червямъ! Не троньте
Меня, пока я самъ васъ не затронулъ!

Ходитъ по комнатѣ.

Но кто жъ его сообщники, друзья,
Которые чрезъ пять лѣтъ предрекаютъ
Ему, что... предрекаютъ перемѣны?

Толстой.

Царевичъ ихъ именъ не сказывалъ
Чухонкѣ, и она лишь только знаетъ,
Что партію большую онъ имѣетъ
Между боярами, попами, чернью,
Которая тобою недовольна,
Зоветъ его, надѣясь чрезъ него
Дожить опять до старины любезной,
Которая, усилившись теперь,
Смышляетъ скоро на своемъ поставить.

Петръ.

Они смышляютъ на своемъ поставить!
Но гдѣ жъ они? Но кто жъ они такіе?
Привесть его ко мнѣ! — Ну что жъ вы стали?

Князь Меньшиковъ посылаетъ Толстаго, который и выходитъ.

Я допрошу его, я допытаюсь...

Начинаетъ въ сильномъ волненіи ходить скорыми шагами по комнатѣ, задыхаясь отъ гнѣва. Показывается Екатерина съ младенцемъ на рукахъ, и приближается къ нему съ подобострастіемъ.

Екатерина.

Что сдѣлалось съ тобой, Петръ Алексѣичъ? —
Ты посинѣлъ, ты весь дрожишь.

Петръ, *не останавливаясь.*

Что жъ не ведутъ его ко мнѣ такъ долго?

Екатерина.

Но успокойся.

Петръ.

Какъ я успокоюсь?
Ты знаешь ли: бунтъ на меня замышленъ,
И Алексѣй былъ съ ними за-одно.
Мнѣ успокоиться?

Екатерина.

Скажи, какой же
Замышленъ бунтъ? не можетъ быть. А вѣрно
Болтанье на попойкѣ, хвастовство.

Петръ.

Болтанье? хвастовство? Онъ въ Вѣну ѣздилъ!

Екатерина.

Такъ что жъ? гулять хотѣлося, шататься.

Петръ.

Ты врешь, не понимаешь ничего.
Гулять! шататься! Войско онъ сбиралъ,
Бородачи его здѣсь дожидались,
Готовилися. Жизнь моя висѣла
На волоскѣ... *Отходитъ.*

Екатерина, *къ Меньщикову.*

Не слухъ ли это ложный,
И гдѣ же имъ? Всѣ силы у него
Въ рукахъ.

Кн. Меньшиковъ.

Однако! Шведы, Турки вмѣстѣ,
Татары, казаки, да старовѣры,
Не говоря о помощи цесарской.
Нѣтъ, это ужъ не шутка...

Петръ, *ходя по комнатѣ во все продолженіе этой сцены, говоритъ отрывисто съ собою.*

Духъ проклятый
Ведется... Какъ мнѣ вытянуть его?

Екатерина, *продолжая говорить съ Меньшиковымъ.*

Но все вѣдь узнано: чего жъ бояться?

Кн. Меньшиковъ.

Чего? Они живутъ, а вѣдь живые
Живое думаютъ, и что имъ нынѣ
Не удалося, то удастся завтра.

Екатерина.

Такъ содержать зачинщика построже.

Кн. Меньшиковъ.

Онъ уходилъ ужъ изъ-подъ строгой стражи.
Но гдѣ бы ни былъ онъ, а все надежда
Злодѣямъ государевымъ.

Петръ, *вслушавшись, про себя.*

Такъ надо
Отнять у нихъ надежду... навсегда.

Въ забывчивости останавливается передъ Меньшиковымъ, и говоритъ ему, какъ будто съ собою:

Постричь въ монахи?

Кн. Меньшиковъ *отвѣчаетъ ему.*

Да, онъ радъ постричься.
Клобукъ, вѣдь, къ головѣ не прибиваютъ
Гвоздемъ, — ему давно ужъ говорили.

Сегодня Ѳеофаномъ пострижется,
А завтра разстрижетъ пожалуй Іаковъ.

Петръ *начинаетъ опять ходить; про себя:*

Такъ что жъ мнѣ дѣлать съ нимъ? — Неужли? нѣтъ,
Иначе какъ-нибудь... нѣтъ, нѣтъ. — Что скажутъ?

Останавливается; къ Меньшикову:

Ну вотъ сестра... при мнѣ, вѣдь, не посмѣла.

Кн. Меньшиковъ.

А безъ тебя что сдѣлала бъ она?
А безъ тебя что сдѣлаетъ царевичъ?
Ну ежели, избави Боже, онъ
Переживетъ тебя, тогда что будетъ?

Екатерина.

Богъ милостивъ.

Петръ.

Богъ милостивъ! Однако,
Надѣясь на него, плошать не надо,
Ты слышала ль о Франціи по смерти
Лудовика? А здѣсь чтобъ хуже было?

Въ сильномъ движеніи проходитъ нѣсколько разъ по комнатѣ. Потомъ, остановившись, съ жаромъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не будетъ этого. Неужли
Съ пеленокъ я не зналъ себѣ покоя,
Всегда въ нуждѣ, и тѣснотѣ, и страхѣ,
Подъ снѣгомъ, подъ дождемъ, въ пыли, въ грязи,
Въ болотахъ и сугробахъ по колѣно,
По цѣлымъ суткамъ безъ воды, безъ хлѣба,—
Неужли я на фабрикахъ, заводахъ,
По кузницамъ, по мельницамъ, плотинамъ,
До поту, крови каплющей, трудился, —
Неужли я въ чужихъ краяхъ мальчишкой
Скитался, и у всѣхъ тамъ, Христа ради,

Въ дорожную суму сбиралъ уроки,
Или, какъ воръ, подглядывалъ сквозь щели,—
Неужли грудь свою передъ врагами
Я обнажалъ, и шелъ впередъ на пушки,—
Неужли московскую я площадь
Всю улилъ человѣческою кровью,
Лишь для своей пожизненной забавы?
Лишь для того, чтобъ завтра мое имя
По вѣтру пронеслося съ большимъ шумомъ,—
А я въ нежданную минуту смерти,
Пока душа не вылетитъ изъ тѣла,
Услышалъ бы, какъ надъ главой моею
Весь сводъ моихъ трудовъ тяжелыхъ рухнетъ?
Нѣтъ! Богъ меня избавитъ отъ такого
Конца! Поможетъ Онъ въ моей мнѣ правдѣ,
Какъ Онъ помогъ мнѣ укротить сто бунтовъ,
И спасъ меня отъ тысячи убійцъ.
Я справился съ стрѣльцами, съ казаками,
Съ раскольниками, и съ сестрой Софіей.
Ужель теперь съ такимъ врагомъ не справлюсь?
Нѣтъ, нѣтъ! я справлюсь съ нимъ, клянуся Богомъ,
Я справлюсь съ партіей его, остаткомъ
Враговъ отечества, моихъ злодѣевъ.

Я чувствую: кровь закипаетъ въ жилахъ,
Грудь поднимается и тяжелѣетъ
Рука, и напрягаются всѣ мышцы.
Я наполняюсь силой, наполняюсь.
Подайте же мнѣ партію его!
Подайте мнѣ ее сюда! Скорѣе!..
Я голову срублю однимъ ей махомъ,
Я раздавлю, я задушу ее,
Я разотру шипящую ехидну
Въ своей рукѣ, и прахъ ея развѣю:
Подайте жь и его ко мнѣ, злодѣя.

Послѣднюю надежду темной силы!
Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ко мнѣ! скорѣй, живаго
Я разорву на части.

Въ эту минуту въ дверяхъ показывается царевичь Алексѣй Петровичь, съ сопровожденіи Толстаго и другаго гвардейскаго капитана. Петръ, увидѣвъ его, въ неистовствѣ бросается къ нему съ поднятыми вверхъ руками, но, подбѣжавъ, вдругъ останавливается, и тихо отходитъ, смущенный.

Онъ — мой сынъ...

Кричитъ Меньшикову и Толстому.

Долой съ глазъ... уведите... поскорѣй!

Межъ тѣмъ **Алексѣй**, *падая ему въ ноги.*

Родитель мой! съ слезами припадаю
Къ ногамъ твоимъ, въ сердечномъ сокрушеньѣ.
Я знаю, недостоенъ, окаянный,
Взирать я въ очи свѣтлыя твои,
Не только гласъ твой милостивый слышать.
Но для-ради величья твоего,
По благости твоей неизреченной,
Прошу съ молитвою,—прости, помилуй!—

Петръ, *прошедъ въ молчаніи нѣсколько разъ по комнатѣ, послѣ внутренней примѣтной борьбы, подходитъ къ Алексѣю.*

Попробую... Послушай... Такъ и быть,
Признайся мнѣ во всемъ чистосердечно.
Коль истину объявишь безъ лукавства,
То я прощу. Но если утаишь
Кого-нибудь, иль что-нибудь, то знай,
Что и пардонъ тебѣ въ пардонъ не будетъ.

Алексѣй.

Клянусь... открою все, какъ на духу,
Лишь позабудь мою вину и дерзость!

Кн. Меньшиковъ *тихо Екатеринѣ.*

Не хорошо оборотилось дѣло!

Петръ.

На что просилъ цесарской ты защиты?
Ты пристыдилъ меня предъ всей Европой—
Я съ сыномъ ужь роднымъ не могъ ужиться!
Меня тираномъ назовутъ, злодѣемъ;
За что жь? За то, что я... нѣтъ, не могу
Я спрашивать.— Данилычь, допроси...

Отходитъ и становится въ отдаленіи.

Кн. Меньшиковъ *тихо Екатеринѣ.*

Теперь поправимся. Я такъ спрошу,
Что онъ во всемъ запрется...

Къ царевичу ласково.

Капитанъ
Толстой его величеству донесъ,
Что доброй волею ты воротился,
По первому отъ имени его призыву,
Дорогою оказывалъ послушность,
И къ жалобамъ причинъ не подавалъ;
По всѣмъ развѣдываньямъ нашимъ также
Уликъ и подозрѣній не нашлося...

Петръ *къ Меньшикову.*

На что жь ты такъ?.. Да, лучше, продолжай.

Кн. Меньшиковъ.

Но царское величество его,
Для большаго себѣ успокоенья,
Лишь хочетъ знать, не было ли на мысли,
Иль у тебя, иль у твоихъ друзей
Чего противнаго его желаньямъ?

Петръ.

Скорѣе къ дѣлу!

Кн. Меньшиковъ.

Въ первыхъ онъ желаетъ
Знать, для чего ты къ цесарю поѣхалъ?
Какая мысль твоя была сначала?

Кн. Меньшиковъ важнѣйшіе вопросы предлагаетъ скрадывая, а дѣлаетъ удареніе только на послѣдніе.

Алексѣй.

Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Копенгагенъ
На зовъ его, чтобъ тамъ войнѣ учиться,
Которой съ малыхъ лѣтъ еще боюся.
У цесаря я жить хотѣлъ въ покоѣ,
Ни объ какихъ дѣлахъ ужь не заботясь,
Къ коимъ, по неспособности моей,
Изволишь знать ты самъ, князь Александръ
Данилычь, я не чувствую охоты.

Кн. Меньшиковъ.

А не просилъ ли ты у нихъ подмоги
Теперь или на будущее время?
Не жаловался ль на отца?

Алексѣй.

Нѣтъ, грѣшный,
Я зналъ всегда, какъ правъ онъ предо мною,
И только плоть меня одолѣвала.
Я говорилъ лишь всѣмъ, что заставляетъ
Отецъ меня работать черезъ силу,
А я, по слабости свово здоровья,
Заботъ правительственныхъ никогда
Брать на себя не думаю. За что же
Я буду изнурять себя-де даромъ!

Кн. Меньшиковъ.

Мы сколько ни искали, ни старались,
А не могли узнать твово жилища,
А кто другой не зналъ ли здѣсь его?

Алексѣй.

Нѣтъ, я поѣхалъ подъ великой тайной.

Кн. Меньшиковъ.

И не писали ли о чемъ отсюда:
Иль напрямки, или обиняками?

Петръ *внезапно.*

И ты къ кому оттуда не писалъ ли?

Алексѣй, *обробѣлый.*

Писалъ... къ сенаторамъ и архіереямъ.

Петръ.

Объ чемъ?

Алексѣй.

Что я здоровъ и нахожуся
Подъ... стражею у сильнаго владыки.

Кн. Меньшиковъ.

Ты самъ писалъ, иль по чьему совѣту:
Цесарскаго министра напримѣръ!

Алексѣй.

Графъ Шонебурнъ...

Петръ.

Да имъ на что такое
Письмо приказывать?

Кн. Меньшиковъ.

Они быть можетъ
Претекстъ имѣть хотѣти на царя.
Ты не замѣтилъ ли чего такого?

Алексѣй.

Гдѣ жь мнѣ въ такія хитрости проникнуть!

Кн. Меньшиковъ.

Итакъ доносъ, что царское его

Величество недавно получило
О томъ, что въ разныхъ городахъ злодѣи
Скрываются, которые желаютъ
Какимъ-нибудь манеромъ извести
Его, и посадить тебя на мѣсто
Вакантное, которые съ тобою
Въ коммуникацыи находились, ложенъ?

Алексѣй.

Я знать не знаю ничего, и вѣдать
Не вѣдаю.

Петръ, *вышедъ изъ себя.*

Ты лжешь, и вотъ улики.

Показываетъ ему письма, полученныя отъ Толстаго.

Злодѣй! не хочешь ты ни въ чемъ признаться,
Ты обмануть надѣешься, ты злое
Все держишь на умѣ—и погубилъ
Себя. Толстой! возьми его въ застѣнокъ.
Постой! вотъ мы сейчасъ узнаемъ правду,
Увидимъ, какъ наслѣдства не искалъ ты.
Деньщикъ! сыщите мнѣ медвѣжій ящикъ!

Алексѣй, *падая въ ноги.*

Какой наслѣдникъ я!

Указываетъ на брата-младенца.

Родитель мой!

Вотъ, вотъ наслѣдникъ твой достойный, истый.
Я отрекаюсь для него отъ царства.
Позволь мнѣ только жить, лишь только жить,
Въ монастырѣ, хоть въ Соловецкомъ,
Чтобы о здравіи твоемъ и братнемъ
И о грѣхахъ своихъ я могъ молиться!

Деньщикъ приноситъ медвѣжій ящикъ.

Петръ.

Вотъ помолюся я тебя!—Данилычь!
Ступай, возьми и привези признанье.

Алексѣй, *уводимый, съ воплемъ.*

Я все теперь скажу. О, матушка
Екатерина Алексѣвна, сжалься
Надъ сиротой.
Царь будущій мой, братецъ!..
О, заступись хоть ты...

Кн. Меньшиковъ и Толстой уводятъ его.

Петръ, *взглядываетъ на младенца и обращается къ нему.*

Царь будущій!
Петруша! знаешь ли, что въ этотъ часъ
Рѣшается судьба твоя, судьба
Россіи всей, которая на долго
Подъ власть твою быть можетъ достается.
О, если бы тебѣ я съ симъ наслѣдствомъ
Могъ передать свою любовь, свой пламень!
Съ какою бъ радостью я согласился,
Хоть въ кабалу идти на цѣлый вѣкъ,
Ко Шведамъ, Туркамъ, дьяволу.., на муку!
Пойдешь ли по слѣдамъ моимъ ты, другъ мой,
Возлюбленный сынъ сердца моего,
Сынъ Катеньки моей неоцѣненной!
Подвигнется ли при тебѣ Россія,
Которая теперь лишь шевелиться
Всѣмъ тѣломъ подъ моимъ дыханьемъ стала?
Исполнишь ли мои ты мысли, планы?

Исполни ихъ, мой другъ!—Любовь къ отчизнѣ,
Чистѣйшая, и опытъ многолѣтній,
И трудъ и размышленіе ночное,
Внушили ихъ,—и ты, благословенный,

Сойдешь въ исторію, а я на томъ ужь свѣтѣ
Возвеселюся духомъ о Россіи,
И радости святой слезами смою
То ѣдкое, то жгучее пятно,
Которое теперь, какъ ржа, садится
На сердце онѣмѣлое мое.

Плачетъ.—Потомъ устремляетъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, положивъ руку на сердце, говоритъ;

О, Господи! за всѣ мои труды,
За дни и ночи безо сна, за голодъ
За жажду, потъ и кровь,—награду эту
Даруй награду эту, Милосердый!

Бросается цѣловать младенца.

Екатерина, *тронутая, ласкаетъ обоихъ.*

О, онъ тебя утѣшитъ, будь увѣренъ;
Ты въ немъ за все получишь награжденье!
Богъ справедливъ.
Взгляни, какъ онъ умильно
Глазенками уставился въ тебя,
Какъ слушаетъ! Онъ все, все понимаетъ:
Петрушинька! ну, приласкай отца!
Онъ грустенъ. Тяжело ему, прискорбно.
Ну, обними его покрѣпче, крѣпче.
Скажи: да, да!—Вотъ такъ. О, мой дружочикъ!
Ты выростешь великъ, ты будещь славенъ.
Онъ самъ тебя всему научитъ. Ты
При немъ начнешь служить и помогать
Ему среди трудовъ, какъ онъ устанетъ.
А послѣ онъ лишь радоваться будетъ,
Любуяся тобою и Россіей,
На старости спокойно отдыхая.

Какъ будешь почитать, любить его ты!
Не такъ, какъ твой несчастный, старшій братъ.

При послѣднемъ словѣ **Петръ** *вскрикиваетъ внезапно.*

А если онъ такой же! хуже?

Ходитъ быстрыми шагами по комнатѣ.

Нѣтъ,

Я не хочу. Нѣтъ! трудно, тяжело

Мнѣ одному все это взять на душу.

Къ Екатеринѣ.

Поди! поди!

Изумленная, Екатерина уходитъ; между тѣмъ князь Меньшиковъ и Толстой являются съ бумагами.

Кн. Меньшиковъ.

Признался намъ царевичь

Въ измѣнѣ государственной, въ союзѣ

Съ иноплеменникомъ на вредъ отчизнѣ,

Въ злыхъ умыслахъ и тайныхъ заговорахъ,

Въ отцеубійствѣ и цареубійствѣ.

И вотъ признаніе его рукою.

Итакъ, что дѣлать съ нимъ теперь прикажешь?

Петръ.

Предать суду.

Кн. Меньшиковъ, *удивленный.*

Какому? какъ? суду?

Въ сторону.

О Господи! что вздумалъ онъ? возможно ль?

Петръ *къ Толстому.*

Пиши указъ, кому собраться завтра.

Кн. Меньшиковъ.

Позволь сказать тебѣ два слова: сколько

Головъ, вѣдь, столько и умовъ. Бог[illegible] знаетъ,

Посудятъ какъ. А ты всѣхъ [illegible]дріучилъ

По-своему судить.

Петръ.

Ну, не болтать!

Къ Толстому диктуетъ;

Апраксинъ, Меньшиковъ, Головкинъ, Пушкинъ,
Князь Яковъ Долгорукій...

Кн. Меньшиковъ.

Долгорукій...
Князь Яковъ...

Петръ.

Ты оглохъ...

Кн. Меньшиковъ.

Разсердитъ онъ
Тебя.

Петръ.

Да замолчишь ли ты... смотри!
Репнинъ, другой Апраксинъ, Шереметевъ...
Но... всѣ сенаторы и архьереи,
Начальники двѣнадцати коллегій.

Кн. Меньшиковъ *въ сторону.*

Онъ самъ рѣшить не хочетъ? кто жь рѣшитъ...

Къ Петру.

Да будетъ, что тебѣ угодно; только,
По долгу вѣрности, я повторяю:
Не быть добру намъ отъ суда такого.
Когда жь и гдѣ собраніе?

Петръ *зоветъ деньщика.*

Татищевъ!
Прочти мнѣ въ книжкѣ записной, что дѣлать
Назначилъ завтра я.

Татищевъ, *читаетъ, вынувъ изъ кармана книжку.*

Крестить поутру

У Филькина матроса; осмотрѣть
Корабль, въ адмиралтействѣ, новый; послѣ
Въ сенатѣ о картофелѣ указъ
Отдать на разсужденье; въ академьи
Морской — урокъ прослушать.

Петръ.

А что ночью
Я приказалъ тебѣ вписать?

Татищевъ.

Въ кабакъ
Заѣхать, возвращаяся домой —
Вино отвѣдать.

Петръ.

Отложить все это.

Къ Толстому

Пиши: въ вечерни.

Къ Меньшикову.

Изготовь бумаги,
Условье здѣсь мое, и увѣщанье,
И запирательство его, улики, —
Все пропиши.
Духовный судъ особо.
Судъ для сообщниковъ черезъ недѣлю.
Ступай!

Кричитъ въ дверь къ Екатеринѣ.

Сбирай скорѣй обѣдать, Катя.

Къ Толстому.

А ты подай отъ Лейбница письмо.

Всѣ расходятся въ разныя стороны.

III.

СЕНАТЪ

Кн. Меньшиковъ, (*одинъ за столомъ разбираетъ бумаги*).

Нельзя чтобъ безъ затѣй ему! Всегда
Ввернетъ крючокъ. Судить! Опять въ оттяжку
Пойдетъ. А можетъ хуже. Я боюсь.
Царевичъ, или старое повѣрье,
Приверженцевъ вездѣ имѣетъ много.
Къ томужъ я не успѣлъ поговорить
Съ иными. Если жизнь его, лишь жизнь,
Имъ спасть удастся—больше и не нужно!..
Пропало все!... О Господи, что будетъ!...

Входятъ Сенаторы: Князь Голицынъ и Апраксинъ, а потомъ, одинъ за другимъ, и прочіе судьи, которые въ разныхъ углахъ начинаютъ разговаривать между собою.

Апраксинъ, (*подходя къ Меньшикову*).

Нижайшее почтеніе мое
Князь Александръ Данилычу!

Кн. Меньшиковъ.

А! здравствуй,
Петръ Ѳедорычъ!

Апраксинъ.

Какой тяжелый судъ!

Кн. Меньшиковъ.

Да. Уголовный.

Кн. Голицынъ.

Уголовный.

(*тихо къ Апраксину.*)

Тёска!

Тотъ нынѣ судъ зовется уголовнымъ,
Гдѣ жалуется смерть или животъ.

Апраксинъ.

Да, жалуется—

Что, князь Александръ
Данилычъ! Царевича сегодня
Мы будемъ одного судить?

Кн. Меньшиковъ.

Кого жъ
Еще? Сообщники всѣ не большіе.
Покончить съ нимъ бы, чтобъ въ глазахъ онъ больше
Не порошилъ намъ.

Кн. Голицынъ.

Такъ.

Кн. Гагаринъ, (*вслушиваясь въ разговоръ*).

Не порошилъ!
Вы стало полагаете—въ очистку!

Кн. Меншиковъ.

Да развѣ можно полагать иначе!

Кн. Гагаринъ.

Конечно нѣтъ. И Государь самъ также?

Кн. Меньшиковъ.

Болѣзнь такая вѣдь ему больнѣе,
Чѣмъ намъ—ну разумѣется.

Кн. Голицынъ.

Такъ, такъ.

Кн. Долгорукой.

Эхма! Объ чемъ толкуете вы, господа!
Что думаетъ Иванъ, Демьянъ, да Сидоръ!
Судите такъ, какъ Богъ на умъ положитъ

Кн. Голицынъ.

На умъ! Вишь у тебя его палата!

Кн. Гагаринъ.

Ну если Государь самъ такъ, то кто же
Напротивъ.

Апраксинъ. (*въ другомъ кругу*).

Полно такъ ли?

Кн. Голицынъ.

Иль не слышишь—
Самъ Меньшиковъ сказалъ.

Апраксинъ.

Да, онъ, конечно,
Желаетъ этого.

Другіе.

Мы понимаемъ.

Кн. Шаховской.

Желаетъ?

(*отходитъ тихо къ Меньшикову и говоритъ ему*).

Какъ угодно, Александръ
Данилычъ, вамъ, мнѣ также.
Благодѣтель!
По гробъ тебѣ слуга я всепокорный.
(*еще тише*).
О дѣльцѣ не забудете, что прежде.

Многіе (*къ Меньшикову*).

А мы всегда согласны съ вашимъ мнѣньемъ,
Князь Александръ Данилычъ.

Крайніе изъ другаго круга.

Но коль дѣло
Покажется иначе вамъ?

Первый.

Такъ что же!
Хоть вижу, да не вижу—безъ грѣха.

Апраксинъ.

Хорошъ судья!

Нѣкоторые (*тихо къ Апраксину*).

Не спорь съ нимъ. Нашихъ больше.

Кн. Рѣпнинъ.

О Господи! Вотъ до чего дожили
Мы грѣшные! Царей судить хотятъ!
Ну видано-ль и слыхано-ли въ свѣтѣ?
Нѣтъ, воля царская, а у меня
Языкъ на этотъ судъ не повернется.

Кн. Голицынъ, (*ходившій до сихъ поръ по разнымъ кругамъ*).

И что онъ сдѣлаетъ-то съ нами послѣ?

Кн. Меньшиковъ.

Такъ и судите ужъ, князь Петръ Андреичъ,
Чтобъ ничего не могъ ужъ сдѣлать съ вами
Царевичъ послѣ!

Кн. Голицынъ.

Какъ же это такъ?

К. Рѣпнинъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Цари не подсудимы. Сердце
Царево въ руцѣ Божьей, говоритъ
Писанье.

Кн. Голицынъ.

Что хотятъ, то и творятъ:
Не намъ холопамъ въ ихъ дѣла соваться

Бутурлинъ.

Да это вѣдь не царь, а лишь царевичъ,
Царь самъ судить его повелѣваетъ.
Яко преступника.

Вейде.

Повѣрьте, князь,
Богъ не мѣшается въ интриги наши,
Ни въ царскія.

Кн. Рѣпнинъ (*отворачиваясь*)

Ты нехристь, вѣдь, Адамъ
Адамычъ! Полно, перестань. Богъ вашъ
Одинъ, а нашъ другой.

Кн. Меньшиковъ (*къ вошедшимъ Головкину и Трубецкому*).

Что, господа,
Вы помните, какъ говорилъ царевичъ
Объ васъ, что навязали на него
Жену чертовку—быть вамъ на колѣ.
Теперь и онъ у васъ въ рукахъ.

Головкинъ, (*смѣясь*).

Какъ же!

Кн. Трубецкой.

Да—помню, помню.

(*Бьетъ четыре часа*).

Кн. Меньшиковъ.

Господа! четыре
Часа. Пріѣдетъ скоро Государь.
Не по мѣстамъ ли сѣсть намъ?

(*Всѣ разсаживаются*).

Кн. Щербатовъ, (*у окна*).

Одноколка
Подъѣхала къ крыльцу.
Садитесь! Тише!—

(*Всѣ утихаютъ*).

Петръ.

(*Входитъ, и поклонясь на всѣ стороны, садится на приготовленное ему мѣсто*).

Хоть по естественнымъ и по гражданскимъ
Законамъ, а особенно по праву
Россійскому, всегда я, какъ отецъ,
И Государь, надъ сыномъ власть имѣю,
Но я боюся, чтобъ не согрѣшить.
Врачи, хоть всѣхъ искуснѣе иной,
Своихъ болѣзней никогда не лечатъ,
А призываютъ нà помощь другихъ.
Такъ я болѣзнь свою всѣмъ вамъ вручаю.
Судите совѣстно, какъ Богъ велитъ.

Изъ Копенгагена, назадъ два года
Я резолюцьи требовалъ у сына
На прежній свой запросъ: какъ онъ рѣшился:
Идтиль въ монахи, иль заняться дѣломъ.
Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы спѣшилъ
Скорѣй ко мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что будетъ,
А самъ бѣжалъ, сталъ средствъ искать,
Чтобъ сѣсть на мой престолъ!
На мой престолъ
Ему, лѣнивому рабу, садиться!
Чтобы опять заколотить окошко,
Которое для васъ я прорубилъ.
Чтобъ поломать мои всѣ построенья.
Чтобъ, мимо молодыхъ развалинъ
Прошедши, Европейцы улыбнулись!

Хотѣлъ моей онъ смерти! Нѣтъ! прежде
Онъ самъ умретъ. Онъ казнь себѣ получитъ
Позорную, какъ бунтовщикъ, на жизнь
Отца и Государя посягавшій
Какъ из...

Кн. Долгорукой.

Петръ Алексѣичъ! Полно, полно!
Ты лишнее заговорилъ. Тебѣ
Лишь слѣдуетъ намъ разсказать все дѣло.
Вѣдь ты истецъ.—Судить же—такъ ли,
Не такъ ли,—будемъ мы, судьи. Заранѣй
Твоего намъ негодится слушать мнѣнья.

Петръ.

Какъ смѣешь мнѣ указывать? я что
Хочу, то дѣлаю и говорю.

Кн. Долгорукой.

Такъ намъ всѣмъ не останется ни дѣлать,
Ни говорить ужъ ничего. Мы прочь пойдемъ.
Но для чего же не сказалъ ты прежде:
„Я такъ хочу, быть по сему“, то мы бы
Всѣмъ сорокомъ тебѣ и поклонились,
Примолвивъ: слушаемъ и воля ваша.
Зачѣмъ же изъ суда, передъ зерцаломъ
Своимъ, ломать комедію—вотъ я
Чего не знаю.

Петръ.

Чортъ тебя возми!
Понесъ свое! Ну! слушай, коли хочешь.
Толстой, перескажи ему все дѣло.

Толстой.

Все дѣло явствуетъ изъ документовъ
Царевича собственноручныхъ. Вотъ

Прошенье къ Цесарю; вотъ переписка
Съ митрополитомъ Кіевскимъ. Вотъ запись
Подметная, какъ возмущать народъ
Въ Москвѣ, Украйнѣ, Петербургѣ.
Здѣсь яко бы жестокое правленье
Родителя описано, надежды
Раскольниковъ на будущее время...
Такая-то бѣда всѣмъ намъ грозила!

(*Судьи принимаютъ изъ рукъ Толстаго документы и читаютъ*).

Кн. Долгорукой. (*откашливаясь*).

Гроза великая. За то судить мы
Должны теперь не одного.

Петръ.

Кого же
Еще?

Кн. Меньшиковъ, (*къ Петру*).

Князь разумѣетъ тѣхъ злодѣевъ,
Что словомъ или дѣломъ наводили
На грѣхъ Царевича.

(*Долгорукому*).

Но Государь
Желаетъ прежде главное окончить дѣло.
Для тѣхъ назначится особый судъ.

Кн. Долгорукой.

Ошибся ты, князь Александръ Данилычъ!
Не то я разумѣлъ, а вотъ что: если
Судить ужъ сына намъ, то и отца
Теперь къ суду жъ—они виновны оба,
А можетъ быть отецъ и больше.

Петръ.

Больше.
Я больше!

(*Вскакиваетъ съ своего мѣста въ гнѣвѣ, бѣжитъ къ Долгорукому съ обнаженнымъ кортикомъ и, схвативъ его за воротъ, заноситъ руку*).

Яжъ тебя

Кн. Долгорукой, (*обнажая грудь*).

Вотъ грудь моя.
Коли, коли! да послѣ не вспокайся!

(*У Петра опускаются руки; онъ отворачивается отъ Долгорукаго, и идетъ тихо на свое мѣсто, ворча про себя*).

Вотъ дьяволъ навязался мнѣ на шею!
Онъ слова одного мнѣ не умѣетъ
Сказать порядочно. Все оборветъ.
Ну еслибъ я такой же... былъ бы чорту
Баранъ. Характерецъ!

(*Садится*).

Кн. Долгорукой, (*оправясь*).

Петръ Алексѣичъ!
Какъ быть! Хоть я не царь, а свой характеръ
Есть у меня, и грѣшенъ, не умѣю
Я лебезить, какъ прочіе иные,
Передъ тобою.

Петръ.

Ну! говори, что хочешь.

Кн. Долгорукой.

Сынъ виноватъ, объ этомъ нѣтъ и спора.
Но виноватъ отецъ, гораздо больше,
Что объ его небрегъ ты воспитаньѣ.
Младенецъ — воскъ: что хочешь, то и дѣлай.
А изъ него́, что путнаго ты сдѣлалъ?
Мы трудимся, всей силой помогаемъ
Тебѣ на всякой службѣ, не жалѣя
И животовъ своихъ, на то, чтобъ сынъ твой

Всѣхъ насъ переказнилъ и перевѣшалъ?
Любовь, услуги наши для тебя,
Ему противныя, на дѣтяхъ нашихъ
Повыместилъ, и наши всѣ труды
И подвиги, пошли бы подъ ноги.
Есть изъ чего работать намъ! Спасибо!

И такъ за то, что ты намъ приготовилъ
Наслѣдника, который поведетъ
Отечество на вѣрную погибель,
Я обвиняю здѣсь тебя предъ Богомъ,
Предъ добрыми людьми и предъ зерцаломъ,
Какъ государственнаго лиходѣя,
Повиннаго намъ всѣмъ здѣсь дать отчетъ,

Ну! такъ и быть, пришлося къ слову,—
Повиннаго намъ дать отчетъ.

Петръ.

Ну — радъ!
Красно сказалъ! Ты думаешь, что нечѣмъ
Мнѣ оправдаться — слушай злоязычникъ!
Съ котораго же года оправданье
Мнѣ начинать? Съ рожденья Алексѣя,
Чтобъ удовольствовать тебя — пожалуй.
Онъ въ тысяча шести сотъ девяностомъ
Году родился. Ну — формировалъ
Я войско регулярное тогда,
А въ первомъ и второмъ построилъ флотъ,
А въ третьемъ вѣдался съ сестрой, съ стрѣльцами,
Потомъ въ Архангельскѣ, на Бѣломъ морѣ.
Въ четвертомъ былъ въ Архангельскѣ опять,
Осматривалъ страну ту для торговли,
Для выѣздовъ, оттоль въ Воронежъ ѣздилъ.
Ну! въ пятомъ—тутъ Турецкая война.
Я осаждалъ Азовъ, хоть безуспѣшно.

Въ шестомъ я взялъ Азовъ, да Волгу съ Дономъ
Пытался съединить; въ седьмомъ стрѣльцы
Опять, потомъ въ чужіе краи ѣздилъ
Учиться, набирать людей на службу.
Въ осьмомъ былъ въ Англіи, и воротился
Назадъ—для укрощенья новыхъ бунтовъ.
Въ девятомъ былъ въ Воронежѣ, Азовѣ,
Основывая власть на Черномъ морѣ.

А внутреннихъ-то распорядковъ сколько!
Вотъ въ первое десятилѣтье—сытъ ли?

Кн. Долгорукой.

Все это хорошо: и честь и слава
Тебѣ за это все. Но воспитанье
Наслѣдника важнѣе всѣхъ успѣховъ,
Всѣхъ временныхъ побѣдъ, завоеваній.
Вѣдь всѣ онѣ ему должны достаться,
А сыну блудному пойдетъ ли въ помощь
Отцовское богатство? Размытаритъ
Не только онъ твои пріобрѣтенья,
Но вмѣстѣ родовое все добро.
Нѣтъ, нѣтъ, единый мигъ изъ дѣтской жизни,
Одна слеза, которую наставникъ
Разумный, добродѣтельный, любящій,
Въ часъ добрый изъ очей извлечь умѣетъ,
Одно благое впечатлѣнье, чувство,
Которое какъ сѣмя, въ тучной почвѣ,
Со временемъ дастъ сладкой плодъ, сторицей,
Дороже Богъ знаетъ какихъ стяжаній.

Петръ.

Ну что ты придираешься? Вѣдь дѣло
Все это дѣлалъ я не для забавы,
А по нуждѣ. Заботяся о дѣтяхъ,
Чтóжъ намъ самимъ-то, голодать бы было,

Иль въ дуракахъ сидѣть, иль поддаваться?
Да какъ меня воспитывали — лучше?

Кн. Долгорукой.

Быть такъ. За первое десятилѣтье
Хлопотъ тебѣ необходимыхъ было много,
А сынъ былъ малъ,—а послѣ-то, какъ началъ
Онъ подростать, вотъ тутъ-то что ты сдѣлалъ?

Петръ.

Тутъ мудренѣй еще мнѣ оправдаться:
Забылъ ты, какъ сидѣлъ въ Стокгольмѣ?
Мнѣ надо было взять, во что бъ ни стало,
Хоть уголъ бы на берегу Балтійскомъ,—
Чтобъ положить здѣсь камень просвѣщенья,
Краеугольный камень Рускаго участья
Въ дѣлахъ всѣхъ политическихъ Европы.
Я десять лѣтъ боролся съ братомъ Карломъ
Въ Лифляндіи, Саксоніи и Польшѣ,
Эстляндіи, Архангельскѣ, Украйнѣ.
Тутъ ни до матери, ни до отца,
И ни до сына было,—я лишь щупалъ,
Къ ночи, взопрѣлый, голова цѣла ли.
Чуть промигнулъ бы, такъ прощай и войско,
И царство, и Россія, да и всѣ вы.
Ты, на примѣръ, разинулъ ротъ подъ Нарвой,
И не умѣлъ сберечь одной своей
Лишь умной головы, въ полонъ попался..,

Кн. Долгорукой, (*ворча въ полголоса*).

Вѣдь Карлъ насъ взялъ обманомъ.

Петръ.

Да, обманомъ.
А между тѣмъ въ семисотъ третьемъ годѣ
Построилъ Петербургъ я на чужой

Землѣ, гдѣ мы спокойно поживаемъ
Теперь. Ужъ наконецъ въ девятомъ годѣ,
Послалъ Господь мнѣ случай подъ Полтавой
Льва Шведскаго сбить съ ногъ и обезсилить.
Я отдохнулъ. Но вслѣдъ за тѣмъ война
Съ Султаномъ... что окончилась при Прутѣ,
Гдѣ потерялъ Азовъ,—но я возьму,
Возьму его опять, вѣдь, непремѣнно.

И въ это, впрочемъ, тягостное время
Я думалъ о наслѣдникѣ престола.
Въ семьсотомъ я году къ нему приставилъ
Искуснаго наставника, Гизена.
И вотъ ему инструкція, надъ коей
Сидѣлъ я не одну, не двѣ, братъ, ночи,

Кн. Долгорукой.

Мужикъ онъ дѣловой былъ, правда но ты
Вѣдь часто отрывалъ его.

Петръ.

Да, еслибъ
У насъ людей способныхъ поле было
Засѣяно! я Меньшикова далъ ему
Въ гофмейстеры.

Кн. Долгорукой.

А Князю и подавно
Когда за нимъ смотрѣть-то было?

Петръ.

Я часто бралъ его съ собой въ походы,
И оставлялъ здѣсь государствомъ править,
И посылалъ въ чужіе краи.
И всѣми мѣрами старался
Къ дѣламъ правительственнымъ пріучать...

Увидя къ горести, что онъ съ ханжами,
Кликушами, чернцами и попами,
А не съ хорошими людьми ведется,
Во всякой праздности и безпорядкѣ,
И слушается для близиру только,—
Женилъ его на знатной я принцессѣ,
Надѣяся хоть симъ его отвадить
Отъ прежняго житья и прежнихъ связей.
Вы знаете, какъ жилъ онъ съ сей принцессой.
Черезъ два года въ гробъ онъ вколотилъ
Ее, взявъ для сожитія чухонку.

Въ день самой погребенія невѣстки,
Въ пятьнадцатомъ году, я сталъ грозить ужъ
Лишить наслѣдства, коль не будетъ лучше.
Онъ все обманывалъ и обѣщался,
И наконецъ бѣжалъ, и обнаружилъ
Вполнѣ свою тѣмъ скаредную душу.

Кн. Долгорукой.

А чѣмъ докажешь ты свои слова?

Кн. Меньшиковъ, (*подавая бумаги Долгорукому*).

Вотъ письма царскія...

Кн. Долгорукой, (*разбирая письма*).

Теперь я вижу,
Что ты заботился таки объ сынѣ,
Хотя не столько, сколькобъ должно.
Вотъ, напримѣръ, ты пишешь: „какъ давно
Тебя я на глаза не допускаю.“
Ну ктожъ такъ учитъ?—Или здѣсь: „съ тобой я
Не говорю“—плохое наставленье!

Головкинъ.

Эхъ, Яковъ Ѳедорычъ, кому Господь

Не далъ чего, вдолбятъ-ли уже люди?
Царевича давно, вѣдь, всѣ мы знаемъ.
Что говорить пустое—уродился
Ужъ такъ.

Кн. Долгорукой, (*къ Голозкину*).

Къ дичкамъ не прививаютъ развѣ?

(*къ прочимъ судьямъ*).

Но въ уваженье особливыхъ обстоятельствъ,
Какъ Богъ единый безъ грѣха бываетъ,
На мудреца же всякаго находитъ
И простота,—конечно отъ суда,
Отъ уголовнаго, Царя возможно
Освободить, лишь давъ на замѣчанье,
Чтобъ о второмъ онъ сынѣ, о младенцѣ,
Что Богъ недавно даровалъ ему,
Впередъ бы позаботился побольше.

Петръ.

Учи!

Кн. Долгорукой.

А вы, какъ думаете, судьи?

Кн. Шереметевъ.

Согласенъ я.

Кн. Щербатовъ.

Я никогда не думалъ,
Чтобъ можно было обвинять Царя
За это.

Кн. Голицынъ.

Петръ ли Алексѣичъ сына
Роднаго не училъ добру, когда
Онъ насъ съ такимъ стараньемъ учитъ!
Да кормъ- то не всегда въ коней идетъ.

Кн. Гагаринъ.

А я такой упрекъ счелъ оскорбленьемъ
Величества.

Петръ, (*къ Долгорукому*).

Ну что взялъ?

Кн. Долгорукой.

Не сердися,
Петръ Алексѣичъ. Вашу братью меньшебъ
Конечно, можетъ быть, бранили, еслибъ
Побольше знали васъ, да вы живете
Высоко.—Я не зналъ...

Петръ.

Не зналъ, такъ врать
Не надобъ. Какъ же ты о немъ посудишь?

Кн. Долгорукой.

По моему, намъ нужно утвержденье
Взять отъ Царевича на всѣ бумаги
Изустное...

К. Меньшиковъ, (*сказавъ на ухо нѣсколько словъ офицеру, потомъ къ Долгорукому*).

Царевичъ здѣсь, но боленъ.

Кн. Долгорукой.

Мы долго не задержимъ вѣдь его.

(*Два офицера вводятъ Царевича, на лицѣ котораго видно крайнее изнеможеніе*).

Кн. Долгорукой, (*показывая ему письма одно за другимъ*).

Ты радовался здѣсь отцовской боли
Въ запрошломъ лѣтѣ?

Алексѣй.

Радовался.

Кн. Долгорукой.

Здѣсь
Отцовскихъ слугъ ты перевесть хвалился?

Алексѣй.

Хвалился.

Кн. Долгорукой.

А когда письмо вотъ это
Отъ Государя здѣсь ты получилъ—
Назадъ тому два года?

Алексѣй.

Получилъ.

Кн. Долгорукой.

Назадъ тому два года ли?

Алексѣй.

Два года.

Шереметевъ.

Довольно, князь. Онъ слабъ. Не изнуряйте
Его. Признался жъ онъ...

Прочіе.

Да. да.
Довольно.

Кн Долгорукой.

Сейчасъ.—Всѣ эти письма ты писалъ?

Алексѣй.

Писалъ.

Кн. Долгорукой.

Въ показанныя числа?

Алексѣй.

Въ числа
Показанныя

Кн. Долгорукой, (*къ Меньшикову*).

Ну, теперь довольно.

(*К. Меньшиковъ даетъ знакъ офицерамъ, чтобъ отвели Царевича обратно*).

Алексѣй, (*падаетъ въ ноги предъ судьями*).

Молю васъ объ одномъ... спасите... жизнь.

(*два офицера уводятъ его подъ руки*).

Кн. Долгорукой.

Хоть тяжело произнести, однако
Долгъ неумытнаго судьи велитъ:
Такія преступленья стоятъ казни.

Толстой.

Вотъ что гласятъ законы наши.

(*читаетъ выписки*):

Уложенія глава II, статья I: Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется до пряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ, и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію,

Статья 2: Также, будетъ кто, при державѣ Царскаго величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть, и государемъ быть, и для того своего злаго умышленія начнетъ рать собирать, или кто Царскаго величества съ недруги учнетъ дружиться и прочая, такова измѣнника казнить по томужъ смертію.

Артикуловъ военныхъ, глава 16, артикулъ 127.
Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однако же имѣетъ, по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда, таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, яко бы за произведенное самое дѣйство.

Шереметевъ.

Такимъ, какимъ же?

Толстой.

То есть четвертованъ.

Шереметевъ.

Но этого не слыхано въ Европѣ!

Кн. Долгорукой.

А намъ какое дѣло до Европы?

Кн. Рѣпнинъ.

Царевича на смерть намъ осудить!
Нѣтъ, господа, кровь царская священна.
Мнѣ восемьдесять лѣтъ, и я грѣха
Такого ни за что не соглашуся
На душу взять. Онъ царской сынъ.

Кн. Долгорукой.

А развѣ
Мы пасынки?

Петръ.

Ну вотъ спасибо, дядя!

Кн. Голицынъ.

Наслѣдникъ онъ!

Кн. Долгорукой.

Тѣмъ паче долженъ быть
Наказанъ, поелику гнусной жизнью
Отечеству всему болѣзнь и трудъ
Онъ можетъ нанести. Годится ль трутень
Такой въ наслѣдники къ Петру?

Шереметевъ.

Но что
Объ Государѣ то въ Европѣ скажутъ?

Кн. Долгорукой.

Наладилъ ты Европа, да Европа.
Борисъ Петровичъ! Вишь, какъ угостили
Тебя тамъ, братъ! На всякое чиханье
Ну кто наздраствуется? Пусть тамъ скажутъ,
Что захотятъ. Вѣдь, если попадется
Опять Иванъ Васильичъ намъ, иль Ѳедоръ
Иванычъ, подъ какимъ-нибудь злымъ духомъ,
Твоя Европа не подставитъ шеи
За насъ. Вотъ невидаль какая! Сами
Европа мы себѣ.
Не приведи
Господь, чтобы насъ зря, Европой этой
Въ глаза безперестанно утыкали.

Г. Шереметевъ.

Ну если не Европѣ, то природѣ
Противно осуждать роднаго сына
На казнь передъ отцемъ. Мы пощадить
Должны его родительское сердце.

Петръ.

Ни объ родителѣ и ни объ сынѣ,
Вы объ отечествѣ должны пещися.
Вамъ сказано: я здѣся посторонній.
Молчу, и знать хочу лишь ваше мнѣнье.
Дѣтей у Государей не бываетъ,
Когда идетъ о общемъ благѣ слово.
Все для него—покой, жизнь, тѣло, душу.
Женъ продадимъ своихъ, дѣтей въ неволю,
Сказалъ мясникъ съ душею царской Мининъ,
Святой примѣръ для гражданъ и царей.
Я руку правую отрѣжу лѣвой,
Коль посягнетъ она для васъ на злое.
Я самъ готовъ во всякой мигъ отдать
Себя на судъ, и горе государю,

Который въ совѣсти сего не можетъ
Сказать себѣ.

(*При этомъ словѣ вбѣгаетъ въ засѣданіе офицеръ, ужасно встревоженный, и устремляется прямо къ Государю черезъ ряды судей*).

Петръ, (*увидѣвъ его, съ безпокойствомъ къ нему оборачивается*).

Что ты?

Офицеръ.

Пожаръ.

Петръ.

Большой?

Офицеръ.

Большой.

Петръ.

Гдѣ, гдѣ?

Офицеръ.

У Троицы.

Петръ.

Далеко ль
До магазиновъ?

Офицеръ.

Близко. Головешки
Такъ и летятъ.

Петръ.

А вѣтеръ?

Офицеръ.

Съ моря, страшной.

Петръ.

Вели скорѣй подать мнѣ одноколку.

Кн. Меньшиковъ, (*въ безпокойствѣ*).

Не лучше ль на пожаръ послать другаго?
Твое присутствіе для насъ нужнѣе.

Петръ, (*встаетъ*).

На что? Судите такъ, какъ я сказалъ вамъ,
Безъ всякаго лицепріятія, имѣя
Въ виду лишь государственное благо.
Мнѣ должно поспѣшить. Бѣда какая!
Я на пять кораблей мачтъ наготовилъ!

(*Поспѣшно выходитъ*).

Кн. Долгорукой, (*смотря ему вслѣдъ*).

Ушелъ! Ну Богъ съ тобою! Грѣха не скрою
Предъ вами, господа: хоть грудь открылъ я,
А вѣдь поджилки такъ и затряслися.
Ахъ! Господи ты Боже мой! Насилу
Опомнился.

Кн. Голицынъ.

Охота поперечить...

Кн. Долгорукой.

Ну что же, судіи, какъ вы? Рѣшайте.
По совѣсти, по скудному умишку
Моему, безъ толковъ объ родствѣ, Европѣ,
Я думаю, для общаго спасенья
Царевичева смерть необходима.

Шереметевъ.

Но развѣ невозможно отъ наслѣдства
Намъ отрѣшить его.

Кн. Меньшиковъ.

Ему давно
Совѣтуютъ: давай, де, сколь угодно
Отказовъ имъ, а это вѣдь не запись,
Что съ неустойкой мы давали прежде.

Повѣрьте, лишь скончайся Государь,
Наслѣдникъ явится хоть изъ монаховъ,
Хоть изъ Сибири, иль со дна хоть моря.

Толстой.

А Государь хвораетъ нынѣ часто.

Кн. Голицынъ.

Не бережется онъ.

Бутурлинъ.

А партій много.
Лишь будь резонъ, и заварится каша.
А чья возьметъ, про то вѣдь Богъ лишь знаетъ.

Кн. Меньшиковъ.

Его возьметъ, мы всѣ и все пропало.

Вейде.

И царствуютъ ханжи, попы, монахи.

Толстой.

Да не хорошіе, не Ѳеофаны,
Не Дмитріи, а лицемѣры, плуты.

Кн. Рѣпнинъ.

Но Государь всѣхъ лучше это знаетъ.
Пусть самъ рѣшитъ, мы не поспоримъ.

Кн. Голицынъ.

Такъ.

Кн. Щербатовъ, (*смотря на Меньшикова*).

Онъ могъ такъ сдѣлать, насъ не созывая,
А созвалъ,—стало быть онъ хочетъ, чтобы
Рѣшили мы, не онъ.

Кн. Гагаринъ.

Кто говоритъ

О волѣ царской? Онъ и послѣ можетъ
Перемѣнить рѣшенье наше.

Кн. Долгорукой.

Еслибъ
Отецъ, природнымъ чувствомъ побѣжденный,
Поколебался бъ, мы, помощники и судьи,
Должны бъ ему обязанность напомнить.
А благо намъ рѣшенье оставляютъ:
Воспользуемся, какъ законъ велитъ.

Кн. Рѣпнинъ.

Да тяжело рѣшить. Душа чужая
Потемки. Вдругъ не разберешь.

Кн. Голицынъ.

Богъ знаетъ,
Какъ это—хорошо иль дурно.

Апраксинъ.

Да.
Да. Мудрено сказать: какъ лучше.

Многіе.

Послѣ
Что будетъ!

Кн. Меньшиковъ.

Будущее не у насъ,
А настоящее подъ нашей волей.

Апраксинъ.

У Алексѣя сынъ младенецъ.

Кн. Голицынъ.

Такъ.
Намѣдни видѣлъ мальчика—пребойкой.

Многіе.

Да, сынъ младенецъ. Это къ соображенью.

(*Входитъ офицеръ и подаетъ Меньшикову пакетъ*).

Рѣшенье Архьереевъ.

Кн. Рѣпнинъ.

Вотъ, вотъ лучше
Всего. Послушаемъ своихъ отцевъ.

(*К. Меньшиковъ подаетъ пакетъ Толстому, который читаетъ*):

Въ книгахъ 3-хъ Моисеевыхъ, Левит. глава 20. Рече Господь къ Моисею, глаголя: рцы сыновомъ Израилевымъ: человѣкъ, иже аще злорѣчитъ отцу своему и матери своей, смертію да умретъ. Въ книгахъ же 5-хъ Моисеевыхъ стараго закона, глава 21: аще кому будетъ сынъ непокоривъ и губитель, не послушая гласа отца своего, и гласа матере своея, и накажутъ его, и не послушаетъ ихъ; да пойметъ его отецъ его и мати его, и да изведутъ его предъ старцы града своего, и предъ врата мѣста своего, и да рекутъ къ мужемъ града своего... и да побіютъ и мужи града сего каменіемъ, и да умретъ, да измете злое отъ себя сами, да и друзі и слышавше убоятся.

Кн. Меньшиковъ.

Какъ разъ царевичу все это въ пору.

Вейде.

Тамъ много въ пору, выбрать можно, много.

Кн. Рѣпнинъ.

Уймись, Адамъ Адамычъ, не кощунствуй.

(*къ Толстому*).

А въ Новомъ что Завѣтѣ—почитай-ка.

Толстой, (*читаетъ*).

Въ Апостолѣ къ Римлянамъ, глава 1, зачало 81: ...Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде я Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная, и исполненные вся-

кія неправды, блуженія, лукавства, злобы, зависти, убійства... досадители родителямъ и проч. яко таковая творящіи достойны смерти суть. Не точію сами творятъ, но и сбизволяютъ творящимъ.

Еще есть тексты изъ Евангелистовъ,
Матѳія, Марка...

Кн. Долгорукой.

Хорошо, а сами
Что говорятъ духовные отцы?

Толстой, (*читаетъ*).

...Судъ духовный по духу долженъ быти, а не по плоти и крови. Ниже вручена есть духовному чину власть меча желѣзнаго, но власть духовнаго меча, иже есть глаголъ Божій. Духовнымъ лицамъ не подобаетъ духомъ ярости, но духомъ кротости поступати, ниже на смерть чію настояти, ниже крови искати, но единаго истиннаго покаянія и смерти духовныя, яже есть, мертвымъ быти грѣху, живымъ же Богови, по глаголу апостольскому.

Кн. Рѣпнинъ.

Премудрые глаголы!—Александръ Данилычъ!
Что говорятъ наставники-то наши!

Кн. Меньшиковъ.

Ну что же—развѣ не согласно съ нами?
Вѣдь слово главное—достоинъ смерти,
А прочее не ихъ, конечно, дѣло.

Кн. Рѣпнинъ.

Мы скажемъ также.

Кн. Долгорукой.

Развѣ мы попы?
Что можно имъ, то намъ нельзя.

Толстой.

Мы судьи,
Рѣшить должны мы.

Другіе.

Такъ, должны мы, но...

Кн. Гагаринъ.

Рѣшить должны мы непремѣнно!

Мусинъ-Пушкинъ

Должно!

Бутурлинъ.

Нельзя отсель и выдти безъ рѣшенья.
Чѣмъ кончили?

Многіе.

Оно бъ и такъ, да вотъ что...
Вотъ видите...

Кн. Долгорукой.

Сбиралися ни по что,
И сдѣлаемъ всѣ ничего.

Кн. Меньшиковъ.

Рѣшенье
Готово. Сомнѣваться не въ чемъ,
Какъ кажется.

Другіе.

Да не въ чемъ бы, однако...
Конечно...

Кн. Гагаринъ.

За чѣмъ же дѣло стало?

Молчаніе.

Шереметевъ.

Ну, хорошо, рѣшимъ по вашему, да...

Кн. Долгорукой, (*прерывая*).

Нѣтъ, не по нашему, а по законамъ.

Шереметевъ.

Такъ. По законамъ. А къ концу прибавимъ
Вотъ что: я написалъ вамъ для примѣра:

(*читаетъ, дѣлая удареніе на главныя слова*).

Сіе сужденіе, по *Высочайшей* волѣ, мы яко рабы и подданные съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изрекаемъ, въ разсужденіи что намъ въ такой высокой судъ входить *не достойно было*; ни въ приговоръ, ни для *изданія декрету*, и повергаемъ оное въ самодержавную *волю* и разсмотрѣніе Его Царскаго величества, *всемилостивѣйшаго* нашего монарха.

Кн. Меньшиковъ.

Что-жъ это за рѣшенье? Да и нѣтъ.

Кн. Долгорукой.

А вотъ теперь и я тебя Европой,
Борисъ Петровичъ, попрекну. Тамъ что ли
Картавятъ такъ? Нѣтъ, мы, братъ, на чистую.

Шереметевъ.

И я нечистаго не написалъ:
Коль судьи не хотятъ моей прибавки,
Пускай отвергнутъ.

Множество голосовъ.

Нѣтъ, хотимъ, хотимъ.

Шереметевъ, (*къ судьямъ*).

Я думаю рѣшенье предоставить
Конечное царю.

Многіе.

Вотъ это такъ.

Апраксинъ.

Чего же лучше!

Другіе.

Мы согласны съ вами.

Кн. Рѣпнинъ.

Вотъ такъ и совѣсти полегче будетъ.

Другіе.

Такъ.

Хорошо.

Кн. Голицынъ.

И наше это мнѣнье.

Кн. Меньшиковъ.

Я увѣряю васъ, что Государь
Разсердится.

Толстой.

Избавимъ отъ тяжелой
Нужды его изречь родному сыну
Смертельный приговоръ.

Кн. Рѣпнинъ.

Но развѣ дѣтямъ
Казнить отца роднаго легче.—Мы же
Вѣдь дѣти и Петра и Алексѣя.

Апраксинъ.

Намъ Государь по совѣсти велѣлъ
Судить.

Другіе.

А мы такъ думаемъ.

Кн. Голицынъ.

Такъ точно.

Множество голосовъ съ разныхъ сторонъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

Пустъ будетъ, какъ Борисъ
Петровичъ написалъ.

Пусть Царь рѣшитъ,
Какъ хочетъ самъ.

Нѣтъ! Нѣтъ!
у Алексѣя
Есть сынъ, своя рубашка къ тѣлу ближе,
Ну, ежели къ нему мы попадемся?
На всякой случай должно намъ оставить
Исходъ спасенья...

Толстой.

Личные расчеты!

(*тихо къ Меньшикову среди общаго шума*).

Да что жъ Головкинъ все молчитъ?

Кн. Меньшиковъ.

Онъ любитъ
Жаръ загребать чужими вѣдь руками.

(*къ Головкину*)

Ну что жъ вы все молчите?

Толстой.

Говорите!
Вы канцлеръ вѣдь.

Головкинъ

Но ничего не слышно!—
Что говорить безъ пользы. Шумъ какой!

(*Между тѣмъ другая сторона превозмогаетъ, и слышатся только восклицанія*):

Оконченъ судъ!
Согласны мы съ Борисомъ
Петровичемъ!
Пусть Царь рѣшитъ!
Пусть Царь рѣшитъ!

Кн. Меньшиковъ, Толстой и прочіе

(*кричатъ во весь голосъ*).

Мы не согласны. Нѣтъ!

(Тихо къ Толстому).

Ну что прикажешь дѣлать! Ахъ злодѣи!

Апраксинъ.

Не спорьте же, князь Александръ Данилычъ!
О всѣхъ преступникахъ вѣдь утверждаетъ
Рѣшенье Государь; здѣсь только тоже.

Кн. Меньшиковъ.

И тоже, да не такъ.

Кн. Долгорукой.

Но господа!
Насъ много здѣсь сидитъ, а говорили
Не многіе, а прочьи лишь кричатъ,
Не разберешь. Сберемте голоса.

Кн. Меньшиковъ (*съ досадой къ Толстому*).

Вотъ выдумалъ еще! Ну, все пропало!

(*къ прочимъ*):

Какіе голоса, на что еще?
Лишь затрудненья этимъ мы прибавимъ!

Множество голосовъ.

Нѣтъ. Хорошо!
Я темную люблю.
Всего спокойнѣе.
Пожалуй.
Такъ.

Всѣ.

Сберемъ-же голоса всѣ, голоса!

Кн. Долгорукой.

Вотъ и увидимъ, съ кѣмъ согласныхъ больше,
Съ Борисомъ ли Петровичемъ, иль съ нами.
Пишите ваши имена въ запискахъ.

(*Всѣ пишутъ, не смотря на сопротивленіе к. Меньшикова и его приверженцевъ, и подаютъ записки к. Долгорукому и Шереметеву, которые ихъ считаютъ*).

Кн. Рѣпнинъ.

О Господи! Очами милосердья
Призри на насъ. Мы, сами грѣшники,
Чужой грѣхъ вѣшаемъ, и мѣру смерти
И мѣру живота опредѣляемъ,
Какъ ангелы въ день свѣтопреставленья!

Шереметевъ.

Сто двадцать шесть насъ человѣкъ. Со мной
Согласныхъ семьдесять, число большее.

Кн. Долгорукой.

Ну! дѣлать нечего. Быть по сему.

Кн. Меньшиковъ (*Толстому*).

Вотъ видишь ли? Измѣнники! Злодѣи!
Проклятые!

Вслухъ.

Покрайней мѣрѣ, вотъ что
Прибавимъ:

Коли не представятся иншіе побудительные резоны, и не потребуется для генеральнаго блага скорая и рѣшительная экзекуція.

Что Борисъ Петровичъ?

Шереметевъ.

Это можно,
Хоть и не знаю я, на что.

Множество голосовъ.

Пожалуй.

Кн. Меньшиковъ (*къ секретарю*).

Прибавьже въ протоколѣ.

Шереметевъ.

И еще
Къ словамъ «на изволенье», хорошо бы
Прибавить «милосердое».

Нѣсколько голосовъ.

Прибавить.

Кн. Голицинъ.

Прибавить. Такъ.

Кн. Долгорукой.

Подпишемся,—и все тутъ.

Всѣ, (*подписываясь*).

На силу-то! Устали! Засидѣлись.

Кн. Долгорукой.

Дай Богъ, чтобы опредѣленье наше
Согласно было со святою Божьей волей ,
Отечеству на пользу и спасенье-

Кн. Меньшиковъ.

Но кто же депутатами къ Царю
Отправится—донесть объ окончаньѣ?
Одинъ я не возьмуся ни за что.

Кн. Долгорукой.

Пожалуй—я пойду.

Г. Шереметевъ.

И я.

Кн. Рѣпнинъ.

Я съ вами.

Кн. Долгорукой.

Да, канцлеръ пусть поѣдетъ.

Кн. Меньшиковъ.

Утромъ.

Всѣ.

Ладно.

Кн. Меньшиковъ, (*принявъ подписанныя бумаги.*)

И такъ окончилося засѣданье!

(*Всѣ встаютъ и расходятся*).

Бутурлинъ (*къ Долгорукому, отходя*).

Поѣдемъ на пожаръ. Что тамъ такое?

Кн. Долгорукой.

Нѣтъ, я усталъ. Скорѣе бы домой.

(*Въ залѣ не остается никого, кромѣ Меньшикова и Толстаго*).

Кн. Меньшиковъ.

Пропало все. Я зналъ, что такъ случится.
Царевичъ множество друзей имѣетъ
Межъ ближнихъ Государевыхъ. Они
Снаружи только преданы ему,
И всякой разъ, когда лишь только могутъ...
Разбойники! Предатели! Злодѣи!

Толстой.

Но Царь заставитъ ихъ.

Кн. Меньшиковъ.

Нѣтъ, не заставитъ.

Я вижу. Хочется ему казнить,
Да не своей рукою.

Толстой.

Хорошо,
Что оговорку вставилъ ты.

Кн. Меньшиковъ.

Надежда
Послѣдняя!

(*Задумывается. Потомъ*)

Возьмижъ бумаги всѣ
О соумышленникахъ Алексѣя;
Представь всѣ связи ихъ въ ужасномъ видѣ,
Всѣ рѣчи, и желанья, и совѣты,
Именъ побольше знатныхъ. Вотъ увидимъ..
Не будетъ ли второй судъ посчастливѣй,
Не перемѣнятъ ли они въ испугѣ
И первое рѣшенье! Я теперь
Поѣду на пожаръ. Потомъ къ тебѣ.

Толстой.

Но поскорѣй. Сподручнѣе работать
Двоимъ.

(*уходитъ*).

Кн. Меньшиковъ.

Услышалъ я въ судѣ словцо,
И вздрогнулъ: есть у Алексѣя сынъ!....

(*Ходитъ молча по комнатѣ; послѣ*)

Ну что жь! Младенецъ онъ, чередъ не можетъ
Дойдти къ нему: Петръ... и... Екатерина...
Есть сынъ еще новорожденный, Петръ:
Когдажъ тому... мнѣ нечего бояться.

IV.

(*Большой темный подвалъ въ домѣ Кикина, съ одною дверью по срединѣ и другою съ боку надъ лѣстницею. Передняя часть освѣщена ночниками. Уголъ заваленъ бутылками и штофами*).

Князь Львовъ и Нарышкинъ (*входятъ*).

Нарышкинъ.

Что хочешь, Кумъ любезный мой, а жалко,
Ей-богу жалко стало Государя:
Какъ принялся тушить онъ на пожарѣ,
Потъ у него съ лица катится градомъ,
Весь закопченъ и опаленъ и обожженъ,
Ему жь и горя нѣтъ—знай работаетъ,
И за труды такіе смерть принять?
Нѣтъ, жаль. Онъ намъ добра по крайней мѣрѣ
Желаетъ всѣмъ.

Кн. Львовъ.

Объ этомъ кто и споритъ.

Нарышкинъ.

Такъ, тошно намъ. Ему же развѣ легче?

Кн. Львовъ.

Конечно.

Нарышкинъ.

Нѣтъ. Не хорошо.—Въ просакъ попались
Мы сгоряча.

Кн. Львовъ.

И я ужь спохватился.

Нарышкинъ.

Такъ не шепнуть ли, не мигнуть ли?

Кн. Львовъ.

Поздно!
При томъ же мы другихъ не остановимъ,
А можетъ быть, авось имъ не удастся.
Самъ Богъ Царя вѣдь много разъ спасалъ.

Нарышкинъ.

Да, Кикинъ два раза ужь осѣкался.
А съ нами-то тогда, что будетъ?

Кн. Львовъ.

Что!
Лукавый искусилъ насъ. . такъ и быть...
Мы виноваты... ну и пострадаемъ.
Пождемъ еще.

(*Входятъ князь В. В. Долгорукой и Вяземскій, отецъ Іаковъ, и Кикинъ съ двумя служителями*).

Кикинъ.

Все хорошо! все ладно!
А вы что осовѣли такъ? Гдѣ прочьи?

Нарышкинъ.

Всѣ пробираются сюда.

Кикинъ.

Пора
Зажечь и здѣсь. Ступай ты, князь Никифоръ,
Проворь. Сосѣдскій домъ. Степанъ
Укажетъ какъ, гдѣ.

(*К. Вяземскій уходитъ съ однимъ служителемъ*).

Хорошо ли, Дмитричъ,
Ты угостилъ людей?

Служитель.

Спятъ мертвымъ сномъ.

Хозяинъ и семья его въ деревнѣ.
Что хочешь, то и дѣлай.

Эварлаковъ (*вбѣгая*).

Братцы! Богъ
Судья вамъ. Я лицемъ къ лицу стоялъ
Къ нему. Близехонько. Какъ ловко было!

(*къ Кикину*).

Ну, если бы ты всѣхъ не переспорилъ
Вчера, теперь съ концемъ бы было дѣло.
Зачѣмъ, скажи, затѣялъ два пожара?

Кикинъ.

Опять за тóжь. Тьфу пропасть, безтолковый!
Позднѣе ль, раньше ль часомъ—все равно,
Лишь только кончилось бы по желанью:
А здѣсь вѣрнѣй: онъ на этотъ пожаръ
Заѣдетъ непремѣнно, по дорогѣ.
Въ своемъ дому намъ, у себя, сбираться,
Приготовляться было безопаснѣй.

Эварлаковъ.

Такъ здѣсь бы тотчасъ и зажечь, не тамъ,
Смотри—протянется какъ это долго.

Кикинъ.

А еслибъ изъ суда онъ не поѣхалъ?
Пропало даромъ бы такое средство!
Повѣрь, я все обдумалъ, все устроилъ.
Теперь онъ нашихъ рукъ ужь не минуетъ.
Поди взгляни-ка лучше, какъ огонь
Взялся. Скорѣй, узнай. что, происходитъ
И тамъ.

(*Эварлаковъ уходитъ*).

А въ самомъ дѣлѣ нетерпѣнье
Беретъ ужь и меня.

(*Стукъ*).

(*Въ дверяхъ показывается Аѳанасьевъ запыхавшись.*)

Кикинъ, (*увидѣвъ его.*)

О Господи!

Что запыхался такъ онъ?

Аѳанасьевъ.

Радость! радость!

Кн. Долгорукой.

Какая?

Аѳанасьевъ.

И нежданная.

Кикинъ.

Скажи.

Аѳанасьевъ.

Ахъ, дайте духъ перевести. Нѣтъ мочи.
Везутъ, везутъ Царевича сюда.

Кикинъ.

Неужли?

Кн. Долгорукой.

Что ты!

О. Іаковъ.

Благодать Господня!

Кикинъ

Но какъ случилось?

Аѳанасьевъ.

Какъ по заказу:
Царевичъ разнемогся послѣ пытки...

О. Іаковъ.

Вотъ мученикъ!

Аѳанасьевъ.

Лишь кончилася ставка,
Отвезть его назадъ велѣли въ крѣпость,
Чтобы не умеръ хоть до приговору.
Народу у дверей и подъ окнами
Вотъ видимо-невидимо столпилось.
Мы всѣ, кто познатнѣй, стоимъ въ передней.
Съ Лопухинымъ я и съ Сибирскимъ вмѣстѣ,
Какъ вы вчера велѣли не спускать
Царевича изъ вида. Вдругъ мы слышимъ —
Ведутъ. Я и сказалъ Лопухину
Нечаянно: вотъ если бы съ дороги
Перехватить его.—Теперь темно,
По улицамъ народу ходитъ мало,
А при себѣ имѣть его бы кстати
Теперь.—Царь ужь на пожаръ поѣхалъ.
Глядимъ: идетъ. И что жь! родной племянникъ
Лопухину,—тотъ приставъ, съ кѣмъ пришлось
Его отправить,—нашъ братъ, православный.
Онъ плакалъ, за руку ведя больнаго
Царевича.

Кикинъ.

Прозванье.

Аѳанасьевъ.

Лопухинъ же.

О. Іаковъ.

Коль благъ и милосердъ Господь!

Служитель (*прибѣжавъ*).

На томъ
Пожарѣ, приказалъ сказать вамъ Ѳедоръ
Ильичъ, Царю работы еще много.
Здѣсь поджигаемъ.

Кикинъ.

Хорошо. Ступай,
Вели скорѣе.

(*Служитель уходитъ*) (*къ Аѳанасьеву*).

Ну досказывай.

Аѳанасьевъ.

Вотъ приставу и пошепталъ на ухо
Абрамій Ѳедорычъ, межъ тѣмъ съ другимъ
Заговорилъ старикъ нашъ князь Сибирской.
Племянникъ задней лѣстницею внизъ
Съ царевичемъ. Его тамъ отдалъ въ руки
Перекрестясь пошелъ, а карету
Порожнюю отправилъ въ крѣпость.
Царевича везутъ сюда

Кикинъ, (*вскрикивая*).

Безумцы!

Что вы надѣлали! кто васъ просилъ
Другой-то приставъ, не найдя кареты,
Поскачетъ вслѣдъ за нею,—и что же...
Тревога сей же часъ подняться можетъ.

Аѳанасьевъ.

Солдата я оставилъ, чтобъ въ догонку
Летѣлъ тогда за нимъ, позвать къ царю.
Небойся! Мы не малые ребята.

Кикинъ.

Но...

Аѳанасьевъ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ... Здѣсь-то что?

Кикинъ (*въ величайшемъ нетерпѣніи идетъ къ дверямъ*).

Да скоро ли начнется здѣсь пожаръ?

Кн. В. Долгорукой.

Эхъ, братецъ, потерпи. Какъ можно скоро!
Огонь вѣдь разгарается съ начала
Тихонько. Мы успѣемъ. Слышишь—тамъ
Лишь начался развалъ, а до конца
Не уѣзжаетъ онъ.

Аѳанасьевъ, (*оборотившись къ двери*).

Ну, вотъ они.

(*Входятъ Царевичъ Алексѣй, Князь Сибирской, Лопухинъ и Приставъ*).

Кикинъ, (*бѣжа къ нему на встрѣчу*).

Да здравствуетъ Царь Алексѣй Петровичъ!

Всѣ (*кричатъ за нимъ*).

Да здравствуетъ Царь Алексѣй Петровичъ!

Алексѣй.

Помилуйте, спасите, весь я вашъ,
Не Царь, а рабъ, послушный, благодарный.

Кикинъ (*къ Лопухину тихо*).

Вотъ удружилъ—ты первый сенаторъ
За это.

Лопухинъ (*къ Кикину*).

А чины ужь раздаются?

(*Между тѣмъ другіе, тѣснясь около Царевича, въ полголоса*):

Какъ бѣднаго замучили! какъ блѣденъ!
Душа-то держится чуть-чуть лишь въ тѣлѣ.

О. Іаковъ (*къ Алексѣю*).

Приди, мой сынъ, ко мнѣ. Облобызаю
Тебя я. Наконецъ насъ Богъ сподобилъ
Своимъ благословеньемъ осѣнити,
И претерпѣвый до конца, той спасся.

Алексѣй.

Я исповѣдаться и пріобщиться
Желаю у тебя передъ кончиной.

Кикинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты будешь царствовать надъ нами.

О. Іаковъ.

На многи лѣта!

Всѣ *кричатъ.*

Многи лѣта, многи!

(*Изнеможеннаго Алексѣя сажаютъ въ кресла. О. Іаковъ не оставляетъ его во все продолженіе дѣйствія, и тихо съ нимъ разговариваетъ*).

Кн. Вяземскій (*прибѣгая*).

Огонь вездѣ ужь принялся. Горятъ
Всѣ внутреннія комнаты, и скоро
Наружу пламя выкинетъ.

Кикинъ (*къ Аѳанасьеву*).

Скорѣе,
Скажи, чтобъ торопилися, какъ можно,
Какъ можно.

(*Къ прочимъ.*)

Ну, все дѣло на концѣ,
Въ успѣхѣ нѣтъ сомнѣнья. Слава Богу!
Живѣй, бодрѣй! Теперь распорядимся,
Условимся, чтобы не замѣшаться,

Лопухинъ (*къ Алексѣю*).

Всемилостивѣйшій нашъ Государь!
Вели!

Кн. В. Долгорукой.

Что дѣлать намъ рабамъ твоимъ?

Алексѣй.

Что вы хотите, я на все согласенъ

Кикинъ.

Ну если такъ, то я возму-команду
Надъ арміей за Меньшикова.

О. Іаковъ.

Ну!
Я поскачу въ соборъ сзывать къ присягѣ
Народъ.

Кикинъ.

Вотъ будущій нашъ Патріархъ.

Кн. Вяземскій.

Ахъ, Господи! кого вы позабыли:
Императрицу и меньшаго сына.
Я поскачу за ними.

Кикинъ.

Да смотри же,
Умнѣе, осторожнѣй. Мы даемъ
Важнѣйшее тебѣ препорученье:
Безъ Государыни и безъ младенца
Вся партія смѣшается и стихнетъ,
Какъ полкъ безъ знамени въ сраженьѣ.

О. Іаковъ, (*между тѣмъ какъ къ Кикину приходитъ служитель*).

Послѣ
Отправимъ въ Суздаль мы ее, на мѣсто
Царицы Евдокіи, что въ темницѣ
Страдала столько лѣтъ...

Кн. Вяземской (*тихо къ Нарышкину*).

Да! съ Глѣбовымъ.

О. Іаковъ.

А мученицу мы на тронъ посадимъ.

Кн. Вяземской,

Пусть помѣняются онѣ мѣстами.
Но кто жь надъ флотомъ Адмираломъ будетъ?

Кн. В. Долгорукой.

Оставимъ-те Апраксина. Онъ преданъ
Царевичу. Его же любитъ чернь.
Не всѣхъ начальниковъ смѣнять вѣдь старыхъ.

Кн. Вяземской.

Такъ я въ адмиралтейство первымъ членомъ.

Кн. В. Долгорукой (*къ Сибирскому*).

А васъ, князь Юрій Дмитричь, президентомъ
Въ Сенатъ, а я въ Москву пожалуй
Хоть губернаторомъ поѣду.

Прочіе.

Я...

А я....

Кикинъ, (*отпуская служителя*).

Но погодите, господа!
Никто обиженнымъ не будетъ! послѣ..
Мѣстъ много. Главное теперь устроимъ.

К. Долгорукой.

Однако Царь пусть утвердитъ въ чинахъ

(*Оборачиваются къ Алексѣю*).

Алексѣй.

Всѣ... губернаторы... и генералы...
Сенаторы.

Эварлаковъ, (*прибѣгая.*)

Горитъ! огонь пробился,

И зарево ужь занялось надъ нами.
Народъ сбѣгается.

Кикинъ.

Далеко видно?

Эварлаковъ.

Далеко. Оба зарева сойдутся
Какъ разъ.

Кикинъ.

Друзья! рѣшается судьба.
Друзья! бодрѣй! Не измѣни намъ счастье!
Вина намъ! Выпьемъ-те на укрѣпленье
Руки....

О. Іаковъ.

И сердца.

(*Пьютъ*).

Кикинъ.

Вотъ еще что сдѣлать:
Послать курьера къ Шведамъ.

Лопухинъ.

Кто же канцлеръ?

Кикинъ.

Ну! ты возьмись.

Лопухинъ.

Пожалуй! мы не хуже
Головкина исправимъ.

Кикинъ.

Обѣщай имъ
Поморье все и Петербургъ, съ условьемъ,
Чтобъ поддержали новаго Царя,
Прислали помощь.—Имъ далеко-ль ѣхать!

Кн. В. Долгорукой.

Вотъ штуку славную ты надоумилъ!

Кикинъ

И если Меньшиковъ, иль кто другой,
Отъ нашихъ рукъ спастись успѣетъ, если
Онъ партію составитъ здѣсь какую,
Мы тотчасъ и въ Москву,—она вся наша.
И тамъ опомнимся, сберемся, сладимъ,
И послѣ ужь давай тягаться съ кѣмъ угодно.
А здѣсь кто хочетъ вѣдайся со Шведомъ.

Кн. В. Долгорукой.

А въ прочихъ то губерніяхъ?

Кн Вяземской.

Указы
Пошлемъ. Тамъ все равно на ектеньяхъ
Молиться за Петра иль Алексѣя.
Тутъ главное—столица.

Аѳанасьевъ, (*вбѣгая.*)

Скачетъ! Скачетъ!

(*Всеобщее изумленіе и минутное молчаніе*).

Кн. Львовъ.

Бръ! земля, братъ, подъ ногами задрожала.

Нарышкинъ.

Мурашки расползлись по тѣлу.

О. Іаковъ.

Помолимся передъ великимъ часомъ.

Всѣ крестятся.

Кикинъ, (*превозмогая невольную робость*).

Исполнилось желанье! Богъ помощникъ!
Конецъ! Смѣлѣе! Чья рука не дрогнетъ?

(*Многіе заикаются и отстороняются*).

Ну кто же? Или обробѣли? Что вы?
Смѣлѣй! Иль кинемъ жеребій.

Всѣ.

Ну, кинемъ!
Такъ. Кинемъ жеребій. Всего вѣрнѣе.

Нарышкинъ, (*тихо ко Львову*).

Нѣтъ, нѣтъ! я не могу остаться.... совѣсть
Замучила меня..... прощай..... какъ хочешь.

(*выходитъ непримѣтно*).

(*Между тѣмъ Кикинъ въ молчаніи собираетъ въ шляпу вещи, у кого кольцо, у кого ключъ и пр.*)

Кн. Вяземской, (*вбѣгая*).

Что жь вы? скорѣе, господа! онъ что-то
Подозрѣваетъ, кажется, онъ смотритъ
Въ калитку къ намъ...

Кикинъ.

Сей-часъ.

(*Собравъ вещи*).

Ну, всѣ ли?

Кн. Вяземской.

Всѣ.
Нарышкинъ встрѣлся мнѣ, но надо жь тамъ
Кому-нибудь изъ насъ пока остаться.
Вотъ за него хоть положи кольцо.

(*Кикинъ трясетъ тляпу*).

О Іаковъ.

Святое дѣло жребій! Самъ Господь
Предводитъ вѣрнаго своего раба,
Иже грядетъ творить святую волю.

(*Въ эту минуту въ средней двери показывается Петръ съ деньщикомъ, котораго чрезъ минуту высылаетъ, сказаетъ ему на ухо нѣсколько словъ, а самъ остается въ углубленіи*).

Кикинъ, (*опуская руку въ шляпу, чтобъ вынуть жребій*).

Кому вынется, тому сбудется!

Всѣ *кричатъ*.

Пусть вынетъ Царь! Пусть вынетъ Царь!

(*Кикинъ подходитъ къ Алексѣю, который не за долго предъ тѣмъ уснулъ. О. Іаковъ будитъ его*).

Кикинъ.

Пожалуй,
Вынь жеребій.

Алексѣй (*въ просонкахъ*).

Какой?

(*Вынимаетъ, отдаетъ Кикину, и опять засыпаетъ*).

Кикинъ (*показывая ключъ*).

Чей это ключъ?
Кому честь, слава и святое дѣло?

(*Всѣ подбѣгаютъ и смотрятъ*).

Не мой.
Не мой.
Не мой.

Эварлаковъ.

Мой!

(**Нѣкоторые** *среди общаго крика*).

Видно
Такъ ему и надо. Кровь за кровь!
Его отецъ казненъ царемъ съ стрѣльцами.

Эварлаковъ (*пьетъ*).

Да неужели одного?

(*Крики съ разныхъ сторонъ*).

Нѣтъ, нѣтъ,
Всѣхъ, всѣхъ его друзей, кто попадется.

Эварлаковъ!

Республика, и бей кого захочешь.

Общее движеніе. Сборы и приготовленія.

Другіе, *вмѣстѣ.*

А съ Нѣмцами что дѣлать намъ, друзья?

Метлой всѣхъ Нѣмцевъ выгнать вонъ по шеѣ,
Чтобъ духу ихъ не пахло на святой
Руси.
Мы жить хотимъ одни, на волѣ.

Размечемъ Петербургъ по камню!

Сбросимъ
Змѣиную съ себя, чужую кожу.

Сожжемъ весь флотъ.

И бороды отростимъ.
Мѣста разрядныя опять.. Опять!
Потомъ законъ такой поставимъ, чтобы
Ни Петръ, ни чортъ, ни дьяволъ съ сатаною,
Впредь не могли Россіи шевельнуть...

О. Іаковъ.

Чтобъ во вѣки вѣковъ она осталась
Недвижная на Богомъ данномъ мѣстѣ!
И вѣтромъ на нее чтобъ не пахнуло,
Отъ Нѣмцевъ, Нѣмцевъ и всѣхъ бусурмановъ.

(*Пьютъ*).

(*Подаютъ ножъ Эварлакову съ восклицаніями*).

Смотри, не промахнись, вѣрнѣе, въ сердце!

О. Іаковъ (*креститъ его*).

Благословляю, чадо, тя на велій подвигъ!

Эварлаковъ, (*принимая ножъ и махая имъ въ неистовствѣ*).

Такъ что жь, пора?

(*Бѣжитъ къ двери, всѣ за нимъ..... Петръ, внѣ себя отъ гнѣва, стремительно къ нему на встрѣчу, вырываетъ ножъ и толкаетъ его въ грудь*).

Пора, да не тебѣ,

А мнѣ, разбойники!

(*Всѣ остолбенѣли отъ изумленія, и остаются въ одномъ положеніи. Мгновенное молчаніе. Царевичъ, проснувшись отъ шума, падаетъ въ обморокъ*).

Вотъ я васъ! Что вы

Затѣяли?

Кикинъ, (*топая ногами*).

Тьфу чортъ возми! неужели

Пропало все?

Заговорщики, (*отстороняясь отъ Петра*).

Мы... ничего... мы.. такъ....

Петръ.

Какъ ничего? Какъ такъ? Я слышалъ все.

Нѣкоторые (*падая на колѣни*).

Помилуй... виноваты... виноваты.

Петръ.

Да долго ли мнѣ биться съ вами?

Съ чего
Поднялись вы?

(**Всѣ** *заикаются и молчатъ*).

Кн. В. Долгорукой.

Мы слышали, дворянство
Искоренить ты хочешь.

Кн. Львовъ.

Мужиковъ
Умнѣе сдѣлать, чѣмъ дворянъ.

Лопухинъ.

Раздать имѣнія въ чужія руки,
Солдатскія.

О. Іаковъ.

Перекрестить насъ въ Нѣмцевъ.
Иную еретическую вѣру
Принять.

Лопухинъ

Съ царевичемъ по старинѣ
Надѣялись мы жить прохладно, вольно.

Петръ.

Что врете вы? Вы сами ничего
Не знаете, глупцы.

(*Къ Кикину*).

Ты ихъ умнѣе
Чего хотѣлося тебѣ?

(*Кикинъ молчитъ*).

Чего
Хотѣлося тебѣ?

Кикинъ (*сквозь зубы*).

Умъ любитъ....

Петръ.

Что?

Кикинъ.

Просторъ, а отъ тебя приходитъ тѣсно.

Петръ.

Мѣшаю развѣ я кому работать,
И отличаться?

Кикинъ.

Не мѣшалъ сначала.
Теперь мѣста всѣ заняты. Пробиться
Нельзя. Я родился позднѣй. Хотѣлъ...

Кн. Львовъ.

Онъ обольстилъ насъ всѣхъ въ недобрый часъ.

Кн. Сибирской.

Я говорилъ, какой грѣхъ смертный это,
Удерживалъ. Спроси всѣхъ.

Петръ.

Старый чортъ!
Ты умираешь, а хватаешь зелье.

Кн. Сибирской.

И самъ не знаю, какъ случилось это.
Обманомъ и неволей. Мнѣ не дали
Опомниться.

Всѣ.

Помилуй... виноваты.
Впередъ не будемъ и закажемъ дѣтямъ.

Петръ.

Нѣтъ, нѣтъ. Я долго ужь терпѣлъ. Довольно!

Эварлаковъ (*назади, тихо к. Вяземскому*).

Да что же обробѣли мы? Вѣдь онъ
Одинъ. Впередъ!

Кн. Вяземской.

И въ самомъ дѣлѣ.

(*Къ сосѣдямъ тихо*).

Братцы!

Подвинемся!

(Къ *Петру громко.*)

Прости же насъ!

Всѣ (*громче и подвигаясь*).

Прости..

Петръ, (*замѣтивъ ихъ ободреніе, отступаетъ тихо, безпрестанно поглядывая на дверь*).

Я разсмотрю, кто больше виноватъ,
Кто меньше.

Лопухинъ, (*почти напирая*).

Нѣтъ, прости теперь, дай слово!

Петръ, (*приближаясь болѣе и болѣе къ двери*)

Я не могу теперь, не зная, братцы.....

Эварлаковъ.

Такъ вотъ узнай!

(*Бросается изъ заднихъ рядовъ на Петра, который приблизился почти къ двери, но въ эту минуту она отворяется, и гвардейскій капитанъ ведетъ за собою роту Преображенскихъ солдатъ. Петръ, увидѣвъ его, бьетъ по щекѣ*).

Проклятый, опоздалъ!
Они было меня убили, видишь...

(*Все это происходитъ въ одно мгновеніе. Заговорщики, увидѣвъ солдатъ, отступаютъ съ знаками величайшаго отчаянія. А Петръ идетъ впередъ*).

Петръ.

Ага, разбойники! Вотъ я прощу васъ,
Вотъ дамъ честное слово. Ну, вяжите ихъ!

(*Солдаты вяжутъ имъ всѣмъ руки назадъ. Плачъ и вопль.*
(*Входитъ Кн. Меньшиковъ съ двумя офицерами*).

Кн. Меньшиковъ.

Пожаръ у Троицы потухъ, а здѣшній
Такъ разгорѣлся, что помочь нельзя ужь.

Петръ, (*указывая на заговорщиковъ*).

Ну такъ и быть. За то вотъ гдѣ погасло!
(*Указывая на Алексѣя, лежащаго въ обморокѣ*).
Возьми.. его.. и содержи покрѣпче.
(*Командуетъ такъ, чтобъ солдаты окружили заговорщиковъ*).
Маршъ—въ крѣпость!

Взводъ отправляется.

(*Петръ съ удивленнымъ Меньшиковымъ идетъ назади, потирая себѣ лобъ*).

Милость Божья! Слава Богу!

V.

(*Токарня Петра. Вездѣ инструменты, глобусы, ландкарты. Петръ сидитъ за станкомъ и точитъ паникадило. Подлѣ него штофъ съ водкой. Вставъ*).

Петръ.

Нѣтъ! не могу я. Голова кружится,
Въ глазахъ темно, мѣшаются всѣ мысли.
Татищевъ!

(*Деньщикъ входитъ*).

Депутатовъ еще нѣту?

Деньщикъ.

Рапортовать тебѣ вѣдь завтра утромъ
Положено. Сей-часъ лишь вѣстовыхъ
Я разослалъ ко всѣмъ. Не вдругъ сберутся.
Они живутъ далеко другъ отъ друга.

Петръ.

Ступай.

(*Деньщикъ уходитъ*).

Рѣшился я. Необходимо!
Но лишь подумаю объ исполненьѣ,
Какъ вдругъ топоръ скользнетъ по голой шеѣ....
Отецъ... роднаго сына... страшно!.. сына!
Такъ что-жь? Казнить Россію вмѣсто сына!
Но развѣ узами я не такими
Съ Россіей съединенъ? Такими? Нѣтъ,
Не девять мѣсяцевъ въ своей утробѣ ..

(*Ходитъ по комнатѣ*).

Деньщикъ!

(*Деньщикъ входитъ*).

Сходи къ французскому послу.
Вели ко мнѣ сей-часъ пріѣхать.

Нѣтъ.

Спроси—такого случья не бывало ль
Когда, гдѣ, въ государствахъ европейскихъ,
Чтобъ сына своего казнилъ отецъ,
Чтобъ принужденнымъ былъ его казнить,
За что-нибудь. Ступай, спроси его.

(*Деньщикъ уходитъ*).

Но для чего примѣръ мнѣ?

(*Идетъ къ дверямъ и кличетъ*).

Катинька!

Поди сюда!

(*Екатерина входитъ*).

Петръ.

Утѣшь меня. Ахъ, другъ мой,
Какъ тяжко мнѣ, и грустно и досадно!
Ты заступалася за Алексѣя
Всегда. Скажи, ну можно ли оставить
Его въ живыхъ? Я никогда спокоенъ
Не буду. Онъ злодѣй—коварный, гнусный.
Но вотъ чего понять я не могу:
Ты знаешь—мое сердце не лежало
Къ нему. Увидѣлъ рано я пороки
Его, наклонности, что онъ въ наслѣдство
Отъ матери своей противной получилъ.
Давно желалъ я передать корону
Моимъ послѣднимъ дѣтямъ, нашимъ.—Нынѣ
Онъ заслужилъ поносную кончину,
Сей-часъ надъ головой своей я видѣлъ
Ножъ, наточенный звѣрскими руками

Его,—
А въ сердцѣ у меня заступникъ
Явился неотвязчивый, докучный,
И сильный за него. Безъ содроганья
Я вздумать не могу объ этой казни.

Екатерина.

Но судъ вѣдь на него тобой наряженъ.
Ты чистъ. Пусть судятъ, какъ угодно, судьи.
Такое дѣло имъ принадлежитъ
Гораздо больше, чѣмъ тебѣ—и вѣрно
Сто двадцать человѣкъ отыщутъ правду.

Петръ.

Судъ! Судъ! Но кто въ Европѣ, здѣсь, повѣритъ,
Что судъ сей былъ чистосердеченъ? Скажутъ:
Какъ государь хотѣлъ, такъ и судили
Всѣ судьи; еслибъ не хотѣлъ онъ казни,
Кто смѣлъ произнести бы это слово?

Несчастнѣйшая участь государей!
Послѣднему поденьщику на слово
Повѣрятъ больше всякихъ манифестовъ
Торжественныхъ!—А это подозрѣнье
Мучительно!

(*Ходитъ по комнатѣ*).

Подай ко мнѣ Петрушу!

(*Екатерина уходитъ*).

Посланный Деньщикъ *возвращается.*

Посланникъ мнѣ сказалъ, что не бывало
Такого случая нигдѣ. Лишь только
Филиппъ второй казнилъ роднаго сына,
Въ Испаніи, но этотъ судъ въ Европѣ
Всѣмъ ненавистенъ; брать его въ примѣръ
Тебѣ не должно.

Петръ.

Чортъ просилъ примѣра
У болтуна? Филиппъ за что судилъ?

Деньщикъ.

Донъ Карлосъ въ мачиху свою влюбился.

Петръ.

А—вспомнилъ я. Филиппъ второй. Злодѣй,
Голландцы мнѣ объ немъ наговорили.
Ступай.

(*Деньщикъ уходитъ*).

Хорошъ товарищъ мнѣ! Пріятно
Въ исторіи ему подать мнѣ руку.

(*Ходитъ по комнатѣ*).

Какъ слабы мы со всею нашей силой!
Мы даже истины напечатлѣть
На дѣйствіяхъ своихъ не можемъ. Всякой
Толкуетъ ихъ, какъ прихоти угодно.

Такъ я чего жъ робѣю? Чѣмъ смущаюсь?
Желать ли невозможнаго?—Смѣшно.
Судьба Россіи и дневные толки —
Могу ли въ выборѣ я колебаться?

(*Вдругъ останавливается, нечаянно взглянувъ на ландкарту. Подходитъ къ ней и смотритъ долго. Потомъ начинаетъ говорить, водя по ней рукою*).

Какое удивительное царство!
Чего въ немъ нѣтъ! Въ какомъ все изобильѣ!
Хлѣбъ - соль,—и злато, и ливанъ, и смирна.
А будетъ и вино, и шелкъ, и сахаръ,
Въ Украйнѣ, Азовѣ, Крыму, Кавказѣ,
Что рано ль, поздно ли возьметъ Россія,
Какъ рѣки мелкія въ себя большая
Притягиваетъ ото всѣхъ сторонъ.

А тѣ сокровища, кои таятся
Въ непочатыхъ еще хребтахъ Сибирскихъ!
Въ чемъ мы нуждаемся, и чѣмъ Европу
Снабжать не можемъ отъ своихъ избытковъ?
Мы можемъ доставлять ей всѣ товары
Изъ Индіи, Леванта, Кашемира.
Такъ дешево, удобно, привозить
Ихъ чрезъ Сибирь, иль по степи Киргизской.
Такъ развозить легко намъ по широкой
Невѣ, и Волгѣ, и Днѣпру и Дону,
По шибкому по санному пути.
Пора, возпользуясь своимъ сосѣдствомъ,
У Англичанъ, Французовъ и Голландцевъ,
Пора намъ перенять сію торговлю,
Съ ея движеньемъ, опытомъ, догадкой.
А школа-го какая для матросовъ!

И это все свершить мы можемъ тихо,—
Изъ-за пустынь Сибирскихъ и Каспійскихъ
Песковъ, и чрезъ Кавказскія ущелья.
Пусть зарятся ревнивые сосѣди.
Мѣшать— они не смогутъ, не посмѣютъ.
Хоть и нашелся бъ между ними Карлъ...
Тринадцатый, догадливѣе... прочихъ,—
Съ морозомъ нашимъ, снѣгомъ и пространствомъ,
Намъ даже нѣтъ нужды обороняться.
Пусть все беретъ, и, ослѣпясь успѣхомъ,
Идетъ въ заповѣдную середину:
На каждомъ здѣсь шагу его ждать будетъ
Полтава съ хладной и голодной смертью,—
И послѣ ужь не сунется никто.
А мы лишь захотимъ, по волѣ можемъ
Всегда рядить и управлять Европой.

Славяне, что разсыпались по ней
Вездѣ, родные братья намъ по плоти.

Лишь кликни кличъ, скажи одно имъ слово,
Со всѣхъ сторонъ они намъ отзовутся.
А обѣщай оборонить языкъ,
Что Нѣмцы изъ души ихъ вырываютъ,
Скинь рубль подушной и прибавь простору,—
Они по Рейнъ, Италію—всѣ наши.
Чтожь значатъ противъ этой силы, тмы темъ,
Порожнія всѣ имена и титла?

Сосѣди же у насъ какіе—Польша.
Отецъ побрезгалъ ею за буянство.
И вправду отъ ея болотъ не много
Намъ пользы, а въ войнѣ какой сторонней
Застава все-таки; но я пожалуй
Возьму ихъ вмѣсто курфирстовъ Саксонскихъ,
Когда придетъ имъ въ голову шальную,
Что лучше сыномъ быть капиталиста,
Чѣмъ мелочью особь перебиваться.
Я разведу горячую ихъ кровь,
Вину несчастій всѣхъ, терпѣньемъ Русскимъ,
И пылкіе, и умные Поляки
Насильно будутъ у меня счастливы,
А намъ широкими ихъ воротами
Владѣть полезно бы на всякой случай
Для наступательной войны съ Европой.

О прочихъ же сосѣдяхъ, ближнихъ, дальнихъ,
О Турціи, которая, какъ лошадь
Горячая, въ поту, напившись съ бѣгу,
Въ Европѣ запалилася и чахнетъ,—
Имперіи разнокалиберной, складной,
И говорить труда не стоитъ.

(*Идетъ отъ ландкарты, и видитъ младенца, принесеннаго предъ тѣмъ Екатериною. Продолжаетъ, обращаясь къ нему*).

А внутренній уставъ тебѣ какъ ловко

Изъ опытовъ чужихъ переправлять!
Чуть новое какое заведенье,
Полезное въ сосѣднихъ государствахъ,—
Перенимай и затѣвай постройку
Изъ своего, но не чужаго лѣса,
Приладяся ко времени и къ мѣсту-
Чуть старое, ветшая, вредъ покажетъ,
Опустится, иль потечетъ, промерзнетъ,—
И жалоба и ропотъ зашумитъ
Межъ обитателей тамъ недовольныхъ,
Чини скорѣй свое, ломай заранѣй.
Тогда здѣсь царской милостію будетъ,
Что тамъ въ добычу черни достается.

Не будь и слабъ: упрямства хуже слабость,
И баловать дѣтей, давать потачку,
Когда они, увидя, что забредятъ,
Огня, ножа, иль бѣлены запросятъ,
Голодные глазами, не желудкомъ,
Погибель и себѣ и полоумнымъ!

Отказывать имъ тяжело, согласенъ,—
Благотворя, казаться властолюбцемъ,—

Казаться! Нужды нѣтъ. Кажися чѣмъ случится,
А дѣйствуй какъ повелѣваетъ совѣсть.
Вотъ, вотъ самодержавная царица,
Награда, судія—царей, народовъ,
Людей...
Я самъ толпѣ тупой, быть можетъ,
Тираномъ кровожаднымъ покажуся,
Но оставлять ли мнѣ

(указываетъ на ландкарту).

Россію, эту,
Въ угодность будущаго мнѣнья,
На произволъ судьбы или злодѣя!
Пускай клянетъ меня, кто хочетъ послѣ.

(*Начинаетъ ходить по комнатѣ*).

Екатерина.

О, нѣтъ! Повѣрь, мой другъ, тебя прославитъ
Потомство за такой великой подвигъ.
Въ Европѣ знаютъ всѣ, какъ любишь ты
Отечество, и тотчасъ убѣдятся,
Что ты на казнь такую согласился,
Лишь изъ любви къ нему...

Петръ, (*остановившись и смотря на нее съ горестію*).

Но изъ одной ли?
И этого лишенъ я утѣшенья.
Не знаю самъ.—
Какъ горько мнѣ! до смерти!

Деньщикъ (*входитъ*).

Явились депутаты.

Петръ.

Пусть войдутъ!

(*Деньщикъ отворяетъ дверь. Входятъ к. Меньшиковъ, Долгорукой, Рѣпнинъ, гр. Шереметевъ, Головкинъ, Толстой.*)

Кн. Меньшиковъ.

Судьи по долгу совѣсти и крестной
Присяги, строго разсмотрѣвши дѣло,
Согласно съ мнѣньемъ пастырей церковныхъ,
По кореннымъ законамъ всероссійскимъ,
Единодушно межъ собою положили...

Петръ.

Ну что же?

Кн. Меньшиковъ.

Уголовные проступки
Твоего большаго сына Алексѣя
Петровича достойны смертной казни.

Шереметевъ.

Но такъ какъ замыслы его всѣхъ больше
Относятся къ тебѣ, они не смѣютъ
Вступаться въ высшее такое дѣло,
Не смѣютъ приговора утвердить.
И съ нами униженно представляютъ
На милосердое соизволенье
Твое.

Петръ *съ гнѣвомъ.*

Соизволенье! Милосердье!
Какого вы хотите милосердья?

Вы знаете ль, что я сей-часъ лишь только
Изъ петли голову свою унесъ,
Что ваша жизнь на волоскѣ висѣла?
Злодѣй ужь вынулъ жеребій, кому
Убить меня,—но Богъ мнѣ указалъ
Дорогу въ ихъ вертепъ... и спасъ Россію

(*Депутаты въ величайшемъ изумленіи*).

Кн. Долгорукой.

Благодаримъ Тебя, великій Боже!

Шереметевъ.

Какія неестественныя чувства!

Кн. Рѣпнинъ.

О дьяволъ! какъ людей ты обольщаешь!

Петръ.

Хотители, чтобъ я простилъ злодѣя,
Который предъ послѣднимъ издыханьемъ,
Грозилъ еще всѣмъ намъ такою казнью?

(*Всѣ молчатъ*).

Кн. Меньшиковъ, (*выступая впередъ*).

Нѣтъ! вѣрноподданные мы твои,
Сыны отечества, мы умоляемъ
Тебя, чтобъ для общественнаго блага
Пожертвовалъ родительскимъ ты чувствомъ.
Во мнѣніи суда заключено,
Что мы рѣшительное утвержденье
Тогда тебѣ на волю оставляемъ,
Какъ государственныхъ другихъ причинъ
Не будетъ торопиться исполненьемъ.
Теперь, услышавши о новой бурѣ,
Сбиравшейся надъ нашими главами,
Мы, представители всѣхъ бывшихъ мнѣній,
Между которыми дѣлились судьи,
Мы слезно просимъ общій приговоръ
Оставить въ полной силѣ.—
Я надѣюсь,
Товарищи мои, любя отчизну,
Бывъ преданы не меньше моего
Тебѣ, соединятъ со мной молитвы.

Шереметевъ.

Я съ сокрушеньемъ сердца сознаюся,
Что это преступленіе сверхъ мѣры
Лишаетъ правъ царевича на милость.

Кн. Долгорукой.

Онъ недостоинъ былъ ея и прежде.
Я говорилъ судьямъ и долго спорилъ.
А нынѣ нѣтъ и казни ужъ достойной
Ему.

Кн. Рѣпнинъ.

Быть такъ. Повадился по воду
Кувшинъ ходить, и голову ему
Тамъ положить.—И я на казнь согласенъ.

Кн. Меньщиковъ, (*подступаетъ рѣшительно къ Петру, ходящему по комнатѣ, и говоритъ твердымъ голосомъ*).

Вотъ приговоръ съ послѣднимъ дополненьемъ,
Ты долженъ подписать его сей-часъ.

Петръ (*схватываетъ бумагу, подписываетъ дрожащею рукою, и въ сильномъ волненіи говоритъ Толстому*).

Ступай теперь же ты, и объяви
Ему рѣшеніе... скорѣй, скорѣе...
И привези ко мнѣ сюда... отвѣтъ,
Сюда... къ намъ.

Толстой, (*уходя*).

Слушаю.

Кн. Меньшиковъ (*тихо, его провожая*).

Смотри же!

Толстой, (*дѣлая знакъ головою*).

Понимаю.

Кн. Рѣпнинъ (*тихо Шереметеву, между тѣмъ какъ Петръ въ сильномъ волненіи начинаетъ пить и ходить по комнатѣ*)

Какой отвѣтъ намъ привезти, на что?

Шереметевъ (*также тихо, вздыхая*).

А вотъ сей-часъ узнаемъ, погодите.

Петръ ходитъ скорыми шагами. Изрѣдка вырываются у него глухіе звуки. Въ тѣлѣ примѣтны судорожныя движенія. Всѣ присутствующіе, блѣдные отъ страха, стоятъ въ сторонѣ какъ вкопаные. Молчаніе).

Кн. Меньшиковъ (*тихо къ Екатеринѣ*).

Заговори ты, Христа-ради, съ нимъ;
Онъ внѣ себя.

Екатерина, (*дрожащая*).

Нѣтъ... я боюсь...

Кн. Меньшиковъ (*тихо къ Долгорукому*).

Хоть вы,
Князь Яковъ Ѳедорычъ, заговорите.

Кн. Долгорукой.

Да что заговорить?

(*Къ Петру, чрезъ минуту*).

Кто жь спасъ.. тебя..
Отъ кова... этого?

Петръ, (*не останавливаясь, съ сердцемъ*).

Кто?... Богъ... кому же?

Кн. Долгорукой, (*опять чрезъ минуту*).

А гдѣжь они... тебя... убить... хотѣли?

Петръ, (*нѣсколко тише*).

Гдѣ! на пожарѣ.

Кн. Долгорукой. (*смѣлѣе*).

А что же о вертепѣ
Ты давича промолвилъ намъ?

Петръ.

Въ вертепѣ
Они готовились, распоряжались.

Кн. Меньшиковъ.

И какъ тебя злодѣи не видали?

Кн. Долгорукой.

Запальчивость... собою занялися...
Но кто жь они?

Кн. Меньшиковъ.

Вотъ я составилъ списокъ

Тѣхъ лицъ, которыя въ сношеньяхъ
Съ Царевичемъ издавна находились,
Какъ видно по бумагамъ.—Впрочемъ
Всѣ выписки, при этакой уликѣ,
Ужь, кажется, что болѣе не нужны.

Петръ (*читая*).

Они, всѣ. Кикинъ, Вяземской, Дубровской,
Князь Долгорукой, Лопухинъ...

(*Беретъ перо и пишетъ на бумагѣ*)

Повѣсить...
Колесовать... сослать на покаянье.
Нарышкинъ.. онъ.. не жить въ столицахъ.

Кн. Меньшиковъ, (*заикаясь*).

Вотъ
Еще.. одни судьи.. вошли въ сомнѣнье...
О сынѣ Алексѣевомъ... что дѣлать
Прикажешь съ нимъ?

Петръ, (*подумавъ*).

Воспитывать съ моимъ.

(*Въ дверяхъ показывается Толстой. Петръ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, хватаетъ его машинально за руку, и устремляетъ на него вопрошающій взоръ*).

Толстой.

Царевичъ... кончилъ жизнь.—Я не успѣлъ
Прочесть ему больному приговора...
Какъ на землю онъ мертвой покатился
Апоплексическимъ ударомъ.

Петръ (*съ просвѣтленнымъ лицемъ, выступая на аван-сцену*).

Слава Богу!
Гора свалилась съ сердца.—Я спокоенъ.
Сказать на текстъ Авессаломовъ слово,

Пошлите ноты ко дворамъ союзнымъ,
Судъ напечатайте во всеизвѣстье.

(*къ Толстому*).

Я жалую Андреевскую ленту
Тебѣ, Толстой... за... производство дѣла.
Велите истопить пожарче баню,
Потомъ ко всенощной пойдемъ: вѣдь нынче
Канунъ Полтавскаго сраженья. Послѣ,
Данилычъ, у тебя на вечеръ.

Кн. Долгорукой.

Поздно.
Давно ужь полночь.

Петръ.

Какъ! давно ужь полночь!
Такъ мы теперь къ заутрени пойдемъ,
Благодарить Творца за двѣ побѣды—
Надъ внѣшними и внутреннимъ врагами.

Послѣднюю, залогъ святой спасенья,
Съ мучительной я болью получилъ.
Утѣшимся. Фундаментъ просвѣщенья
На вѣкъ у насъ я ею заложилъ.
Все новое спаслось отъ разрушенья.
Я кровью все, сыновней, искупилъ.

А насъ судить пускай потомки станутъ.
Авось меня добромъ они помянутъ!

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Содержаніе трагедіи заимствовано изъ розыскнаго дѣла и суда надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, напечатаннаго, во время самаго производства, въ 1718 году, и перепечатаннаго въ полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи, также въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829 года, и сокращенно въ Дѣяніяхъ Петра 1, собранныхъ Голиковымъ.

Дѣйствующія лица, мысли, и даже рѣчи ихъ, слова, равно какъ и дѣла взяты большею частію изъ подлинныхъ современныхъ документовъ.

Содержаніе перваго дѣйствія составляетъ заговоръ.

Заговоръ съ цѣлію убить Государя принадлежалъ собственно къ другому времени, но лица, выведенныя здѣсь на сцену, были, по словамъ царевича, главными его совѣтниками: адмиралтеецъ Александръ *Кикинъ*, и учитель Никифоръ *Вяземскій*; кромѣ того сторону его держали: Князь Василій Владиміровичъ *Долгорукій*, *Сибирскій* царевичъ Василій, (Иванъ Кикинъ), Семенъ *Нарышкинъ*, Ѳедоръ *Дубровскій*; о намѣреніи его бѣжать изъ Россіи зналъ камердинеръ Иванъ большой *Афонасьевъ*." См. Устрялова Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI с. 169. Далѣе, по слѣдствію, оказались виновными: духовникъ его, разстриженный священникъ *Яковъ* Игнатьевъ, с. 269, дядя Авраамъ *Лопухинъ*, с. 266, Ѳедоръ *Эварлаковъ*, с. 191, и дьякъ Ѳедоръ *Вороновъ*, с. 193.

Всѣ эти лица выражали постоянно противный Царю образъ мыслей, желали и ожидали его смерти, ненавидѣли всѣ его учрежденія.

Вотъ доказательства изъ ихъ признаній и показаній царевича.

,,Къ томужъ моему непотребному обученію великій помощникъ былъ мнѣ Александръ *Кикинъ*, когда при мнѣ случался, с. 528. см. еще с. 449, 451.

,,О побѣгѣ моемъ съ тѣмъ же Кикинымъ были слова многажды въ разныя времена и годы, с. 449.

Кикинъ обѣщалъ ему и мѣсто сыскать въ чужихъ краяхъ, для чего и ѣздилъ въ Вѣну. 446, 450.

Кикинъ совѣтовалъ отрицаться отъ наслѣдства, с. 155.

,,Письма, которыя отъ тебя Государя получены, по погребеніи жены моей и послѣ, объявлены и чтены Александру Кикину и Никифору Вяземскому, с. 153.

Первое (отвѣтное) письмо дѣлалъ съ совѣту Кикина и Никифора, с. 155.

Сокращенія, употребленныя въ примѣчаніяхъ:

У. Устрялова, Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI.—

МВ. Московскій Вѣстникъ 1829 г. т. V.

Голикова. Дѣянія Петра Великаго, 1788 года, т. VI.

Ш. Штелина Любопытныя и достопамятныя сказанія объ И. Петрѣ, 2 изд. 1787.

Т. Туманскаго. Собраніе разныхъ записокъ, 1787.

Т. томъ. С. страница. ст. строка.

Никифоръ *Вяземскій*, пріѣхавъ съ Москвы въ Торунь, сказывалъ мнѣ, что слышалъ-де я отъ Александра Сергѣева, что Государю больше пяти лѣтъ не жить. А откудова-де онъ вѣдаетъ, не знаю. Еще же онъ же мнѣ въ Питербурхѣ говорилъ: Брату-де твоему больше семи лѣтъ не жить, лишь бы и то прожилъ. А отъ кого онъ вѣдаетъ, не сказалъ. с. 455.

Совѣты Никифора Вяземскаго Царевичу въ показаніи послѣдняго: когда, де иной дороги нѣтъ, то идтить въ монастырь, да пошли, де, по отца духовнаго, и скажи ему, что ты принужденъ идтить въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ; онъ—де можетъ сказать и архіерею Рязанскому о семъ, чтобъ про тебя не думали, что ты за какую вину постриженъ. у Устр. с. 448.

,,Прежде-де сего, какъ былъ у него, царевича, въ Петербургѣ духовникъ его протопопъ *Іаковъ Игнатьевъ*, и онъ-де, царевичь въ то время исповѣдывался, и на той исповѣди сказывалъ ему Іакову: я де желаю отцу своему смерти, и онъ-де мнѣ сказалъ: Богъ-де тебя проститъ, мы-де и всѣ желаемъ ему смерти.

Бывшій духовникъ, разстрига *Яковъ Игнатьевъ*, съ розыску и съ очной ставки, сказалъ: такія слова царевичъ Алексѣй ему, Якову, на исповѣди, что онъ отцу своему желаетъ смерти, сказывалъ по его, Яковлеву, спросу, что онъ его о томъ спрашивалъ: Не желаешь ли-де ты отцу своему смерти? и онъ-де сказалъ ему, что желаю; и онъ-де, Яковъ, ему царевичу, говорилъ: (Богъ тебя проститъ, с. 269) и мы и всѣ желаемъ ему смерти, для того, что въ народѣ тягости много. А кто еще желаетъ смерти, и съ кѣмъ говаривалъ о тягостяхъ, того онъ не упомнитъ; также и о томъ, что царевича въ народѣ любятъ и пьютъ про его здоровье, называя его надеждою Россійскою, онъ, Яковъ, говаривалъ. А слыхалъ-де онъ отъ людей, а отъ кого не упомнитъ же, и говорилъ не въ какую мѣру, но спроста. с. 525.

Царевичъ показалъ послѣ, что то говорилъ Сибирскій царевичь, Дубровскій, Вяземскій, и Іаковъ; что написалъ онъ два письма: къ отцу духовному *Іакову*, да къ *Кикину Ивану*, что по принужденію иду въ монастырь. с. 156.

Князь Василій Владимировичъ *Долгорукій* говорилъ царевичу, давай-де писемъ хоть тысячу, еще-де когда что будетъ; старая-де, пословица: улита ѣдетъ, коли будетъ; это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали. Показаніе царевича, с 447.

О видѣніяхъ, и о курантахъ, и о бъ отцѣ, говаривалъ со словъ *Сибирскаго царевича*. с. 502

О Питербурхѣ говаривалъ, что не долго за нами будетъ, со словъ Сибирскаго царевича. с. 504.

«Еще жь мнѣ онъ сказалъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1716 года: въ апрѣлѣ де мѣсяцѣ въ первомъ числѣ, будетъ перемѣна,—и я сталъ спрашивать, что; и онъ сказалъ: или де отецъ умретъ, или разорится Петербургъ: я-де во снѣ видѣлъ». с. 455.

Семенъ *Нарышкинъ*, встрѣтяся со мною межь Мемля и Королевца, говорилъ: Напрасно-де ты ѣдешь; могъ-де бы ты побыть тамъ и долго, мы-де вѣрные къ тебѣ о томъ думали, и Кикинъ-де тебѣ писалъ. И я ему сказалъ: что писано, о томъ я не могъ догадаться. И онъ молвилъ: ужъ-де быть тому такъ. с. 456.

Генералъ маіоръ *Семенъ* Нарышкинъ, противъ письма царевича сказалъ: предъ отъѣздомъ въ Англію былъ онъ у Александра Кикина, который ему говорилъ: если встрѣтишь государя-царевича на дорогѣ, поклонись ему отъ меня и скажи: напрасно онъ ѣхать сюда спѣшитъ; можно было бы еще тамъ побыть. Я говорю въ его пользу. Встрѣтивъ царевича между Мемелемъ и Кенигсбергомъ, Нарышкинъ пересказалъ ему слова Кикина, понимая-де ихъ въ томъ смыслѣ, что ѣхать въ осеннее время трудно, а лучше бы весною, и быть въ компаніи съ отцомъ с. 194.

Мимо тебя брату отдалъ престолъ отецъ дурно... это-де невѣдомо, что будетъ... во всемъ-де свѣтѣ сего невидимъ.

Еще *Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ* былъ на сторонѣ царевича; онъ говаривалъ: Какъ сюда царевичь пріѣдетъ, вѣдь онъ тамъ не вовсе будетъ, то онъ тогда уберетъ Свѣтлѣйшаго князя съ прочими; чаю, достанется и учителю съ роднею, что онъ его, царевича, продавалъ князю. с. 3, ст. 8.

Нарышкинъ, въ домѣ царевичевѣ говорилъ: Іюда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать. И отъ меня пошелъ къ Эврлакову, и тамъ, чаю, тожъ говорилъ. с. 476., такъ же с. 112.

Царевичь показывалъ: при отъѣздѣ, не упомню въ который день, въ разговорѣхъ съ *Ѳедоромъ Дубровскимъ*, онъ меня спросилъ: ѣдешь ли къ отцу? поѣзжай для Бога. И я молвалъ ему. Я поѣду, Богъ знаетъ, къ нему, или въ другую сторону и онъ молвилъ: многіе-де ваша братья бѣгствомъ спасалися, я-де чаю, тебя сродники не оставятъ, с. 456.

Еще же, просилъ у меня денегъ, пяти сотъ рублевъ: «Я-де матери твоей дамъ». И ему далъ.

10 Марта Дубровскимъ розыскивано; дано 15 ударовъ. Показалъ то же, что въ распросѣ. «Слова: многіе ваши братья спасались бѣгствомъ, однакожъ въ Россіи того не бывало, и никто не запомнитъ, я говорилъ. Царевичъ отвѣчалъ: А то было въ Россіи: великаго князя Димитрія сынъ бѣжалъ въ Польшу и опять пріѣхалъ. Также и о сродникахъ: можетъ быть, что и сродники тебя не покинутъ, то есть сродники не здѣшніе, говорилъ же, с. 194.

24 Іюня Ѳедоръ Дубровскій приведенъ въ застѣнокъ, и на очной ставкѣ съ царевичемъ спрашиванъ, и сказалъ, что онъ, Дубровскій, такія слова ему, царевичу, что-де Рязанскій къ тебѣ добръ и твоей-де стороны, и весь-де онъ твой, говорилъ, слыша о поученіи, что онъ читалъ поученіе, гдѣ и объ немъ, царевичѣ, упоминалъ же, и угождая ему, царевичу, потому что уже онъ свѣдалъ, что у нихъ контра.

И въ томъ имъ розыскивано, въ какую мѣру онъ ему царевичу, говорилъ, что его стороны. А съ розыску сказалъ тѣ жъ рѣчи, что съ прежняго розыску, с. 427.

Еще же, когда разговоръ былъ съ Дубровскимъ, гдѣ объявлено о побѣгѣ онъ въ то число молвилъ: Я чаю-де, отецъ Аврама. (Лопухина), дядю твоего, распытаетъ. И я молвилъ: За что, когда онъ не вѣдаетъ? Когда уже подлинно будете извѣстны, что я отлучился, въ то время можешь и Аврамъ сказать, будетъ хочешь; а нынѣ не сказывай никому. И онъ мнѣ молвилъ: Я-де никогда ни кому не стану сказывать. А сказывалъ, или нѣтъ, того не вѣдаю. с. 456.

О семъ никому не говорилъ, только объявилъ *Ивану большому Афонасьеву*, что я намѣренъ отъѣхать въ Венецію или Швейцарію куда нибудь, с. 450. Признанія Аѳонасьева. с. 469.

Онъ же мнѣ приговорилъ, чтобъ увести дѣвку мою обманомъ, какъ написано въ большомъ письмѣ, и чтобъ ей и людямъ, которые со мною, не сказывать о семъ, что намѣренъ бѣжать. с. 457.

«При отъѣздѣ изъ С.-Питербурха за царевичемъ, объявилъ онъ Аѳонасьевъ дьяку *Ѳедору Воронову*, что царевичъ поѣхалъ не къ отцу, а въ нѣмецкую землю. Вороновъ сказалъ: То-де хорошо, и далъ Аѳонасьеву цыфирь для переписыванія, объявилъ, что если царевичу будетъ угодно, то служить ему готовъ, и съ нимъ переписываться. Онъ же, Вороновъ, говорилъ Аѳонасьеву: сказывалъ ему тайно князь Василій Долгорукій: ѣдетъ сюда дуракъ царевичъ для того, что отецъ ему посулилъ жениться на Афросиньѣ: жолвъ ему, не женитьба будетъ: напрасно сюда ѣдетъ».

Ѳедоръ Вороновъ распрашиванъ 28 февраля, и во всемъ заперся. Имъ розыскивано трижды. 28 февраля дано 25 ударовъ; показалъ, что виноватъ противъ словъ Аѳонасьева. Долгорукій ему говорилъ: «Всѣ-де обманываютъ царевича нарочно: чертъ его несетъ; жольъ ему, не женитьба». 3 марта дано 15 ударовъ; 6 марта 17 ударовъ; оба раза прежнее показаніе.

Ѳедоръ Эварлаковъ, въ собственноручномъ письмѣ, поданномъ князю Меньшикову, показалъ: «Въ сентябрѣ 1717 года Иванъ Аѳонасьевъ сказывалъ ему, что предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга царевичъ объявилъ ему, Ивану, что ѣдетъ съ матрёсою въ нѣмецкіе края, а не въ повелѣнное мѣсто, звалъ его съ собою и послѣ велѣлъ пріѣхать. с. 191.

11 Марта показалъ: Аѳонасьеву, что Толстой подпоилъ царевича и подманулъ, говорилъ; а слышалъ то отъ князя Алексѣя Гагарина, который говорилъ ему со словъ княгини Марьи Львовой, дочери Алексѣя Соковнина. с. 192.

Въ 1715 году, когда конпринцесса была еще жива, царевичъ ему одному сказалъ: «Жаль мнѣ, что такъ не сдѣлалъ, какъ Кикинъ мнѣ приговаривалъ, чтобъ уѣхать во Францію: тамъ бы я покойнѣе здѣшняго жилъ пока Богъ изволитъ».

Эварлаковъ, угождая ему, совѣтовалъ пить лекарства и притворяться больнымъ, когда случались спуски корабельные, чтобы тамъ для тягости ему не быть, и дѣла бы никакого не бралъ, понеже исправить не возможно: коли ты вѣдаешь такой отца твоего обычай. Онъ же Эварлаковъ, отъ грусти и боязни

говорилъ съ Иваномъ Аѳонасьевымъ: «Какъ бы деньги были, поѣхалъ бы къ царевичу: видь здѣсь распытаютъ же васъ; только образа такого нѣтъ, какъ уѣхать. Аѳонасьевъ и деньгами хотѣлъ ссудить; но совершеннаго намѣренія уѣхать не было: жаль было оставить жену, также отца, матерь и брата». с. 193.

Авраамъ Лопухинъ, братъ оставленной царицы, былъ пытанъ больше всѣхъ: 1718 года, 19 ноября сенатъ приговорилъ: за то, что Авраамъ, по злонамѣренію, желалъ смерти его царскому величеству и спрашивалъ бывшаго Ростовскаго епископа Досиѳея: «Будетъ ли сестра его съ сыномъ царевичемъ царствовать» и тотъ отвѣчалъ. «Будетъ» и Авраамъ говорилъ: «Дай господи! хотябъ по смерти государевой она царицею и съ сыномъ была». Онъ же, слыша отъ Ивана Аѳонасьева, что царевичь бѣжалъ, говорилъ «царевичъ учинилъ добро и будетъ ему въ нынѣшнее время безъ всякихъ турбацій; слава Богу, что Богъ его унесъ», а царскому величеству о томъ не доносилъ, также имѣлъ тайную подозрительную корреспонденцію съ сестрою своею, бывшею царицею, и съ царевною Марьею Алексѣевною, разсуждая противно власти монаршеской и дѣламъ его величества, и за другія его вины, которыя всенародно публикованы манифестами, казнить смертію, а движимое и недвижимое имѣніе его все взять на государя. с. 269. еще с. 474, 517. См. еще ниже пр. къ с. 7.

Князь Иванъ Львовъ показалъ: «Въ домѣ Авраама Лопухина былъ онъ, по призыву, пять или шесть разъ, и о царевичѣ разговаривали, когда еще не было слуха объ отъѣздѣ его къ цесарю. Авраамъ говорилъ: «Поѣхалъ царевичъ къ отцу: что отецъ съ нимъ будетъ дѣлать?» Львовъ отвѣчалъ: что съ нимъ дѣлать? Будетъ по прежнему въ полку поручикомъ. Авраамъ: Не постригутъ ли его тамъ?» Львовъ разсмѣялся: «Кому его тамъ постригать? и монастырей тамъ нѣтъ». Авраамъ: Не убили бъ его; безлюдно ѣдетъ. Львовъ:» тамъ не только такой знатной персонѣ, но когда и я ѣзживалъ на почтахъ одинъ, траху никакого не было». Показанныя же на него, Львова, слова онъ дѣйствительно говорилъ, но только похлѣбствуя Лопухину и опасаясь его старой злобы». с. 267.

С. 2, ст. 18. Сего 1718 г., февраля въ 3-й день, оный царевичь, чрезъ помянутыхъ господъ: тайнаго совѣтника Толстаго и капитана Румяндева, привезенъ. Въ Объявленіи, МВ. с. 24.

С. 3, ст. 9. Къ томуже Кикинъ сказывалъ, что-де есть подсмотрщики, съ отцова двора, кто къ тебѣ ѣздитъ, и я спрашивалъ, откуда ты вѣдаешь; и онъ мнѣ сказалъ, что-де мнѣ отъ его же двора сказывали, а кто именемъ, не сказалъ. Въ отвѣтахъ царевича, У. с. 447.

С. 6. ст. 6. Извѣстно, что И. Петръ значился въ числѣ работниковъ, также въ флотѣ подъ именемъ Петра Михайлова, Голиковъ, VI, 176 Устряловъ III, с. 8.

С. 7, ст. 6. Лопухинъ Авраамъ передъ министрами и сенаторами спрашиванъ, и сперва во всемъ съ великими клятвами запирался, а потомъ когда по-

веденъ въ застѣнокъ, принесъ вину и объявилъ; . . . . онъ-де Авраамъ ему (Импер. резиденту) сказалъ, что у насъ-де объ немъ царевичѣ сожалѣютъ, и въ государствѣ не безъ возмущенія будетъ о его царевичевѣ отъѣздѣ.

С. 7, ст. 6 снизу. здѣсь разумѣется постановленіе объ уничтоженіи мѣстничества, которое приписывалъ я тогда вліянію боярина И. М. Языкова, приближеннаго къ царю Ѳедору Алексѣевичу. Впослѣдствіи я увѣрился, что оно принадлежитъ князю В. В. Голицыну.

С. 10. ст. 2. Объ учрежденіи этой слѣдственной комиссіи, назначенной впрочемъ послѣ казни заговорщиковъ, въ тотъ же день, а равно и рѣчь Царскую см. у Голикова, въ Дѣяніяхъ Петра великаго. VI, ст. 244.

С. 10, ст. 4 снизу. См. у Голикова, тамъ же ст. 247, и проч.

С. 11. ст. 22. Табель о рангахъ и прочія постановленія о службѣ.

С. 11 ст. 26. Всѣ-де въ Питербурхѣ жалуются, что-де знатныхъ съ незнатными въ равенствѣ держатъ, всѣхъ равно въ матросы и солдаты пишутъ, а деревни-де отъ строенія городовъ и кораблей разорились. Показаніе царевича, о письмѣ Плейера У. VI. с. 162, также с. 453.

С. 12, ст. 11. Князь Щербатовъ еще въ своемъ разсужденіи о поврежденіи нравовъ жаловался, что вслѣдствіе Петровыхъ учрежденій стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги.

С. 12, ст 6. снизу Князь Щербатовъ жалуется такъже на регулярную службу, въ которую вмѣстѣ съ холопями писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ, простойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялись начальниками господъ своихъ.

С. 16, ст 23. Царевичь сказалъ, что *Иванъ Аѳонасьевъ*, на него, царевича сказалъ о черни, какъ о томъ объявлено въ подлинной выпискѣ, и онъ-де царевичь надѣялся на чернь слыша отъ многихъ, что его, царевича, въ народѣ любятъ, а именно, отъ *Сибирскаго царевича*, и отъ *Дубровскаго*, и отъ *Никифора Вяземскаго* и отъ отца своего духовнаго, протопопа *Іагова* который ему говаривалъ, что-де въ народѣ его любятъ, и пьютъ про его здоровье, говоря и называя его надеждою россійскою. У. 265 МВ. с. 98.

С. 16, ст 1-и 2 снизу. Къ тому жь-де говорилъ онъ Князь Василій Долгорукій, что онъ умнѣе отца своего, и что отецъ его хотя уменъ, только умныхъ людей не знаетъ, а объ немъ-де говорилъ: ты-де умныхъ людей знать будешь лучше. У. с. 199, 266, 518.

Ст. 21, ст 2 Онъ-де царевичь издавна прибиралъ всегда всѣхъ тѣхъ людей слова себѣ, которымъ нынѣшнія новыя дѣла Государя, отца его, были противны, и ихъ хуливали, и къ старинѣ были склонны и жили по старинному обыкновенію, и хотя съ ними во своемъ замыслѣ и согласія не имѣлъ, и отъ нихъ никакого объявленія къ тому склоннаго не слыхалъ, однакожъ онъ къ нимъ по такимъ ихъ словамъ являлся склоненъ, и показывалъ себя, для склоненія ихъ къ себѣ, лицомъ, нарочно будто и онъ къ старинѣ склоненъ; и на такихъ людей потомъ имѣлъ и надежду. Показанія царевича, МВ. с. 100.

С. 21, ст. 12 . Царь прислалъ Меншикову повелѣніе обо всемъ развѣдать и сообщить ему списокъ всѣхъ званій, которыя часто видѣлись съ царевичемъ,

также которыя безъ позволенія уѣхали въМоскву, или безъ призыва сюда прибыли, или по призыву не пріѣхали. Донесеніе Плейера, с. 70. с. 21, ст. 16. Устр. с. 144.

С. 21, ст. 16 . Царь вышелъ съ нимъ (съ царевичемъ по принятіи его, возвратившагося, въ Кремлевскомъ дворцѣ) въ близь-лежащую камору, и тамъ царевичъ открылъ главныхъ сообщниковъ своихъ, за которыми на другой день посланы въ С. Петербургъ курьеры Сафоновъ и Танѣевъ, и въ Суздаль Григорій Скорняковъ-Писаревъ. с. 144.

С. 22, ст. 1 О распоряженіяхъ Петра, какъ искать пропавшаго царевича, с. 58.

С. 23, ст. 22. Показаніе царевича: Что съ Иваномъ Аѳонасьевымъ, то говаривалъ пьяный, чая быть бунту; о тягостяхъ народныхъ, чая, что не стерпя, что нибудь сдѣлаютъ, а къ тому жъ слыхалъ отъ Сибирскаго: какъ-де народъ терпитъ тягости. с. 513.

С. 24, ст. 18. «Здѣсь все готово къ бунту: знатные и незнатные ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о презрѣніи къ нимъ и къ ихъ дѣтямъ, которыя всѣ должны быть матросами, о разореніи ихъ имѣній налогами, и выводомъ людей на крѣпостное строеніе». Донесеніе Плейера, с. 80.

С. 25, ст. 5 снизу. Показаніе царевны Маріи Алексѣевны: у насъ-де, осужали отца твоего что онъ мясо ѣстъ въ посты, то-де нѣтъ ничего. То, де, пуще, что онъ мать твою покинулъ. Устр. с. 246

С. 25. ст. 3 и проч. снизу. «Я де когда случитца безъ батюшки, шепну Архіереомъ и прочая.... (и на котораго Архіерея онъ больше надежды въ томъ имѣлъ..... не сказалъ). а Архіереи священникамъ приходскимъ, а Священники прихожанамъ: тогда де они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ.» Показаніе Аѳонасьева. с. 35, 190, 497.

С. 25 ст. 1 снизу. См. статьи Г. Семевскаго.

С. 26, ст. 6. Ирина Иванова, содержательница кабака „Мартышка" въ бесѣдѣ съ гостями сказала: онъ антихристъ. Да скоро конецъ: Преображенскіе солдаты хотятъ въ строю убить его. Статья Г. Есипова въ Р. В. 1860 г.

С. 26, ст. 10. „Я плюю на всѣхъ, здорова бъ только была чернь". с. 35, 497.

С. 27, ст. 3 и проч. Октября 1, 1687 г., при возвращеніи Петра изъ Троицкаго монастыря, по низверженіи Царевны Софіи Алексѣевны, въ селѣ Алексѣевскомъ, стрѣльцы изъ полковъ принесли топоры и плахи за вины свои, лоскомъ лежали при томъ пути и просили милосердаго прощенія. Матвѣевъ у Тум. 1, 212.

С. 28, ст. 13. Въ сочиненіи Котошихина вотъ какъ описаны пытки: „А устроены для всякихъ воровъ, пытки: сымутъ съ вора рубашку, и руки его назаду завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою,—обшита та веревка войлокомъ,—и подымутъ его къ верху, учинено мѣсто, что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачь вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его отягиваетъ, и у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ, и потомъ сзади палачь начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ, и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременной, плетеной, толстой, на концѣ ввязанъ

ремень толстой шириною на палецъ, а длиною съ 5 локтей. И пытавъ его начнутъ пытати иныхъ потомужъ, и буде съ первыхъ пытокъ не винят я, и ихъ спустя недѣлю времяни пытаютъ въ другорядь и въ третье, и жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огнь, а инымъ разжегши желѣзныя клещи на красно, ломаютъ ребра.“ Ст. 94 и 95.

Александръ Кикинъ былъ пытанъ Февраля 11 на вискѣ, 19 дано ему 25 ударовъ. 11 Марта былъ пытанъ три раза.

Духовникъ Яковъ Игнатьевъ 17 Іюня пытанъ въ Сенатѣ, 19 Іюня дано ему 25 ударовъ, 24 Іюня 9, 5 Августа 15.

Иванъ Аванасьевъ Февраля 11 былъ допрашиванъ. Марта 4 дано ему 25 ударовъ, 5—9 ударовъ, 6—17 ударовъ, 11 былъ пытанъ два раза.

Дьякъ Вороновъ. 28 Февраля дано ему 25 ударовъ, Марта 3—25 ударовъ, Марта 6—16 ударовъ, 11 Марта былъ пытанъ 3 раза, 19 Іюня дано 13 ударовъ.

Ѳедоръ Еварлаковъ. 5 Марта дано 25 ударовъ, 6 Марта 6 ударовъ, 11 Марта былъ пытанъ два раза.

Абрамъ Лопухинъ. Марта 6 дано 19 ударовъ, 11 Марта былъ пытанъ два раза, 17 Іюня былъ пытанъ въ Сенатѣ, 20 Іюня—21 ударъ, Октября 28—25 ударовъ, Ноября 1—23 удара.

Ѳедоръ Дубровскій, 10 Марта дано 15 ударовъ, 19 Іюня былъ пытанъ въ Сенатѣ дано ему 13 ударовъ, 25 Іюня 25 ударовъ.

Сибирскій Царевичъ 11 Марта былъ пытанъ два раза.

Никифоръ Вяземскій былъ поднимаемъ на дыбѣ Марта 16, пытанъ въ Сенатѣ 17 Іюня.

С. 31 ст. 21. Духовникъ Царевича Яковъ Игнатьевъ, родомъ изъ Суздаля, былъ растриженъ по суду, передъ казнію 9 Декабря, 1718 г.

С. 31, ст. 24. Помѣщики, духовенство, народъ, все ему (Царевичу) было предано. Донесеніе Плейера VI, ст. 142

С. 33, ст. 3. См Голиковъ VI, с. 39.

С. 35, ст. 17 и проч. „Можно великаго Государя убить, что ѣздитъ онъ Государь одинъ, на пожарѣ бываетъ мэлолюдствомъ, и около посольскаго двора ѣздитъ одиночествомъ.“ Слова Алексѣя Соковнина. у Тум. V, 46.

Погубилъ онъ Государь насъ всѣхъ, можно-де ево государя убить.... что за моря ихъ посылаетъ. Слова Ѳеодора Пушкина 16. 46.

С. 38, ст. 2 снизу. Къ характеру Кикина, изъ его показанія: „Письмо къ Князю Василію Долгорукому также совѣтовалъ написать и удержалъ его у себя, чтобы оно было Долгорукому на обвиненіе, когда, какъ я чаялъ, царевичь не возвратится. с. 172.

Дѣйствіе 2. Возвращеніе царевича изъ за границы и допросы, по подлиннымъ документамъ.

С. 39. 40. „Она (Екатерина) и Меньшиковъ постоянно возбуждали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти —.. Царица и Меньшиковъ ищутъ или постричь его или погубить.“ Устр. VI, 67.

Гнѣвъ и немилость къ себѣ отца Царевичъ приписывалъ (въ разговорѣ съ Гр. Шенборномъ) жестокой, въ низкихъ чувствованіяхъ воспитанной, съ тѣмъ

вмѣстѣ ненасытно честолюбивой мачихѣ, также Меньшикову, котораго въ особенности винилъ въ дурномъ своемъ воспитаніи....Меньшиковъ всегда удалялъ его отъ отца... Такъ продолжалось до 1709 г. или до женитьбы Царевича.“ с. 72. Замѣтимъ мимоходомъ, что бракъ царевича былъ не въ 1709, а въ 1711 г.

С. 41, 1 снизу. Этотъ анекдотъ описанъ у Голикова.

С. 45, ст. 13. Переписка Петра съ Лейбницомъ о просвѣщеніи Россіи хранится въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

С.48, ст. 3 снизу. А цесарь-де тебя не оставитъ, будетъ-де случай, будетъ по смерти отца, и вооруженною рукою хочетъ тебѣ помогать на престолъ. Слова Графа Шенборна царевичу въ его показаніяхъ, с. 454.

С. 48, ст. 5 снизу. Цесарь велѣлъ ему обѣщать доставить его короны Россійской,не токмо добрыми средствами, но и вооруженною рукою.

С. 49, ст. 15, Впрочемъ Петръ писалъ къ нему прежде самъ: отъ 10 Іюля 1717 г. того ради посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей учинилъ, о чемъ тебѣ господинъ Толстой и Румянцевъ будутъ говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лутчую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. с. 389.

С. 49 ст. 21. Румянцевъ и Толстой отправлены изъ Спаа, 1 Іюня, 1717 г. А потомъ оттуда жъ (изъ Амстердама), отъ гвардіи капитана Румянцева,а послѣдя изъ Спаа тайнаго совѣтника и отъ гвардіи капитана господина Толстаго, и его жь Румянцева,съ которыми къ нему и писалъ своеручно. МВ. с. 21.

Инструкція имъ у Устр. VI, с. 95.

С. 50, ст. 2.... Обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая, пишетъ Петръ къ сыну, 27 октября ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенно оставлю? с. 48

С. 50, ст. 10. Когда бъ по смерти отца моего, которой чаялъ я быть вскорѣ, отъ слышанія, что будто въ тяжку болѣзнь его была епилепсія, и того ради, говорили, что у кого оная въ лѣтахъ случится, тѣ не долго живутъ, и того ради думалъ, что и велико года на два продолжится животъ его.“ Показаніе царевича, с. 253 510. М. В. с. 77.

С. 50, ст. 8 снизу. А когда я намѣрился бѣжать, взялъ ее обманомъ, (дѣвку Евфросинію), сказавъ, чтобъ проводила до Риги, и оттуда взялъ съ собою, и сказалъ ей и людямъ, которые со мною были, что мнѣ велѣно ѣхать тайно въ Ригу. с. 53.

С. 50, ст. 6 снизу И отдавъ (письма) къ Кикину и духовнику, той дѣвкѣ, которая у меня жила (не сказавъ, что въ нихъ писано) запечатавъ, и молвилъ ей: когда я умру (понеже я былъ боленъ), отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ. Показаніе царевича, с. 156.

С. 50, ст. 5 снизу. А такіе письма, какія онъ оставилъ у цесарцовъ, явились въ письмахъ въ царевичевыхъ, взятыхъ у дѣвки Аѳросиньи, черныя, и съ окончаніемъ его руки. Въ Объявленіи см. Моск. Вѣстникъ, с. 62

С. 51, ст. 2—8. Он же-де, когда слыхалъ о какихъ видѣніяхъ, или читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, тогда говаривалъ, что то не даромъ: можетъ быть либо отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ. Показаніе Евфросиніи, с 240, 500, отвѣтъ царевича, с. 502 Моск. Вѣст. V, с. 70.

С. 51, ст 12. Ежели бы бунтовщики въ Мекленбургѣ меня когда бъ-нибудь (хотя бъ и при живомъ тебѣ) позвали, то бъ я поѣхалъ. с. 513.

С. 52 ст 15. Еще жь мнѣ онъ царевичь Сибирскій сказалъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1719 года: въ Апрѣлѣ-де мѣсяцѣ. въ первомъ числѣ, будетъ перемѣна,— и я сталъ спрашивать, что? и онъ сказалъ, или-де отецъ умретъ, или разорится Петербургъ; я-де во снѣ видѣлъ. Показаніе царевича. с. 165, 455.

С. 52, ст. 19. Къ тому жь-де имѣлъ онъ надежду на тѣхъ людей, которые старину любятъ, а познавалъ-де ихъ отъ разговоровъ когда съ ними говаривалъ, и они-де старину хвалили, а о дѣлахъ отцовыхъ съ противностію разговаривали. МВ. с. 100.

Показаніе царевича о его благопріятеляхъ, въ Сенатѣ. У. с. 52, 54, 250.

Въ главной арміи Борисъ Петровичь и прочіе многіе изъ офицеровъ мнѣ друзья, показывалъ при розыскѣ царевичъ, Петръ Алексѣичъ (Голицынъ). также мнѣ другъ и проч. Устр VI, с. 55, также 250.

С. 52, ст. 7. снизу. Тако-жъ хотя бъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмутъ тебя склонить и принудитъ большія бороды, которыя ради тунеядства своего нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зело. Послѣднее напоминаніе Петра царевичу. с. 349.

С. 53, ст. 13 „А потомъ ей же сказывалъ, уже-де бунтъ въ городахъ близко Москвы, и то изъ писемъ прямыхъ, а отъ кого не сказалъ, и радовался тому, и говаривалъ: вотъ-де Богъ дѣлаетъ свое. Показаніе Евфросиніи, с. 499.

С. 53, ст. 7, снизу. Къ тому жъ-де имѣлъ онъ надежду на тѣхъ людей, которые старину любятъ такъ, какъ Тихонъ Никитичъ.“ с. 265

С 54 ст. 2 снизу. „Вѣдь де клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно-де его и снять.“ О клобукѣ такъ выразился Кикинъ. Показаніе царевича, с. 155.

С. 54. ст 5 снизу. На монашество Петръ указываетъ во второмъ письмѣ: или отмѣни свой нравъ.... или будь монахъ. У. VI, 50, 350.

С. 55, ст 23 и проч. Я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ, и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть, лучше будь чужой доброй, нежели свой непотребной Изъ письма Петрова отъ 27 октября с. 49.

С. 56, ст. 5. См. Корба въ Чтеніяхъ О. И. Д. Р. 1866, т. IV с. 108.

С. 56, ст. 8. и проч. „Немогу такого наслѣдника оставить, которой бы растерялъ то, что чрезъ помощь Божію отецъ получилъ, ниспровергъ бы славу и честь народа Россійскаго, для котораго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего.“ Въ Манифестѣ о лишеніи престола царевича, с. 440.

С. 56, ст. 13. „Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ, достигши такъ совершеннаго возраста. Ей николи, что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидитъ дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будетъ.“ Изъ послѣдняго напоминанія. с 51, 350.

С. 57, ст. 13 и проч. Письмо твое Государь милостивѣйшее чрезъ господъ Толстого и Румянцева получилъ, изъ котораго, также изъустнаго мнѣ отъ нихъ милостивое отъ тебя Государя мнѣ всякія милости недостойному, въ семъ моемъ своевольномъ отъѣздѣ, будетъ я возвращуся, прощеніе, о чемъ со слезами благодаря, и припадая къ ногамъ милосердія вашего слезно прошу, о оставленіи мнѣ преступленіи моихъ, всякимъ казнемъ достойному.“ Отвѣтъ царевича, 4 октября, 1717 г. у Устр. с. 120.

С. 57, ст. 24 и проч. „И царское величество объявилъ ему изустно, чтобъ онъ показалъ о побѣгѣ своемъ изъ Россіи истину, и кто въ томъ ему совѣтники, и прочее, что касается до обоихъ. И ежели объявитъ истину безъ всякаго лукавства и обману и утайки, то его въ томъ прощаетъ А ежели не объявитъ, или что, или кого утаитъ, то прощеніе не въ прощеніе.‘ Въ объявленіи, МВ. с. 25. Устр. с. 531.

С. 57, ст. 5 снизу. „Все, что къ тому дѣлу касается, хотя чего здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; ежели же что укроешь, а потомъ явно будетъ, на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ.“ Указаніе на слова Петра, въ приговорѣ министровъ, и проч. с. 153, 446, 531.

С. 58, ст. 5. Ушелъ и отдался, яко измѣнникъ, подъ чужую протекцію, что не слыхано, не точію между нашихъ дѣтей, но ниже между нарочитыхъ подданныхъ. Чѣмъ какую обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству своему учинилъ. Письмо Петрово у Устр. с. 111, 440.

С. 59, 10. Царевичъ разсказалъ (Гр. Шенборну)... что къ войнѣ онъ никогда охоты не имѣлъ. с. 67.

„Паче же всего,“пишетъ Петръ сыну, въ письмѣ отданномъ въ день погребенія его жены 27 октября, „о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хочешь“ с. 47.

С. 59, ст. 19. Также писалъ и къ цесарю съ жалобами на государя многажды Показаніе Евфросиніи с. 238, отвѣтъ царевича, с. 242, и проч.

С. 59, ст. 26. Понеже вижу себя къ сему дѣлу непотребна и неудобна, понеже памяти весьма лишенъ, и всѣми силами умными и тѣльными ослабѣлъ, и непотребенъ сталъ къ толикаго народа управленію, гдѣ требуетъ человѣка нетакого гнилаго, какъ я. Отвѣты царевича отцу, 31 октября 1715. у Устр. с. 339

С. 60, ст. 4. „Кто изъ свѣтскихъ вѣдалъ твое намѣреніе и склонность къ противности, и какія слова бывали отъ тебя и отъ нихъ къ тебѣ?“

„Будучи въ побѣгѣ, ни отъ кого изъ Россіи, ни откуды писемъ или словеснаго приказу, прямо или постороннимъ образомъ, или чрезъ иныя руки, о здѣшнихъ дѣлахъ, и ни очемъ не имѣлъ, кромѣ, что отъ Графа Шенборна.“ Показаніе царевича, с. 453.

С. 60, ст. 9. Преосвященнымъ Митрополитамъ, и Архіепископамъ, и Епископамъ и протчимъ духовнымъ. Понеже вы нынѣ уже довольно слышали, о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и Государя своего, и проч. Объявленіе 13 Іюня 1718 Устр. с. 515

С. 60, ст. 13 Богъ далъ мнѣ случай отлучиться, подъ охраненіе нѣкоторой высокой особы, с. 163.

С. 60. ст. 19. Показаніе царевича. „Писма писать, въ Сенатъ и къ Архиереямъ, принуждалъ меня секретарь графа Шенборна, Кейль, когда меня привезъ въ Неаполь с. 163, 453.,.

Когда Кейль хотѣлъ уже откланяться, царевичъ изъявилъ желаніе послать въ Москву къ своимъ добрымъ друзьямъ письма, что бы они знали по крайнемѣрѣ, что онъ живъ и здоровъ, и просилъ Кейля взять ихъ съ собою для доставленія вицеканцлеру, который перешлетъ ихъ въ Москву къ цесарскому резиденту Плейеру, или другой вѣрной особѣ. Письма сіи, числомъ три, назначены были, какъ въ послѣдствіи объяснилъ царевичъ, къ епископамъ, Ростовскому и Крутицкому, и къ сенаторамъ въ С.-Петербургѣ. Уст. с. 19, Признаніе с. 200, 594.

С. 61, ст. 12. Того, что царевна Марья Алексѣевна о побѣгѣ его вѣдала, не объявилъ же.

Утайки исчислены въ объявленіи народу. с. 260.

С. 61 ст 14. „А для чего ты не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ.. ибо когда не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить.“ Изъ 2 письма отъ 19 Янв. 1716 г. с. 50, 149.

С. 61 ст. 19. А что онъ, въ отвѣтныхъ своихъ письмахъ, обманывая отца писалъ будто онъ не желаетъ наслѣдства, яко бы для своей слабости, и та его явная ложь обличилась, с. 49, 260. О Р. Д. въ МВ. с. 87 и проч.

С. 61, ст. 22. Отреченіе Царевича въ этихъ словахъ находится въ отвѣтѣ на письмо, отданное ему отцемъ въ день погребенія жены: Буде изволишь за мою непотребность меня наслѣдія лишить короны Россійской, будь по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, государя, всенижайше прошу, понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и проч. с. 49, 144.

С. 61, ст. 6 снизу.... „А нынѣ, слава Богу и братъ у меня есть, которому дай Боже здравія, с. 50.

С. 62, ст. 5. Екатерина показывала Царевичу доброе расположеніе, см. письма его къ ней, у Устр. VI, с. 26; разговоръ съ Цар. Маріей Алексѣевной, с. 57.

Дѣйствіе третье. Судъ основанъ большею частію на подлинныхъ документахъ только нѣкоторыя черты заимствованы изъ другаго времени.

С. 67, ст. 1. См. У. с. 54, 55.

С. 67 ст. 16. О пріязни Ѳедора Матвѣевича Апраксина къ Царевичу, с. 446.

С. 70, ст. 12. См. примѣчаніе къ с. 94 ст. 5 и проч.

С. 71, ст. 18. Царевичь сердитуя на Анисью Толстую и князя Меньшикова, на своячину его Варвару Арсеньеву, говорилъ, обѣщая ихъ на колъ посадить, также и на Олсуфьевыхъ сердитуетъ же.

Онъ-де сердитуя на канцлера графа Головкина и Трубецкаго князя, говаривалъ, что онъ женился на кронъ-принцессѣ, будь-то отъ нихъ навязали-де ему насильно чертовку, развѣ-де умру, то-де или не заплачу, а сына де ево Александра Головкина головѣ быть на колѣ. Показаніе Аѳонасьева и Воронова, с. 35, 475, 497.

С. 72, ст. 9. „Хотя и довольно власти надъ онымъ по Божественнымъ и Гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ, (которыя судъ между отца и дѣтей, и у партикулярныхъ людей, весьма отмещутъ) учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣту другихъ, но однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить, ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожь и врачи, хотябъ и всѣхъ искуснѣе, который былъ, то не отважитъ свою болезнь самъ лечить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося леченія оной, боясь вѣчныя смерти.“ Объявленіе о судѣ царевича 13 Іюня, 1718 г. Устр с. 515. также с. 440.

С. 72, ст. 19. Того ради изъ Копенгагена послалъ (Государь) куріера Сафонова къ нему съ письмомъ, писаннымъ собственною Его Величества рукою, августа въ 26 день, 1716 году. Моск. Вѣст. с. 20.

С. 72, ст. 20. Но ничего то не успѣвало, чего день отъ дни еще ожидалъ, но потомъ видя его весьма себѣ въ томъ противна, письмомъ оному объявилъ, и послѣднія резолюціи отъ него требовалъ какъ слѣдуетъ.

С. 72, ст. 22. Того ради такъ остатца, какъ желаешь быть, невозможно, но или отмѣни свой нравъ, и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ, ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо что нынѣ мало здоровъ сталъ. с. 350, также с. 147.

С. 72, ст. 23. И буде первое возмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. с. 53, 35. М. В., с. 21.

С. 72, ст. 24. „Я не къ батюшкѣ поѣду: поѣду къ цесарю, или въ Римъ,“ царевичъ открылся Аѳанасьеву с. 54.

Поѣхалъ изъ Санктъ-питербурха объявя о себѣ, якобы къ отцу, и съ дороги ушелъ, и писалъ съ пути обманное письмо, будто изъ Королевца. Показаніе царевича, Устр. VI, с. 159. Моск. Вѣстн., с. 31.

Его Величество, видя его обманъ, паки изъ Копенгагена къ нему, царевичу, письмомъ подтвердилъ, чтобъ онъ къ наслѣдству себя исправлялъ, и ѣхалъ въ Копенгагенъ для обученія при немъ воинскихъ дѣйствъ. с. 351.

С. 72, ст. 26. „И ежели бы до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны россійской, то бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а именно, ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ россійскихъ, въ помощь себѣ противъ какого бъ нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его, и генераламъ далъ бы великіе подарки.“ с. 276, 529.

С. 72, ст. 3 снизу Но паче ненавидишь дѣлъ моихъ..... и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будетъ. Изъ послѣдняго напоминанія Петрова, с. 51, 350.

С. 73, ст. 4 снизу. По указу Царскаго Величества, Тайный Совѣтникъ Петръ Андрѣевичъ Толстой объявилъ Министрамъ и Сенату, и Стану воинскому и гражданскому, что Его Царское Величество, когда изволилъ вручить судъ на своево сына Царевича Алексѣя Петровича всѣмъ вышеписаннымъ чинамъ, и желаетъ, чтобъ тотъ судъ былъ съ подлиннымъ испытаніемъ, того

ради соизволяетъ его Величество, ежели предъпомянутые чины зеблагоразсудятъ, о какомъ либо дѣлѣ, царевича Алексѣя Петровича спрашивать, тобъ ево призывали и спрашивали о чемъ надлежитъ. О. Р. Д. въ МВ, с. 94.

С. 73, ст. 3. „А буде того не учинишь, то я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю.“ такъ писалъ Петръ еще въ первомъ письмѣ къ сыну. Тамъ же, с. 51.

С. 75, ст. 1 и проч. Этотъ анекдотъ случился въ другое время. Описанъ у Голикова.

С. 76, ст. 1 и проч. Онъ же говаривалъ: я-де старыхъ всѣхъ переведу, а изберу-де себѣ новыхъ по своей волѣ. Показаніе любовницы его Евфросиніи, у Устр. VI, с. 500.

С. 77, ст. 13. Такія мысли о воспитаніи имѣлъ самъ Петръ. Передавая сына Гюйсену въ присутствіи министровъ, онъ сказалъ между прочимъ: „не могъ я ни себѣ, ни моему государству сдѣлать ничего лучшаго, какъ воспитать моего пріемника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; ввѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будетъ служить ему руководствомъ.„ Устр. IV, с. 305 въ приложеніяхъ.

С. 78, ст. 11, 12. Въ письмѣ Петра къ сыну, отданномъ въ день погребенія его. Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не толико ограбили *толь нужными* отеческими *пристаньми*, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ, и со всѣмъ свѣтомъ комуникацью пресѣкли. Устр. VI, с. 46, 346.

С. 78, ст. 19 и проч. О коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискуства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестью и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышереченнаго Руководца помощію дошли. С. 46, 346.

С. 79, ст. 4. Въ гербѣ шведскомъ находится левъ.

С. 79, ст. 12. Баронъ Гюйсенъ, человѣкъ университетскаго образованія принятъ въ службу царемъ въ началѣ 1703 года, с. 13, по представленію Паткуля. Наказъ о воспитаніи царевича, одобренный Царемъ, представленъ въ Мартѣ 1703 года. Наказъ и записка его о царевичѣ у Устр. VI, 14, 298, 304.

С. 79, ст. 14. Инструкція написана собственно Гюйсеномъ на десяти листахъ: Петръ разсматривалъ ее и одобрилъ. Устр. VI, 15, 298.

С. 79, ст. 17. Гюйсенъ въ 1705 г. былъ отправленъ Царемъ въ Германію съ политическими порученіями, и воротился только въ 1708 г. Устр. IV, с. 17.

С. 79, ст. 21. Князь Меньшиковъ опредѣленъ гофмейстеромъ къ Царевичу, по указанію Гюйсена, который пожелалъ самъ быть подъ его начальствомъ. с 305

А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради приказалъ на мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меньшикову, и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучатца добру. Устр. VI, 258.

С. 79, ст. 2 снизу. Порученія Петровы царевичу, въ 1707 и 1708 г., см. 18.

С. 79, ст. 3 снизу. Письмо Петра къ царевичу о путешествіи, въ 1709 г., съ наставленіями, какъ учиться. См. у Устр. VI, с. 20.

С. 79, ст. 4 снизу. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ отецъ поручилъ управленіе государствомъ, и все шло хорошо Уст. р. VI, 67.

С. 79, ст. 5 снизу. Въ прошедшихъ лѣтахъ, съ самаго возраста царевича Алексѣя, всякими образы Его Величество Государь, (слова царевича Графу Шенборну), отецъ его приводилъ къ дѣламъ правленія и воинскимъ, с. 18, 34. См. также слова Петровы изъ манифеста 3 Февраля, 1718 г.

С. 80, ст. 1. А когда отъ него, (отъ К. Меньшикова), былъ отлученъ, тогда вышеупомянутыя, Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить, и конверсацію имѣть съ попами, и черницами, и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, а въ томъ мнѣ не токмо претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали. С. 528.

Объ обществѣ Царевича у Плейера: Кронприцъ мало привезъ изъ Германіи нѣмецкаго чувства и нрава: большую часть проводитъ съ Московскими попами и дурными людьми; сверхъ того предается пьянству. См Устр. IV, 34.

С. 80, 4 и проч. Когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ Государственное правленіе въ отсутствіе отца моего, тогда я получа свою волю, хотя я и зналъ, что мнѣ отецъ мой то правленіе вручилъ, приводя меня по себѣ къ наслѣдству, и въ большія забавы съ попами, и съ чернцами, и съ другими людьми впалъ. С. 528.

С. 80, ст. 6. Бракосочетаніе совершено 1711 г. Октября 14, въ у. Торгау.

С. 80, ст. 9. Письма принцессы Шарлотты съ жалобами о своемъ положеніи. Устр. VI, с. 39.

С 80 ст. 10. Принцесса Шарлотта скончалась 22 Окт. 1715 г. Устр. с. 44

С. 80, ст. 11. Евфросинья Ѳедорова, крѣпостная дѣвка учителя Алексѣева, Вяземскаго, была любовницею его, при жизни жены, въ 1714 г., что сдѣлалось ей извѣстнымъ къ ея огорченію. Устр. VI, с. 40.

С. 80, ст. 12. Въ подлинникѣ, письмо Петра къ сыну помѣщено у Устр. VI, с. 46, 346. МВ. 1829 г. т. V, с, 10.

Въ прошломъ 1715 году, Октября въ 11 день, Царское Величество, возвратясь отъ погребенія бывшей кронъ-принцессы, супруги его царевичевой, въ домъ его, отдалъ ему нижеписанное письмо, МВ. с. 10

С. 80, ст. 13. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ. и что я сіе только въ устрастку пишу, во истинну, Богу изволившу, исполню. Изъ письма Петрова 27 Октября, с. 49.

С. 80, ст. 15 „И потому видимо, что онъ не только намѣренъ былъ принесть въ томъ чистое покаяніе и обратитися, но знатно, для такихъ же впредь дѣлъ и намѣреній вышеписанное укрывалъ.“ Въ объявленіи народу, с. 261.

С. 80, ст. 16. Кикинъ совѣтовалъ Царевичу бѣжать еще при жизни жены. с. 52

Поѣхалъ изъ Санктъ-Питербурха объявя о себѣ, яко бы къ отцу, и съ дороги ушелъ, и писалъ съ пути обманно письмо, будто изъ Кролевца с 451.

С. 80, ст. 27. Ибо сколь много за сіе бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ; къ тому жь, сколько лѣтъ, почитай, не говорю съ тобою; но ни что сіе не успѣло, ни что пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ни чего

дѣлать не хочешь, только бъ дома жить, и имъ веселитца. Изъ письма Петрова, отъ 27 Окт. с 48 См. выше.

С. 82, ст. 16. Министры, сенаторы, военные и гражданскіе чины признали необходимымъ сперва спросить самаго царевича, и 17 Іюня велѣно изъ крѣпости привезти его въ Сенатъ Устр. с. 264, 517.

С. 82, ст. 8 и проч. снизу. „И потому призванъ былъ царевичъ Алексѣй, въ собраніе всѣхъ опредѣленныхъ отъ Его Царскаго Величества судей въ палату Сенаторскаго Правленія, и по объявленіи ему даннаго имъ отъ Его Величества указу, говорено ему, что хотя они сожалѣютъ, о такихъ ево поступкахъ, однакожь принуждены, не смотря на его лице, яко сына своего всемилостивѣйшаго Государя, по указу его о вышеписанномъ всемъ спрашивать; и предлагали ему всѣ вышеписанные пункты, требуя отъ него, на то подлиннаго объявленія со многими выводы.“ О. Р. Д. въ Моск. Вѣстникѣ, с. 97,

С. 82, ст. 4 снизу. Того ради онъ не токмо ожидалъ отцовской смерти, и радовался тому, но и проискивалъ и когда о бунтахъ, такъ же радовался жь и къ бунтовщикамъ ежелибъ его позвали, не токмо по смерти отцовской, но и при животѣ его ѣхать хотѣлъ.“ с. 157. О. Р. Д. въ МВ. с. 87.

Въ тяжкую мою болѣзнь въ Петербургѣ, не былоль какихъ словъ для забѣжанія къ тебѣ, ежелибъ я скончался? Вопросные пункты Царевичу, с. 445.

С. 83, ст 2 и 3. „Онъ же говаривалъ: я-де старыхъ всѣхъ переведу, изберу-де себѣ новыхъ по своей волѣ.“ Показаніе любовницы его Евфросиніи у Устр VI, с. 500. см. ниже примѣчаніе къ 89 с.

С. 84, ст. 6 „И припадая къ ногамъ, милосердія вашего слезно прошу, о оставленіи мнѣ преступленій моихъ, всякимъ казнемъ достойному.“ Письмо царевича изъ Неаполя, отъ 4 окт. 1717 г. с. 411.

С. 86, ст. 21. „Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не елатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся.“

„Такожъ не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко Государя вашего, сына, но не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.“ Въ объявленіи министрамъ, сенату и проч. с. 516.

„Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу и прочаго тому подобнаго: а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешь живота.“ Вопросные пункты царевичу, с. 152, 445.

С. 88, ст. 4-1 снизу. Да еще прибавилъ (Князь Василій Долгорукій), давай де писемъ хоть тысячу, еще де когда что будетъ, старая де пословица: улита ѣдетъ, когда то будетъ; это, де, не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали.“ Показаніе царевича, с. 154.

С. 89, ст. 5. Петръ былъ боленъ сильно коликою, въ Октябрѣ 1715 г. Устр. VI, 44. Въ Ноябрѣ также отчаянная болѣзнь, VI, с. 50. Слова Петровы о своемъ здоровьѣ, с. 51.

С. 89, ст. 13. Стрѣльчихи во время розыска 1689 г. говорили о царевичѣ, будто онъ говорилъ царевнѣ Татьянѣ Михаиловнѣ, которая ему жаловалась на боярина Стрѣшнева: дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ приберу. Устр. III, 243,

С. 90, ст. 6 снизу. Петръ, сынъ Алексѣевъ, родился 12 Октября 1715 г. с. 40.

С. 91 ст. 7, ст. 13. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря неотягченную совѣсть въ себѣ имѣли.“ Въ объявленіи митрополитомъ и проч. ст. 516.

С. 92, ст. 11. Духовенство, съ Стефаномъ Яворскимъ во главѣ, примѣтно желало помилованія: „если же благоизволитъ помиловать (Царь), имѣетъ образъ самаго Христа, Который принялъ кающагося блуднаго сына и отпустилъ жену, по закону побіенія достойную.“ Устр. ст. 264,

С. 94, ст. 5 и проч. Хотя сей приговоръ мы, яко раби и подданіи, съ сокрушеніемъ сердца, и слезъ изліяніемъ, изрѣкаемъ, въ разсужденіи, что намъ какъ выше объявлено, яко самодержавной власти подданнымъ, въ такой высокой судъ входить, а особливо, на сына самодержавнаго всемилостивѣйшаго Царя и Государя своего, оной изрѣкать, не достойно было... подвергая впрочемъ сей нашъ приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе Е. Ц. В. всемилостивѣйшаго нашего Монарха. с. 533

С 94, ст. 16. Извѣстная пословица Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго.

С. 96, ст. 6 снизу. Говорятъ нѣкоторые, что будто пристрастіе судей.... доказалъ Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, тѣмъ что не подписалъ о смерти царевичевой общаго приговора. Такое было преданіе по свидѣтельству Голикова, VI. с. 155.

Впрочемъ при подписаніи Шереметева не было въ Петербургѣ

С. 100, ст. 14. Непріязненныя отношенія Меньшикова съ Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, Устр. VI, 54. Долгорукій показывалъ расположеніе къ Царевичу, какъ видно изъ показанія Кикина, VI, с. 171, и самаго царевича, VI, с. 461, 54.

С. 101, ст. 3 снизу. Новорожденный Петръ, сынъ Петра и Екатерины, скончался вскорѣ младенцемъ. Самъ Петръ скончался въ 1725, Екатерина въ 1727 году, и вступившему послѣ нея на престолъ этому младенцу, сыну Алексѣеву Петру, который тогда имѣлъ 14 лѣтъ, случилось именно низвергнуть Меньшикова съ высоты его величія, и сослать на заточеніе въ Сибирскій городъ Березовъ, съ семействомъ. Меньшиковъ скончался тамъ въ 1728 году.

Содержаніе 4 дѣйствія—покушеніе на жизнь Государя—представлено по свѣдѣніямъ, сохраненнымъ у Штелина и Голикова, съ тою разницею, что оно случилось гораздо прежде суда надъ Царевичемъ Алексѣемъ, и принадлежало другимъ лицамъ, а Царевичъ Алексѣй во время суда содержался подъ крѣпкою стражею. Это дѣйствіе отстоитъ далѣе прочихъ отъ Исторіи, хотя и заключаетъ намѣренія, мысли, слова сообщниковъ Алексѣя и его самого, засвидѣтельствованныя историческими документами. Здѣсь представлено въ дѣйствіи, что было въ мысляхъ и намѣреніяхъ друзей Алексѣевыхъ.

С. 102, ст. и проч. См. ниже замѣчаніе къ с. 114.

С 104, ст. 5 и слѣд „Чтобъ легче добраться до своего Государя, вознамѣрились они по срединѣ Москвы зажечь два дома рядомъ, и быть при томъ самимъ имъ будто бы для потушенія пожара. Поелику же Царь при всякомъ пожарѣ всегда первой бывалъ изъ тѣхъ, кои приходили для тушенія онаго, то зломышленники будучи уже тамъ, притворились, что они стараются потушить пожаръ, и подъ тѣмъ видомъ хотѣли мало по малу окружить Царя, и въ тѣснотѣ непримѣтно его заколоть.“ Штелинъ, по расказу Князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, бывшаго тогда капитаномъ въ Преображенскомъ полку, который командированъ былъ для совершенія надъ заговорщиками казни. Анекдоты собранные Як. Штелинымъ, 1787 г. изд. 2, с. 23.

С. 105, ст. 3 снизу. Въ статьѣ, хранящейся въ секретномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: Пыточныя рѣчи 19 и 24 Іюня, сказано, что Царевичу дано 25 ударовъ. На второмъ розыскѣ „сказалъ тожъ, что и выше сего, а болѣе ничего не знаетъ, и никого не таитъ и не клеплетъ“. Дано ему 15 ударовъ, Устр. 525 и 526.

Въ записной книгѣ С.-Петербургской Канцеляріи:

„Въ 14 день (Іюня). Привезенъ въ гварнизонъ подъ караулъ Царевичъ Алексѣй Петровичъ и посаженъ въ раскатъ Трубецкой въ палату, въ которомъ былъ учиненъ застѣнокъ.“

„Въ 19 день. Его Царское Величество и прочіе господа сенаторы и министры прибыли въ гварнизонъ по полуночи въ 12 часу въ началѣ, а именно: свѣтлѣйшій князь, адмиралъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ, генералъ Бутурлинъ, Толстой, Шафировъ и прочіе, и учиненъ былъ застѣнокъ и того-жъ числа по полудни въ 1 часу разъѣхались.“

„Того жъ числа по полудни въ 6 часу въ исходѣ паки Его Величество прибылъ въ гварнизонъ, при немъ генералъ Бутурлинъ, Толстой и прочіе; и былъ учиненъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до половины 9 часа, разъѣхались.“

„Въ 20 день. Паки господа сенаторы и министры собрались въ гварнизонъ по полуночи въ 8 часу, а именно: свѣтлѣйшій князь, адмиралъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ, Гаврила Ивановичъ, генералъ Бутурлинъ, князь Дмитрій Михайловичъ, Петръ Толстой, Петръ Шафировъ, Иванъ Алексѣевичъ, и прочіе. Въ 11 часу учиненъ былъ застѣнокъ и потомъ разъѣхались. Его Величество быть не изволилъ.“

Въ 24 день. Его Величество изволилъ прибыть въ гварнизонъ по полуночи въ 10 часу, при немъ генералъ Бутурлинъ, Петръ Толстой и прочіе, и былъ учиненъ застѣнокъ; и въ 12 часу по полуночи разъѣхались.“

„Тогожъ числа по полудни въ 6 часу паки его величество изволилъ прибыть въ гварнизонъ, при немъ былижъ свѣтлѣйшій князь, Гаврило Ивановичъ, Петръ Толстой, Петръ Шафировъ, и былъ застѣнокъ, и потомъ по полудни въ 10 часу разъѣхались.“

С. 109, ст. 5. Слова Лопухина, Устр. с. 268.

С. 110, ст. 1 снизу. Суздальскій розыскъ, с. 208. Письма Евдокіи Ѳедоровны, с. 327.

С. 110, ст. 5 снизу.. ,И будто есть замѣшаніе въ арміи, которая обрѣтается въ Мекленбургской землѣ, а именно въ гвардіи, гдѣ большая часть шляхты, чтобъ государя убить, а царицу съ сыномъ сослать, гдѣ нынѣ старая царица, а ее взять въ Москвѣ, а сына ея, который пропалъ безъ вѣсти, сыскавъ, посадить на престолъ,“ и прочее. Показаніе царевича, с. 453, Донесеніе Плейера, с. 80.

С. 111, ст. 4 снизу. Когда Богъ изволитъ, что буду я монархомъ, тогда васъ честью удовольствую. Это говорилъ часто царевичь Кикину по возвращеніи изъ Карлсбада въ году. Показаніе Кикина у Устр VI, с. 171.

С 112, ст. 4. снизу. Такъ думалъ нѣкогда и самъ Царевичъ, МВ. ст. 67.

С. 114, ст. 8. ,,Между тѣмъ какъ прочіе продолжали пить для ободренія себя къ сему проклятому злодѣйству, одинъ изъ стрѣльцовъ, коего питье не меньше какъ и совѣсть удручало, часу въ восьмомъ вышелъ на дворъ, другой такое же смущеніе чувствовавшій, пошелъ за нимъ въ слѣдъ. Увидѣвъ себя однихъ на дворѣ одинъ сказалъ другому: чемъ то братъ ето кончится, неизвѣстно; а что намъ худо будетъ, то вѣрно. Какъ бы намъ такъ сдѣлать, чтобъ съ честью отъ сего отстать? И я братъ, говорилъ другой, одного съ тобою мнѣнія; нѣтъ никакого инаго средства, какъ итти въ Преображенское и открыть ето царю.“ Анекдоты, собранные Як. Штелинымъ, 1787, изд. 2, с. 23 и 24

С. 115, ст 1. Царь (получивъ доносъ) сѣвъ тотчасъ, написалъ записку къ капитану Лопухину, (а по объявленію другихъ къ Ляпунову), въ которой онъ ему приказалъ всю его роту потихоньку собрать, и около одинадцати часовъ предъ полуночью такъ подойти къ дому Суковнина, чтобы оной точно въ одинадцать часовъ окружить, и захватить всѣхъ, кои тамъ найдутся. Капитанъ точно исполнилъ Царское повелѣніе. Поелику Царю показалось, что онъ въ своей запискѣ назначилъ ему быть въ десятомъ часу, то и сдѣлалъ онъ такой расчетъ, что пришедъ туда въ половинѣ одинадцатаго часа застанетъ, что уже все въ Суковниномъ домѣ будетъ сдѣлано.“ Такъ же, ст. 26 и 27.

С. 116, ст. 10. Стрѣльчихи говорили во время розысковъ (1698), что царевичъ не любитъ нѣмцевъ, и что царь сказалъ одному нѣмцу, который жаловался на него: для чего,-де, ты къ нему ходишь? покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы У. 111, с. 293.

С. 116. ст. 15 Царевичъ говорилъ: помяните меня, что Петербургъ не долго за нами будетъ. Также: что Петербургъ провалится, и что оставитъ его сдѣлавшись царемъ, VI, с. 18.

С. 117, ст. 12. ,,Между тѣмъ какъ онъ сіе говорилъ (пора братъ!): Петръ Великій вскочилъ съ великою яростію, и ударивъ его столь сильно въ рожу, что онъ упалъ; *ежели тебѣ еще не пора*, сказалъ грознымъ голосомъ, *такъ, мнѣ теперь пора*.“ Тамъ же, с. 28 и 29.

С. 118, ст. 1 снизу. Такъ отвѣчалъ по преданію Петру Кикинъ предъ казнію.

С. 120, ст. 7 снизу. “Въ сію самую минуту, точно въ одинадцать часовъ вошелъ въ горницу капитанъ со своею ротою, которая была во всемъ снаридѣ. Тотчасъ прочіе умышленники всѣ пали ницъ признавая себя виновными. Потомъ обратясь къ капитану въ первомъ жару жестокую далъ ему пощечину,

укоряя, что онъ не явился въ назначенный часъ. Сей вынулъ изъ кармана письменное повелѣніе, и показывая оное Царю, предъ нимъ извинялся. Царь признавъ, что цѣлымъ часомъ ошибся, поцѣловалъ Капитана въ лобъ, назвалъ исправнымъ и прямымъ Офицеромъ, и отдалъ ему подъ караулъ связанныхъ умышленниковъ.“ Тамъ же, с. 29.

Дѣйствіе пятое. Рѣшеніе судьбы Царевича и всѣхъ его соумышленниковъ основано на подлинныхъ словахъ Петра, разсѣянныхъ въ рѣчахъ его, письмахъ и указахъ.

С. 122, ст. 20. О колебаніяхъ Петра, см. въ моихъ Историко-критическихъ отрывкахъ, Т. 11, с. 343 и проч.

С. 123, ст. 3. О вопросахъ Французскому послу, см. у Голикова

С. 123, ст. 22 ст. 11. ,,Безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ.“ Въ первомъ напоминаніи, с. 51.

С. 125. Содержаніе этого монолога свидѣтельствуется всею исторіею Петра.

С 128. ст. 2. снизу,,Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго.“ Въ первомъ объясненіи Петра сыну, Устр. VI, с. 47.

С. 129, ст. 12 Доказательства, что не одна любовь къ отечеству, къ прискорбію, руководствовала Петромъ въ страшномъ рѣшеніи, см. въ моихъ Историко-критическихъ опытахъ разсужденіе о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

С. 132, ст. 7 снизу. Такое положеніе Петра въ пароксизмѣ раздраженія извѣстно и по иностраннымъ и по русскимъ памятникамъ.

С. 133, ст. 5. Когда Петръ, по смерти новорожденнаго сына Петра, заперся въ своемъ кабинетѣ, и трое сутокъ никого не допускалъ до себя, даже жены Екатерины, то она придумала просить князя Якова Ѳедоровича Долгорукова найдти средство проникнуть къ нему и вывести изъ этого страшнаго положенія. Штелинъ, с. 309.

С. 134, ст. 1 и пр. См. выше примѣчкніе къ с. 21.

С. 134, ст. 7 и слѣду. ,,1718 года 14 Марта министры приговорили: Александру Кикину за все вышеписанное учинить смертную казнь жестокую, а движимое и недвижимое имѣніе его все, что есть, взять на Его Царское Величество.“ Устр. VI, с. 178. ,,17 Марта онъ былъ колесованъ; мученія его были медленны, съ промежутками, для того, чтобы онъ чувствовалъ страданія.“ с. 224.

,,Іюля 28 Ивану Аѳанасьеву за то.... учинить смертную казнь и все имѣніе взять на Государя.“ с. 191.

,,Ѳедору Еварлакову учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и сослать въ ссылку въ Сибирь, написавъ въ дѣти боярскіе.“

Тогда же приговорены къ смертной казни и Ѳедоръ Вороновъ и Ѳедоръ Дубровскій

Правительствующій Сенатъ 28 іюля приговорилъ Воронова къ смертной казни за то, что зналъ о побѣгѣ царевича, а не донесъ, далъ цифирную азбуку изъявилъ готовность служить ему. с. 193.

„Государь 17 Марта указалъ: за продерзостныя слова жить Нарышкину до указу въ дальней его деревнѣ, которая далѣ всѣхъ и изъ нея не выѣзжать.“

Князь Василій Долгорукій (вслѣдствіе ходатайства Квязя Якова Ѳедоровича и проч.) былъ сосланъ въ Соликамскъ, 22 Іюля.

Абрамъ Лопухинъ (см. выш с. 140) казненъ вмѣстѣ съ духовникомъ Яковомъ Игнатьевымъ, Вороновымъ, Аѳанасьевымъ, Дубровскимъ: Казнь совершилась 8 Декабря 1718 годау Троицы на въѣздѣ въ дворянскую слободу. Отрублены головы... Головы поставлены на каменномъ столбѣ на желѣзныхъ спицахъ, а тѣла на колесахъ, близь самаго съѣстнаго рынка, за кронверкомъ. Тутъ они лежали до 21 Марта 1718, когда дозволено тѣла съ колесъ снять и отдать для погребенія родственникамъ. Записная книга С.-Петербургской гварнизонной Канцеляріи.

С. 134, ст. 5 снизу. Въ 26 день. По полуночи въ 8 часу начали сбираться въ гварнизонъ Его Величество, свѣтлѣйшій князь, Яковъ Ѳедоровичъ, Гаврило Ивановичъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Тихонъ Никитичъ, Петръ Андрѣевичъ, Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ, и учиненъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались.“

С. 134, ст. 6 снизу. „Тогожъ числа по полудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ роскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился.“ Устр. с. 612 и 613.

Сіе опредѣленіе и приговоръ о смерти его были прочтены 25 Іюня... царевичу... коль скоро послѣ сего прочтенія отведенъ былъ въ свое мѣсто, то съ толикою силою воображеніе настоявшей казни воздѣйствовали въ немъ, что, приведя въ чрезвычайное валненіе кровь его, причинила ему апоплексію. См. Голикова, VI, с. 142.

С. 134 ст. 1 снизу. Объ Авессаломѣ упоминается часто въ духовныхъ разсужденныхъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Предлагаемая публикѣ піеса написана очень давно, предъ глазами, такъ сказать, Пушкина, которому я читалъ начало въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ 1831 года. Кончивъ, послѣ его отъѣзда, я прочелъ тою же осенью въ Царскомъ селѣ, ему и Жуковскому, тою піесу, которая удостоилась ихъ одобренія, слишкомъ для меня лестнаго. Они присовѣтовали мнѣ только сократить нѣкоторыя мѣста, что я тогда же и исполнилъ, проживъ для того недѣли двѣ въ ихъ обществѣ. Пушкинъ и Жуковскій взялись провести моего Петра чрезъ цензурныя Кавдинскія ущелія, съ помощію Д. Н. Блудова, бывшаго товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Но старанія ихъ остались безуспѣшными, и цензура, не находя въ трагедіи ничего противнаго уставу, затруднялась самимъ ея предметомъ. Печатать было не позволено, и всѣ мои лестныя надежды на Петра тогда рушились.

Въ сороковыхъ годахъ прочелъ я еще Петра въ Порѣчьѣ Графу Блудову, который имѣлъ, по Высочайшему разрѣшенію, возможность ознакомиться со всѣми документами тайныхъ архивовъ, и зналъ въ ъв время лучше и обстоятельнѣе всѣхъ, дѣло харевича Алексѣя: онъ незамѣтилъ у меня, въ сущности, никакого противорѣчія съ ними, къ полному моему удовольствію.

Въ послѣднее время, занимаяясь Петромъ я нашелъ множество подтвержденій словамъ, приданнымъ мною тому или другому лицу въ трагедіи, которыя и приведены въ примѣчаніяхъ.

Еще прежде случилось мнѣ прочесть трагедію покойному В. А. Каратыгину, и онъ горячо пожелалъ сыграть Петра. Съ его ростомъ и наружностію, при усвоеніи всѣхъ извѣстныхъ привычекъ Петровыхъ, ему можно было, въ самомъ дѣлѣ, оживить предъ нами образъ могучаго Царя. Каратыгинъ

осмѣливался сказать это раза два Государю Николаю Павловичу, когда тому случалось заходить на сцену. Государь въ оба раза отвѣчалъ, улыбаясь: хорошо, но надо подождать.

Въ послѣднее время, В. В. Самойловъ выражалъ мнѣ тоже желаніе, и на мои слова, что ростъ его помѣшаетъ очарованію, опытный артистъ отвѣчалъ: если мнѣ удастся, при первомъ выходѣ, показаться публикѣ высокимъ, то я такимъ и останусь въ ея воображеніи на все представленіе. Лице и голосъ Самойлова, при его особенномъ искуствѣ гримироваться, т. е. поддѣлываться подъ наружность играемаго лица, могли-бы увеличить сходство его съ Петромъ еще поразительнѣе Каратыгина.

Покойному Са́довскому принадлежала-бъ роль князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго. Можно себѣ представить, какъ онъ произнесъ бы слова, въ 3 дѣйствіи, по выходѣ Петровомъ изъ Сената на пожаръ:

Ушелъ! ну, Богъ съ тобой! Грѣха не скрою
Предъ вами, господа! Хоть грудь открылъ я.
А вѣдь поджилки такъ и затряслися...

Или какъ сказалъ бы онъ, открывая грудь:

Коли, коли,—да послѣ не вспокайся.

Мнѣніе Пушкина о Петрѣ, выраженное въ письмѣ ко мнѣ, кромѣ изустныхъ отзывовъ, и другое, сказанное Чаадаеву, по выслушаніи одного изъ дѣйствій, и написанное Петромъ Яковлевичемъ на рукописи, которую уже по смерти Пушкина, онъ бралъ у меня для прочтенія, я сообщать не могу, по причинамъ понятнымъ, но скажу только, что Пушкинъ не одобрялъ 4 дѣйствія, какъ бы составленнаго изъ сценическихъ эффектовъ. Это въ родѣ Коцебу, говорилъ онъ, у котораго надъ какимъ нибудь несчастнымъ или несчастною заноситъ руку съ одной стороны отецъ, а съ другой припадаетъ любовница или любовникъ,—и при этихъ словахъ онъ, любившій выражаться пластически, вытягивалъ свое лице, представляя изнеможеннаго Алексѣя.

Еще помню одну его поправку. Разстрига-протопопъ Іаковъ, въ первомъ дѣйствіи, осуждая дѣйствія Петровы, говоритъ о захваченныхъ имъ церковныхъ деньгахъ. Когда я прочелъ:

И всякая копейка горячимъ *углемъ*
На голову его падетъ въ послѣдній день...

Каплей, каплей, воскликнулъ Пушкинъ, вскочивъ и потирая руки. Это была любимая его привычка—такъ выражалъ онъ свое удовольствіе, когда находилъ выраженіе болѣе точное для выраженія той или другой своей или чужой мысли.

Въ первомъ монологѣ Петра Пушкинъ находилъ лишнюю риторику.

Сладко воспоминать теперь, на старости, эти минуты, проведенныя съ незабвеннымъ нашимъ поэтомъ, когда я слушалъ его, или читалъ ему первые свои опыты—Марѳу, Петра, Размышленія объ отношеніяхъ Польши и Россіи, Взглядъ на кабинеты журналовъ... это былъвмѣстѣ и горячій другъ Русской словесности, который принималъ къ сердцу судьбу ея, дорожилъ всякимъ ея успѣхомъ, радовался малѣйшему проблеску таланта у кого бы то нибыло, и готовъ былъ помогать ему всѣми средствами; это былъ Русскій гражданинъ, который высоко сознавалъ свое гражданское достоинство; это былъ человѣкъ истинно добрый, готовый всегда на помощь ближнему, но я боюсь заговориться, и прошу извиненія у читателей въ этомъ невольномъ отступленіи.

У Жуковскаго спросилъ я, оставлять ли штофъ водки на столѣ въ токарнѣ Петра въ 5 дѣйствіи. Если штофъ стоялъ тамъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь, то снимать не надо.

Гоголь, тогда еще только выступавшій на поприще словесности, писалъ между прочимъ:. . „Ради Бога прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо, такъ даже, чтобъ они непремѣнно были смѣшны. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина!

А доказательство въ наше время. Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ идутъ рѣчи, какъ объ разученой головѣ. А у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ. Какая смѣшная смѣсь во время Петра, когда Русь превратилась на время въ цырюльню, биткомъ набитую народомъ. Одинъ самъ подставляетъ свою бороду, другому насильно брѣютъ ее. Вообразите, что одинъ бранитъ антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ, и б ется изъ силъ, чтобъ сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себѣ это, какъ вообразивъ попа во фракѣ,“ и проч.

Скажу теперь собственное мнѣніе: чрезъ столь долгое время можно относиться къ своему сочиненію, какъ нынѣ говорятъ, объективно:

Петръ вышелъ у меня слишкомъ идеализированный, согласно съ моими *тогдашними* понятіями. Замѣчу впрочемъ, что въ трагедіи выставлена только одна свѣтлая сторона его.

Четвертаго дѣйствія теперь я не написалъ бы такъ, какъ оно было тогда написано, то есть, не привелъ бы въ среду заговорщиковъ Алексѣя, чего въ дѣйствительности и не было. Слова, приданныя ему, не противорѣчатъ впрочемъ его образу мыслей и дѣйствій.

Отъ прочаго не отрекаюсь.

Монологъ Петра о наукѣ дѣйствительно, по вѣрному замѣчанію Пушкина, риторическій, написанъ былъ мною въ виду тѣхъ нареканій и опасностей, какимъ подвергалась у насъ наука въ первыхъ тридцатыхъ годахъ.

Мысли о воспитаніи наслѣдника, — какое значеніе оно имѣетъ, — вложенныя въ уста князя Якова Ѳедоровича, хотѣлось мнѣ заявить предъ вступленіемъ Жуковскаго въ дѣйствительную должность воспитателя нынѣшняго Государя.

Слова Петровы о Славянахъ имѣли источникомъ мои тогдашнія мечтанія о Славянахъ, которыя впрочемъ оправдались подлинными современными документами о видахъ Петра.

Г. Пыпинъ ошибается, говоря въ своей статьѣ о славянофильствѣ что Пушкинъ далъ эту тему славянофиламъ своимъ стихотвореніемъ: Клеветникамъ Россіи. Могу прибавить еще, что до этого стихотворенія я прочелъ Пушкину свои Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши и Россіи, которыя онъ выслушалъ 5 — 8 Апрѣля 1831 года, съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ...

Вяземскому, учителю царевича, я придалъ остроты, представляя себѣ Князя Петра Андреевича.

По ошибкѣ я назвалъ учителя царевича княземъ. Нѣтъ, Вяземскій, Никифоръ Кондратьевичъ, нигдѣ въ документахъ не называется княземъ. Не отъ Вязёмъ ли, села князя Бориса Алексѣевича Голицына, перваго руководителя Петрова, въ 40 верстахъ отъ Москвы, по Смоленской дорогѣ, происходитъ его фамилія: Вязёмскій? По крайней мѣрѣ, въ 10 верстахъ отъ Вяземъ, была у него своя деревенька, для которой онъ просилъ чрезъ духовника царевичева сѣмянъ у своего сосѣда.

Одинъ отрывокъ изъ Петра, а именно второе дѣйствіе, я напечаталъ въ послѣднихъ 30 годахъ въ Наблюдателѣ, и цензоръ, П. С. Щепкинъ, получилъ за то строгій выговоръ. Піеса осталась въ моей сумкѣ на много лѣтъ безъ движенія. Въ пятидесятыхъ годахъ всѣ документы по дѣлу царевича Алексѣя были напечатаны академикомъ Устряловымъ въ VI томѣ Исторіи Петра, и препятствія къ изданію трагедіи были отстранены: я началъ печатать ее отрывками въ сборникѣ Утро,—и вотъ теперь, чрезъ 40 слишкомъ лѣтъ по написаніи, дождался наконецъ возможности напечатать Петра вполнѣ, и посвятить памяти добраго, любезнаго, дорогаго для меня, вдохновителя, ободрителя и благожелателя, А. С. Пушкина, но дождусь ли представленія, хотя по частямъ,—этого, на 73 году, надѣяться, судя по прежнему, мудрено!

М. Погодинъ.

1873 года
Февраля 23.

W24

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025258721